

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 – 2

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, (ИНИОН РАН,
зав. отд. языкознания), *В.М. Аллатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (Институт
языкознания РАН, гл. науч. сотр.), *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук (ИЯ РАН, ст.
науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ,
проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол.
наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им.
А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч.
сотр.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол.
наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *Е.В. Майорова* – ответственный секретарь
(ИНИОН РАН, мл. науч. сотр.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ,
проф.), *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, ст. науч. сотр.),
В.А. Пищальникова – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол.
наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики),
В.В. Потапов – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.),
М.М. Раевская – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *М.Б. Раренко* –
канд. филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *С.А. Ромашко* – канд. филол.
наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол.
наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук (ИЯ РАН,
гл. науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи), *И.А. Шаронов* –
д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой).

Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8776
DOI: 10.31249/ling/2023.02.00

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2023

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2023 – 2

Published since 1973

Frequency: 4 issues per year

Series index 2.6

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Department of Linguistics

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology, deputy Editor-in-Chief, (INION RAN, Head of the Department of Linguistics), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.S. Babenko* – Candidate of Philology (Institute of Linguistics RAS, senior researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *E.V. Mayorova* – executive secretary (INION RAN, junior researcher), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology (INION RAN, senior researcher), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology (INION RAN, leading researcher), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU).

Responsible for the issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal «Social’nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2023.02.00

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФС77-80873 or 21.04.2021

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алпатов В.М.</i> История идей науки и история людей науки	7

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>Бушев А.Б.</i> Проблемы выраженности в языке и описания внутренних состояний, личности, болезни	27

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

<i>Долинский В.А.</i> Синергетика и принцип наименьшего усилия в языке и речи	51
<i>Карасик В.И., Слышкин Г.Г.</i> Отречение как дискурсивный феномен	71

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Маслова Ж.Н.</i> Опыт лингвокогнитивного анализа поэзии Н. Гумилёва	88

РЕЦЕНЗИИ

<i>Синельникова Л.Н.</i> Рецензия на монографию: Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / науч. ред. Н.Д. Голев; отв. ред.: Е.В. Новгородова. – Кемерово, 2022. – Т. 3: Лингвоконфликтологический аспект: монография. – 384 с.	97

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Опарина Е.О., Раренко М.Б.</i> Международная научно-практическая конференция «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (27–28 октября 2022 г.; Москва; МГОУ, ИНИОН РАН) [сообщение о научном событии]	113
<i>Крюкова О.С., Раренко М.Б.</i> Круглый стол «Проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах» (28 октября 2022 г., Москва) [сообщение о научном событии]	138

CONTENTS

GENERAL LINGUISTICS

Alpatov V.M. The history of ideas of science and the history of people of science 7

PSYCHOLINGUISTICS

Bushev A.B. The problems of description of inner states,
personality and disease 27

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Dolinsky V.A. Synergetics and the principle of least effort
in language and speech 51

Karasik V.I., Slyshkin G.G. Renunciation as a discourse phenomenon 71

LINGUOCULTUROLOGY

Maslova Zh.N. Experience of linguistic and cognitive analysis
of N. Gumilev's poetry 88

REVIEWS

Sinel'nikova L.N. Monograph review: Social networks: a complex
linguistic analysis. Vol. III: The linguoconflictological aspect: monograph /
ed. N.D. Golev; editor-in-chief Ye.V. Novgorodova. –
Kemerovo, 2022. – 384 p. 97

SCIENTIFIC EVENTS

Oparina E.O., Rarenko M.B. International scientific and practical conference
“Language as an instrument of contacts and conflicts:
causes and consequences” (October 27–28, 2022; Moscow;
Moscow State Regional University, INION RAN) 113

Kryukova O.S., Rarenko M.B. Round table “Problems of teaching russian
as a foreign language in russian universities” (October 28, 2022, Moscow) 138

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

GENERAL LINGUISTICS

УДК 81'1

DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

Алпатов В.М.¹

ИСТОРИЯ ИДЕЙ НАУКИ И ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ НАУКИ

Аннотация. История науки может отвлекаться от личностей и сводиться к исследованию теорий, методов, подходов без внимания к тем людям, которые их выдвигали или опровергали. Безусловно, такой путь может быть вполне оправдан. Однако науку делают люди, и их человеческие качества, склонности, характеры влияют на их деятельность. Это влияние рассматривается в статье на примерах Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.Я. Марра, Н.И. Конрада, Н.И. Фельдман, П.С. Кузнецова и др.

Ключевые слова: история науки; научные парадигмы; новаторство; традиции; склонности; характер.

Для цитирования: Алпатов В.М. История идей науки и история людей науки // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С 7–26. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

---

¹© Алпатов В.М., 2023

Алпатов Владимир Михайлович – д-р филол. наук, профессор, академик, гл. науч. сотр. Института языкознания РАН, e-mail: v-alpatov@iling-run.ru

ALPATOV V.M.¹
THE HISTORY OF IDEAS OF SCIENCE AND THE HISTORY
OF PEOPLE OF SCIENCE

Abstract. The history of science can be distracted from personalities and reduced to the study of theories, methods, approaches without attention to those people who put them forward or refuted. Of course, such a path can be fully justified. However, science is done by people, and their human qualities, inclinations, and characters influence their activities. This influence is considered in the article on the examples of F. de Saussure, I.A. Baudouin de Courtenay, N.J. Marr, N.I. Konrad, N.I. Feldman, P.S. Kuznetsov, etc.

Keywords: history of science; scientific paradigms; innovating; traditions; inclination; character.

For citation: Alpatov V.M. History of ideas of science and history of people of science // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser.6. Yazykoznanie [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. – 2023. – N 2. – Pp.7–26. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.01

Введение

История науки может изучаться по-разному. Она может отлекаться от личностей и сводиться к исследованию теорий, методов, подходов без внимания к тем людям, которые их выдвигали или опровергали. Конечно, редко история бывает анонимной (в научной публицистике это встречается чаще, чем в собственно науке): обычно при изучении идей упоминаются фамилии и национальные принадлежности ученых, выступавших с ними. Худшие работы такого типа сводятся к перечислениям того, кто что сделал, без должного анализа; лучшие работы посвящены борьбе идей, появлению и развитию тех или иных научных парадигм.

Такой подход иногда осуществляется вполне сознательно. Известный франко-швейцарский историк науки о языке Патрик Серио постоянно говорит о необходимости строго разграничивать историю науки и изучение личных качеств, склонностей и биогра-

---

¹ *Alpatov Vladimir Mihajlovich* – Doctor of Philology, professor, academician, chief researcher, Institute of linguistics, Russian academy of sciences, Moscow, e-mail: v-alpatov@iling-run.ru

фий изучаемых ученых (см. об этом его книгу [Sériot, 1999], изданную и на русском языке [Серио, 2001]). П. Серио считает непродуктивным подход к изучению научного творчества Н.Я. Марра в ряде публикаций, поскольку там все сводится к изображению личных качеств этого ученого, которого рассматривают как «психопата-мегаломана» [Sériot, 1999, p. 141]. По его мнению, об истории научных идей надо писать в отвлечении от личных качеств, свойств характера и биографических обстоятельств жизни тех, кто эти идеи высказывал. Изучение истории идей, связанных с языком, в отвлечении от истории людей он назвал лингвистической эпистемологией.

Безусловно, такой путь в целом преобладает и может быть вполне оправдан. В то же время жесткие разграничения такого рода могут вызывать и неприятие. Один советский историк, убежденный марксист, тем не менее, говорил: «Всё производительные силы и производственные отношения, а где же человек?». Конечно, история идей в чистом виде (эпистемиология науки) возможна, но история ученых в отвлечении от их идей нет (кроме как в художественном произведении, где известны стереотипы изображения ученых). Наука – та сфера, в которой биография человека полностью не может быть отделена от его занятий.

Но науку делают люди, и их человеческие качества, склонности, характеры влияют на их деятельность. Иногда мы об этом просто не знаем. Какой характер был у Панини или Дионисия Фракийского? Но и тогда, когда биография ученого известна, она часто сводится к стандартному послужному списку. Родился и умер тогда-то и там-то, из такой-то семьи, тогда-то и там-то учился, преподавал, потом вышел в отставку (или не дожил до соответствующего возраста). Плюс учителя, ученики, издания разных лет. Все оказываются очень похожими друг на друга. У нас по такой схеме особенно часто биографии ученых строились в конце советской эпохи. Иногда, не спорю, к этому мало что можно прибавить. Не так много, по-видимому, можно сказать о личностях А. Мейе или Ф.Ф. Фортунатова, хотя в истории научных идей их невозможно обойти.

Однако нередко не богатые внешними событиями биографии полны внутреннего драматизма. Вот Ф. де Соссюр, у которого виден контраст между посмертной славой и репутацией при жизни.

Отвергнутая научным истеблишментом, но обратившая на себя внимание книга, изданная автором в 21 год, и сразу после этого совершенно другая по тематике диссертация. Не только сейчас, но и тогда столь ранний восход не был частым. А потом за более чем 30 лет лишь несколько не столь ярких статей, и почти ничего не публиковалось в последние полтора десятилетия жизни. За эти годы все публикации и большинство курсов для студентов были посвящены вполне традиционным темам. Обессмертивший ученого курс достался ему случайно и мало кому был известен до посмертной публикации. Такой человек мог считаться неудачником. Дополнительная проблема, которую обычно не принимают во внимание: в 1908 г. его ученик выпустил книгу, изданную сейчас и по-русски [Сеше, 2003], где многое отражало идеи Соссюра, по-видимому, излагавшиеся в беседах с Сеше. А Соссюр в это время, вероятно, почти не мог писать и был в состоянии ответить ученику только устно. Случайно ли именно в 1908 г. он впервые прочел курс, основанный на новаторских идеях (в курсе 1906 г. их было меньше)? А потом при участии того же Сеше, готовившего вместе с Ш. Балли «Курс» к печати, все изменилось, но Соссюр об этом не узнал. И не сказалось ли его постоянное непризнание на эволюции взглядов Соссюра в сторону отказа от господствующих мнений?

И личность Соссюра показывает, как могут не совпадать склонности человека в науке и за ее пределами. Сравним Соссюра и его старшего современника И.А. Бодуэна де Куртенэ. В науке оба были новаторами, но Бодуэн был очень активен и за ее пределами, в том числе политически, даже побывал в тюрьме. Соссюр от политики был далек, а в науке долго боялся обнародовать слишком нетрадиционные идеи. Тем не менее как лингвист он пошел дальше Бодуэна и был смелее его. В. Матезиус писал: «Бодуэн... создал понятие фонемы, принадлежащее к основам современной лингвистики. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода и лингвистической системы, ибо... слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке» [Матезиус, 1960, с. 90].

Могут быть выделены разные типы влияния личности ученого на его научную деятельность. Иногда они почти незаметны, но могут и определять очень многое. Как раз вышеупомянутый Н.Я. Марр был одним из наиболее красноречивых примеров.

Крайний случай: Марр

Николай Яковлевич Марр – «без сомнения, если не самое знаменитое, то самое “шумное” имя в истории советской науки» [Абаев, 1960, с. 90]. При этом поражает контраст между яркостью личности академика и полной нелепостью многих его утверждений. Например, он объявил французский язык скрещенным латинско-галльским, где простота морфологии – галльское (яфетическое) наследие; французский язык не упростил латинскую морфологию, а еще не дошел до той стадии развития, на которой находился латинский язык [Марр, 1934, с. 188–189]. На определенной стадии экономического развития в любом языке мира вода будет называться *si* [Язык, 1936, с. 45–46]. Смерды – иберо-шумерская прослойка русских [Марр, 1934, с. 21–22]. И т.д., список можно продолжать до бесконечности.

Яркая личность привлекала очень многих от коллег Марра по Академии наук до совсем молодых и восприимчивых ко всему новому людей и способствовала распространению его идей. Многие считали его гением. Однако обычно восторженно к нему относились прежде всего лично знавшие его люди. За рубежом почти никто не испытывал пиетета к Марру (в том числе языковеды-марксисты), и даже в Москве, где академик бывал лишь изредка, его идеями увлекались гораздо меньше, чем в Ленинграде, где он жил, преподавал и выступал. Читая его труды, очень нескладно написанные, увлечься высказываемыми там идеями не так легко, а непосредственное общение со столь яркой личностью располагало к этому.

Уже в годы, когда Марр не выходил еще за пределы Кавказа, ему был свойствен подход, о котором очень точно писал забытый сейчас филолог Б.В. Горнунг: «Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые примененному в юности, Н.Я. Марр остался верен всю свою жизнь» [Против ... , 1952–1953, с. 160]. Марр с самого начала отстаивал идею об исконной общности грузинского и армянского языков, уже опровергнутую компаративистикой. Ради ее утверждения он выдвигал самые разные положения, доказать ее не смог, но не мог и отказаться от нее. Отмечают у него и подтасовку фактов. Например, если во фразе грузинского

памятника одно слово противоречило избранной интерпретации, автор грамматики зачеркивал это слово и делал вид, что его нет. Ученые не могут так поступать. И Марр постоянно выбирал между априорной концепцией и фактами в пользу концепции. Скажем, в период активного поиска яфетических языков (первая половина 20-х годов) он определял для себя яфетическую принадлежность того или иного языка еще до того, как начинал его изучать, а затем подгонял факты этого языка к априорной схеме.

О характере Марра лучше всего сказал близкий ему ученик В.И. Абаев: у Марра «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения над фактами»; при активности творческого центра Марр был лишен центра торможения [Абаев, 1960, с. 98–99]. В обширном наследии Марра (до сих пор не полностью опубликованном) речь всерьез может идти о двух полярных уровнях: уровне введения в науку конкретных фактов и уровне выдвижения гипотез и догадок о самых общих проблемах. Какой-либо «середины», т.е. обобщения фактов, построения и обоснования теорий, у него нет и, вероятно, не могло быть. Марр обладал выдающейся интуицией и мог угадывать неясные контуры тех или иных явлений. Но, не имея «центра торможения», он уже не мог остановиться и начинал строить заново все, доводя до абсурда разумные в своей основе идеи вроде скрещения языков. Там, где он вступал в области, обеспеченные фактами, этот абсурд становился очевидным. Но он более всего интересовался теми периодами языковой истории, для которых фактов недостаточно.

Безусловно, самые фантастические его теории отражали «дух времени». Но этот дух не обязательно требовал отбросить «центр торможения». Идеи были неразрывны с его личностью, о которой лучше всего сказал академик-китаист В.М. Алексеев: «Это грандиозный, бурный, беспредельный темперамент.... Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения» [Проблемы ... , 1935, с. 64]. И это вовсе не означает, что он был психопатом. Надо признать, что Марр при блестящих талантах не был ученым по своему человеческому складу. Он оказывался в науке более пророком, чем исследователем.

Общие склонности

Редко ученый может в равной степени успешно заниматься многими науками сразу. Конечно, есть более широкие и более узкие специалисты, но какой-то не одинаковый для разных людей предел существует. А часто бывает так, что те или иные общественные потребности при нехватке специалистов заставляют человека заниматься самыми разными науками. И бывает, что в одной дисциплине работают люди разных интересов. Такое может случиться всегда, особенно часто при необходимости расширения тематики. И пример, который я приведу, особенно любопытен, так как касается одной семьи.

В советском востоковедении 1920–1950-х годов шло расширение тематики, во многом стимулировавшееся практическими потребностями. От преобладавшего в дореволюционное время уклона в изучение письменных памятников переходили к исследованию истории, современной литературы, языка. Во главе советской японистики в это время стоял Н.И. Конрад, которому приходилось заниматься самыми разными сюжетами, включая лингвистические. Он издал объемистую книгу «Синтаксис японского национального литературного языка» (1937) и ряд статей, есть у него и публикации по китайскому языку, например [Конрад, 1952].

Однако в его работах по «чистой» лингвистике, в том числе по грамматике, чувствуется сухость изложения и вторичность материала, который в основном взят из грамматики «Когохо», изданной в Японии на двадцать лет раньше «Синтаксиса». Эти примеры в основном интерпретируются на основе идей, сформулированных в русистике (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский) и переносимых на японский язык; кое-где учтены и идеи Е.Д. Поливанова, и нередко пересказываются японские авторы. «Синтаксис» был первой на русском языке японской грамматикой такого объема, и многие вопросы там были рассмотрены впервые, но в целом работа мало оригинальна и эклектична (подробнее см.: [Алпатов, 1988, с. 84–93]). Совсем неудачна статья «О китайском языке», где в духе времени предлагалось описывать этот язык по образцу русского языка, находить в нем склонение и спряжение. Но совсем по-другому написаны работы, посвященные социолингвистике [Конрад, 1954; Конрад, 1960], а также соответствующий раздел в

«Синтаксисе», во многом спорный, но интересный. Видно, что эти проблемы Конрада волновали.

Представляется, что Конрад по необходимости (нужна была теоретическая основа для преподавания японского языка) занимался, в числе прочего, и лингвистикой, но интересы его были иными. Он постоянно говорил студентам, что главное для востоковеда – изучение культуры исследуемого народа во всех ее проявлениях. Вопросы литературной нормы, очевидно, связаны с культурой, но от фонетики и грамматики до культуры далековато.

Рядом с Конрадом работала Наталья Исаевна Фельдман, его ученица, затем жена. И представляется, что она была прирожденным лингвистом. В нескольких ею написанных японских грамматиках я не со всем могу согласиться, но немало там и интересного и содержательного. Например, в современной мировой лингвистике активно используется понятие «топика», а впервые его на японском материале всерьез изучила Фельдман, назвав «словом-темой». Писала она и статьи по теории лексикографии, где в [Фельдман, 1957] впервые употребила ставший уже привычным в России термин «окказионализм» [Левицкий, 2020, с. 123]. Обращение к этой проблематике было не случайным: хотя ответственным редактором изданного в 1970 г. «Большого японско-русского словаря» считался Конрад, но фактически работой руководила Фельдман. Двое видных японистов работали параллельно, но имели разные интересы.

Исследователи языков и создатели теорий

На эту тему я печатал специальную статью [Алпатов, 2008] и здесь вкратце перескажу ее содержание. Одни люди любят подробности, собирание фактов и не склонны создавать теории. Они ищут ранее не известные детали в письменных памятниках, описывают неизученные языки и диалекты на основе испытанных методов и гордятся тем, что путем кропотливого анализа добыли, безусловно, реальные факты. Такие ученые лучше себя чувствуют в спокойные периоды развития науки, когда научная парадигма сложилась и может казаться, что ей нет альтернативы. Особенно это было свойственно эпохе позитивизма. Других влечет дух создания новой теории, нового взгляда на, может быть, уже известные вещи.

Этого постоянно требует развитие науки, нередко новый взгляд нужен для решения практических задач. Для лингвистики два ярких примера – роль фонологии для конструирования алфавитов и роль математических методов для диалога человека с машиной. Новаторы выходят на первый план в эпохи кризиса, когда вызревает новая научная парадигма. Теоретики упрекают эмпириков в «бескрылом крохоборстве», а те видят у теоретиков «переливание из пустого в порожнее» и «слабосилие» (не способны «посидеть» много лет над одной конкретной темой). У разных людей бывают разные склонности в этом отношении, у одних лучше получается одно, у других другое; бывает, что в ту или иную эпоху приходится склонности ломать. Но в науке сочетается то и другое.

Известный лингвист советского времени Петр Саввич Кузнецов вспоминал, как в 1913 или 1914 г. в московской частной гимназии Е.А. Репман учитель истории Н.И. Руднев рассказал ученикам о двух типах историков. «Представители одного занимаются подготовкой фактического материала, анализом письменных источников, дешифровкой надписей, папирусов, клинописи и т.д., а другие – обобщениями социологического характера» [Воспоминания, 2003, с. 160]. Будущий лингвист тогда мечтал стать историком, и учитель предсказал ему будущность историка первого типа. И в воспоминаниях, и в памяти студентов Петр Саввич предстает как человек, интересующийся едва ли не всеми фактами, которые попадались в его поле зрения, с особым интересом к отдельным деталям. На военной службе и на военных сборах, в поездках по бездорожью к заочникам, в диалектологических экспедициях, в эвакуации во время войны – везде он искал возможность что-то узнать и познать от военной техники до фармакологии. Типичный собиратель фактов, ученый эрудитского склада!

Но в публикациях Кузнецов скорее не подтвердил прогнозы учителя. Вряд ли это получилось благодаря личным склонностям. Он оказался в Московском фонологическом кружке, где, развивая и преобразовывая идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, молодые тогда лингвисты строили теорию фонем. Родись он на десяток лет раньше, он стал бы наверняка позитивистом и специалистом по сравнительно-историческому языкознанию (такова и была его первоначальная аспирантская специализация, но в конце 20-х годов ее как «неактуальную» закрыли и перевели его на «русский язык»).

Но, попав в иное время и иную среду, Кузнецов вошел в историю науки как теоретик (хотя на филологическом факультете он славился эрудицией). В его поколении лингвисты ценили теорию и любили обобщать, и приходилось подстраиваться.

А предшествующее поколение в те же годы думало иначе. Вот типичное изложение позитивистских взглядов у А.И. Томсона: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» (цитируется по: [Робинсон, 2004, с. 153]). У современных ему ученых, в том числе у Н. Трубецкого, А.И. Томсон видел лишь «слабосилие», так как они «не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных» (цитируется по: [Робинсон, 2004, с. 175]).

Сходные с ним черты мы видим и у американских дескриптивистов. «До Хомского американский лингвист был почти что обязан провести один-два года среди носителей индейского языка и написать его грамматику. В североамериканской лингвистике это было чуть ли не обрядом посвящения» [Эверетт, 2016, с. 274]. Затем пришел Н. Хомский, который «не занимался полевыми исследованиями и тем не менее, очевидно, обнаружил в языке больше интересного, чем любой полевой исследователь» [там же]. Младограмматики и дескриптивисты значительно различались объектом исследований, но в равной степени были собирателями фактов. Хомский же обратился к теории, что повлияло и на его последователей.

Различие (или сходство) исследователей языков и создателей теорий может не совмещаться с различиями и сходствами по другим параметрам. Вот высказывание: «Появляется странная разновидность языковедов, о которых нельзя сказать, какой или какие языки являются их специальностью» [Филин, 1982, с. 76]. А вот другое высказывание: «...имеются два разных понятия... Понятие “Язык” означает язык вообще как используемый человечеством класс знаковых систем... Понятие “язык” имеется в виду, когда говорят о русском, китайском, английском или ином конкретном языке. Сообразно этим двум понятиям имеются и две лингвистики – общая и частная... Для него [В.А. Звегинцева – В.А.] на первом месте находилась общая лингвистика – для меня – частная» [Ус-

пенский, 2013, с. 417–418]. Всякий, кто что-то знает об истории советской лингвистики, понимает, что Ф.П. Филин и В.А. Успенский принадлежали к разным лагерям и были непримиримыми противниками. Успенский уже покойного Филина называл в воспоминаниях «хитрым и злобным интриганом», который «был крайне реакционен» [Успенский, 2013, с. 364] и даже «умер, как подобает злему колдуну» [там же, с. 378]. Но по этому параметру они сходились и оба полемизировали с чистым теоретиком В.А. Звегинцевым, почти не рассматривавшим конкретные примеры. По образованию тот был германистом, но это проявлялось лишь в одном: как переводчик лингвистической литературы он специализировался на переводах с немецкого языка.

Разумеется, многие лингвисты могут совмещать интересы к теории и конкретике. Но при этом бывает, что тяготение к тому или другому проявляется в разные периоды деятельности ученого. Вот лишь один пример: В.И. Абаев. Свою долгую научную деятельность он начинал как один из теоретиков марровского лагеря, именно он писал о «бескрылом крохоборстве», в котором упрекал даже Ф. де Соссюра [Абаев, 2006, с. 18]. Затем он перешел к детальному изучению истории иранских языков и лишь изредка публиковал статьи теоретического характера. При этом все его теоретические идеи либо игнорировали, либо крайне резко критиковали, а конкретные работы по иранистике были вполне признаны.

И, как известно, теории устаревают быстрее, чем конкретные описания. Однако полевые лингвисты постоянно сетуют на то, что они получали данные у информантов, руководствуясь теориями, принятыми во время работы с ними, а потом теория поставила вопросы, которые раньше не задавали, но теперь уже нет тех информантов, а иногда и языка. Теория нередко бывает априорной, не основанной на фактах и даже просто фантастической, но она дает опору. А попытки обойтись без теории иллюзорны. Всегда при описании языка эксплицитно или имплицитно руководствуются некоторой теорией, но когда не думают о ее выборе, то исходят из той теории, к которой привыкли, а это обычно бывает теория из когда-то пройденного учебника некоторого языка.

Теоретики и экспериментаторы

Одна из разновидностей того же противопоставления – ученые, специализирующиеся либо в проведении экспериментов, либо в создании теорий, эти эксперименты объясняющих. Это различие хорошо известно физикам, которые привыкли делиться на две соответствующие категории. Различие, как хорошо известно, связано со складом характера ученых: одни физики выбирают путь теоретика, другие – экспериментатора.

В большинстве областей лингвистики данное разделение стало осознаваться сравнительно недавно. Здесь, конечно, вспоминается известная статья Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931). Он пишет, что любое исследование конкретных языков (за исключением мертвых) должно включать в себя эксперимент. Выдвинув гипотезу о том или ином языке, необходимо ее проверить; два основных способа эксперимента – работа с информантом и самонаблюдение, при котором исследователь ставит условия эксперимента и проводит его на себе.

Безусловно, к числу экспериментальных дисциплин относится полевая лингвистика; вышеупомянутый «обряд посвящения» прежде всего сводился к экспериментальной деятельности. Но особенно очевидна это деятельность, когда исследователь языка начинает исследовать связанные с языком физические или физиологические процессы. Первой и долгое время единственной развитой дисциплиной такого рода была экспериментальная фонетика, сложившаяся во второй половине XIX в. С самого начала она использовала технические средства исследования. Однако и до нее, и параллельно с ней существовала и другая фонетика, не использовавшая приборы и во многом умозрительная, экспериментаторы называли ее «бумажной».

К концу XIX в. фонетические эксперименты заняли видное место в мировой науке о языке, даже несмотря на то, что тогда языкознание еще рассматривалось как историческая наука, а фонетические эксперименты неизбежно могут быть только синхронными, изучающими живые языки. И как раз позитивисты создали эту дисциплину. Скажем, вышеупомянутый А.И. Томсон был одним из ее основателей в России. Представляется, что главной чертой

позитивизма в лингвистике был не столько обязательный исторический подход (за что его часто критиковали структуралисты), сколько обязательное предпочтение теориям изучения фактов (уже существующих или получаемых при эксперименте). А реконструкция праязыка – тоже особого рода эксперимент.

Как пишет автор статьи «Фонетика» в российской энциклопедии (1902), где эта дисциплина понимается прежде всего как экспериментальная, ее знание «на Западе составляет общее достояние каждого начинающего лингвиста» [Булич, 2002, с. 247]. Он же указывает: «Акустико-физиологическая Ф. является необходимым фундаментом исторической и сравнительной Ф., без которого последняя неизбежно должна ограничиться чисто описательным отношением к своему предмету и отказаться от всяких попыток, объяснения тех звуковых изменений или “переходов”, которые происходят в человеческих языках» [Булич, 2002, с. 240]. То есть, безусловно, признавался приоритет фонетики, основанной на эксперименте с использованием приборов.

Однако развитие экспериментальной фонетики порождало и существенные проблемы. Выявление все более тонких фонетических различий показывало, что прибор фиксирует больше явлений, чем те, которые нужны носителям языка. Для изучения звуковой стороны языка наука еще не имела адекватной теории (которой, впрочем, экспериментаторы мало интересовались), а развитие экспериментов увеличивало хаос, который надо было преодолевать формированием способов его упорядочения (частый в развитии науки способ преодоления кризиса). Таким способом оказалось формирование фонологии. «Отцом и прародителем и фонемы, и фонологии» [Реформатский, 1970, с. 9] признан И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он разграничил антропофонику (акустико-физиологическую дисциплину) и психофонетику (последняя впоследствии была преобразована в фонологию). «Рождение ее [фонологии – В.А.] происходило в процессе развития фонетики как таковой» [Вельмезова, 2014, с. 70], но уже к 1920-м годам две дисциплины разошлись. Лингвисты, занимавшиеся звуковой стороной языка, все реже были одновременно фонетистами и фонологами; Л.В. Щерба (недаром он специально писал об эксперименте), а затем его ученики уже стали исключением. Британская школа фонетистов во главе с Д. Джоунзом, оставшаяся на прежних позициях, стала периферийной для

мировой науки. Для автора российской книги об истории фонологии Д. Джоунз «не был фонологом» [Реформатский, 1970, с. 40], поскольку понимал фонему как класс близких по качеству звуков, выделяемый вне каких-либо функций языка.

Для выработки критериев выделения звуковых признаков, важных для носителя языка, была нужна фонология, которая создала соответствующую теорию и в эпоху структурализма, в 1920-е годы вырвалась вперед, потеснив фонетику, которая, разумеется, продолжая развиваться, отошла на периферию науки о языке. Упорядочением хаоса легче было заниматься «бумажным» специалистам, которые могли и не владеть методикой фонетического эксперимента, зато хорошо знали теорию языка. Так же почти в это же время и переход к синхронии после Ф. де Соссюра давал возможность успешно заниматься лингвистикой, не владея изощренной компаративной методикой. Труднее всего переход к фонологии давался именно лучшим экспериментаторам, почему Великобритания, ненадолго ставшая благодаря их деятельности одним из центров мировой лингвистики, затем оказалась позади. Соответствующим образом стала рассматриваться и история науки. В книге [Реформатский, 1970] в центре внимания история фонологии начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ, а об истории экспериментальной фонетики говорится лишь вскользь.

И.А. Бодуэн де Куртенэ понимал фонологию как «психофонетику». Для него язык и фонема как одна из его единиц еще были если не физической, то, по крайней мере, психической реальностью. В 1930-е годы этим фонологическим взглядам оставался верен его ученик Е.Д. Поливанов, но для Н.С. Трубецкого это казалось давно пройденным этапом, и он резко писал о поздних работах Поливанова, приписывая данную точку зрения его оторванности от научных центров. Трубецкого, как и большинство других структуралистов, интересовали в первую очередь не элементы, а отношения между ними.

Роль фонологии в мировой структурной лингвистике до 1950-х годов включительно была очень большой. Среди ученых разных стран, которые были затронуты структуралистской парадигмой, в период между двумя мировыми войнами больше всего было фонологов по основным интересам. В разных странах сложились разные научные направления: дескриптивизм в США,

Пражская, Московская, Ленинградская школы. Для них именно фонология стала полигоном для выработки структурных методов, прежде всего из-за своей сравнительной простоты и обозримости. Главные понятия (вариант – инвариант, оппозиция, ее нейтрализация и др.) формулировались первоначально для фонологии, а затем переносились на другие уровни. Фонология находила и практического применение: создание алфавитов.

Связи между структурной фонологией и экспериментальной фонетикой понимались по-разному в разных школах. В частности, в СССР много лет спорили друг с другом Московская и Ленинградская школы, «параллельно разрабатывавшие, по крайней мере, две различные модели понятия фонемы, в разной степени абстрагированные от фонетической субстанции языка» [Климов, 1967, с. 19]. А.А. Реформатский (принадлежавший к Московской школе) писал об их различии: «Ленинградцы превосходят москвичей (за исключением С.С. Высотского и, пожалуй, покойного П.С. Кузнецова) в чисто фонетическом и особенно в экспериментально-фонетическом плане» [Реформатский, 1970, с. 47]. Но и у П.С. Кузнецова курс фонологии в МГУ в 1960-е годы был чисто «бумажным». Ленинградская же школа, основанная Л.В. Щербой, учитывала не только смысловозначительные признаки фонем, но и фонетические характеристики звуков. Ее подход был промежуточным между чисто фонетическим подходом и последовательно фонологической точкой зрения Московской школы. Но, как давно отмечал С.И. Бернштейн [Бернштейн, 1962], две школы просто называли фонемой разные понятия. Кроме того, сама фонология тогда в основном сводилась к сегментной фонологии: ударение, интонация, тоны были исследованы много хуже.

Уже в 50-е годы Р. Якобсон вместе с Г. Фантом и М. Халле сделал еще один шаг, разработав теорию дифференциальных признаков. Здесь лишь для фонологии была решена существенная проблема соизмеримости описаний, включения системы фонем любого языка в единую классификацию. И не случайно в авторский коллектив вошел наряду с двумя лингвистами и акустик Г. Фант: для авторов было важно каждому дифференциальному признаку приписать физический (акустический) коррелят. На первый взгляд была сделана попытка синтезировать экспериментальную и «бумажную» фонетику. Однако сам Фант впоследствии указывал, что

физическая реальность некоторых признаков проблематична, например, это относится к резкости – нерезкости. Авторы шли не от физических качеств звуков, а от абстрактных систем фонем, которым потом с разным успехом подбирались акустические корреляты.

Теория дифференциальных признаков стала, пожалуй, последним крупным достижением классической фонологии. Во второй половине XX в. ситуация в мировой лингвистике вновь изменилась: роль фонологии стала уменьшаться, что особенно ярко проявилось в американском генеративизме, обратившемся к синтаксису. Но звуковая сторона языка продолжает изучаться. В интересующей нас области на новом уровне возрождается приоритет фонетики, изучающей процессы говорения, над «бумажной» фонологией. С другой стороны, резко возросла практическая применимость фонетики. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов – синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 15]. Разрабатываются многие виды речевых технологий.

В этом разделе я совсем не вспоминал о склонностях людей. Но очевидно, что не только в физике разделение на теоретиков и экспериментаторов подразумевает различные склонности и различные характеры. Экспериментатор должен быть хорошо приспособлен к кропотливой и часто однообразной работе, что не каждому удастся. Когда-то А.Е. Кибрик сказал одному из дипломников: «Эксперимент – не ваша стихия. Лучше сопоставьте точки зрения разных лингвистов на какую-нибудь проблему и выработайте свою».

Один из самых талантливых отечественных лингвистов В.Н. Сидоров говорил, что «ему всегда были интересны личности и судьбы ученых» [Борунова, 2004, с. 41]. И то же можно сказать и про многих других специалистов. А учет человеческих характеров, склонностей и особенностей дополняет историю науки и нередко помогает понять, почему ее развитие шло таким, а не другим образом.

Список литературы

- Абаев В.И.* Н.Я. Марр (1864–1934): к 25-летию со дня смерти // Вопросы языкознания. – 1960. – № 1. – С. 90–99.
- Абаев В.И.* О «фонетическом законе» // *В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания.* – Москва : Наука, 2006. – С. 16–26.
- Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 189 с.
- Алпатов В.М.* Исследователи фактов и создатели теорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – С. 3–11.
- Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62–80.
- Борунова С.Н.* Еще о Владимире Николаевиче Сидорове // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. – Москва : Институт русского языка, 2004. – С. 37–49.
- Булич С.К.* Фонетика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 2002. – Т. 71. – С. 240–249.
- Вельмезова Е.В.* История лингвистики в истории литературы. – Москва : Индрик, 2014. – 416 с.
- Воспоминания П.С. Кузнецова // Московский лингвистический журнал. – Т. 7/1, 2003. – С. 155–250.
- Климов Г.А.* Фонема и морфема. – Москва : Наука, 1967. – 126 с.
- Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Общая фонетика. – Москва : РГГУ, 2001. – 592 с.
- Конрад Н.И.* О китайском языке // Вопросы языкознания. – 1952. – № 3. – С. 45–78.
- Конрад Н.И.* О литературном языке в Китае и Японии // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 25–40.
- Конрад Н.И.* О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкознания. – 1960. – Т. 10. – С. 25–40.
- Конрад Н.И.* Синтаксис японского национального литературного языка. – Москва : Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. – 380 с.
- Левицкий А.Э.* В поисках абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 117–142.
- Марр Н.Я.* Избранные труды. – 1933. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1934. – Т. 3–4.
- Матезиус В.* Куда мы пришли в языкознании // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Москва : Учпедгиз, 1960. – Ч. 2. – С. 86–91.
- Проблемы истории докапиталистических обществ. – Ленинград, 1935. – № 3–4.
- Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. – Москва : Издательство АН СССР, 1952–1953. – Т. 1–2.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. – Москва : Наука, 1970. – 527 с.
- Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). – Москва : Индрик, 2004. – 432 с.

- Серио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе, 1920–1930-е гг. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 360 с.
- Сеие А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. – Москва : УРСС, 2003. – 264 с.
- Успенский В.А. Труды по нематематике. – Москва : ОГИ, 2013. – Кн. 3. – 711 с.
- Фельдман Н.И. Окказиональные слова в лексикографии // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.
- Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – Москва : Наука, 1982. – 336 с.
- Эверетт Д. Не спи – кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. – Москва : ЯСК, 2016. – 384 с.
- Язык и история. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1936. – Т. 1. – 240 с.
- Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. – Paris, 1999. – 353 p.

References

- Abaev V.I. N.Ja. Marr (1864–1934). K 25-letiju so dnja smerti [Marr (1864–1934). To the 25 th anniversary of his death]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. – 1960. – № 1. – Pp. 90–99. (In Russian)
- Abaev V.I. O “foneticheskom zakone” [On the “phonetic law”]. V.I. Abaev. *Stat’i po teorii i istorii yazykoznaniya* [Articles on the theory and history of linguistics]. – Moscow : Nauka, 2006. – Pp. 16–26. (In Russian)
- Alpatov V.M. *Izuchenie yaponskogo yazyka v Rossii i SSSR* [The study of the Japanese language in Russia and the USSR]. – Moscow : Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1988. – 189 p. (In Russian)
- Alpatov V.M. Issledovateli faktov i sozdateli teorii [Researchers of facts and creators of theories]. *Izvestija RAN. Serija literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. – 2008. – № 2. – Pp. 3–11. (In Russian)
- Bernshtejn S.I. Osnovnye ponjatija fonologii [Basic concepts of phonology]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. – 1962. – № 5. – Pp. 62–80. (In Russian)
- Borunova S.N. Eshhe o Vladimire Nikolaeviche Sidorove [More on Vladimir Nikolaevich Sidorov]. *Otcy i deti Moskovskoj lingvisticheskoj shkoly. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Sidorova* [Fathers and children of the Moscow Linguistic School. In memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. – Moscow : Institut russkogo jazyka, 2004. – Pp. 37–49. (In Russian)
- Bulich S.K. Fonetika [Phonetics]. *Enciklopedicheskij slovar’ Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. – Tom 71. – Saint Petersburg, 2002. – Pp. 240–249. (In Russian)
- Vel’mezova E.V. *Istorija lingvistiki v istorii literatury* [The history of linguistics in the history of literature]. – Moscow : Indrik, 2014. – 416 p. (In Russian)
- Vospominaniya P.S. Kuznecova [Memoirs of P.S. Kuznetsov]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. – 7/1, 2003. – Pp. 155–250. (In Russian)

- Klimov G.A. *Fonema i morfema* [Phoneme and morpheme]. – Moscow : Nauka, 1967. – 126 p. (In Russian)
- Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshhaya fonetika* [General phonetics]. – Moscow : RGGU, 2001. – 592 p. (In Russian)
- Konrad N.I. O kitajskom yazyke [On the Chinese language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. – 1952. – № 3. – Pp. 45–78. (In Russian)
- Konrad N.I. O literaturnom yazyke v Kitae i Yaponii [On the literary language in China and Japan]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. – 1954. – № 3. – Pp. 25–40. (In Russian)
- Konrad N.I. O literaturnom jazyke v Kitae i Yaponii [On the literary language in China and Japan]. *Trudy Instituta yazykoznaniya* [Proceedings of the Institute of Linguistics]. – T. 10. – 1960. – Pp. 25–40. (In Russian)
- Konrad N.I. *Sintaksis yaponskogo nacional'nogo literaturnogo yazyka* [Syntax of the Japanese national literary language]. – Moscow : Izdatel'skoe tovarischestvo inostrannyh rabochih v SSSR, 1937. – 380 p. (In Russian)
- Levickij A.Je. V poiskah absurda [In search of the absurd]. *Absurd v yazyke i kommunikacii* [Absurdity in language and communication]. – Moscow : RGGU, 2020. – Pp. 117–142. (In Russian)
- Marr N. Ja. *Izbrannye trudy* [Selected works]. – T. III, 1933; T. IV. – Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1934. – (In Russian)
- Matezius V. Kuda my prishli v yazykoznanii [Where we came in linguistics]. Zvegincev V.A. *Istorija yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah* [History of Linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts]. – Chast' II. – Moscow : Uchpedgiz, 1960. – Pp. 86–91. (In Russian)
- Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshhestv* [Problems of the history of pre-capitalist societies]. – № 3–4. – Leningrad, 1935.
- Protiv vul'garizacii i izvrashhenija marksizma v yazykoznanii* [Against the vulgarization and perversion of Marxism in linguistics]. – T. 1–2. – Moscow : Izdatel'stvo AN SSSR, 1952–1953. (In Russian)
- Reformatskij A.A. *Iz istorii otechestvennoj fonologii* [From the history of Russian phonology]. – Moscow : Nauka., 1970. – 527 p. (In Russian)
- Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoy elity: Otechestvennoe slavianovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov)* [The Fate of the Academic elite: Domestic Slavic Studies (1917 – early 1930 s)]. – Moscow : Indrik, 2004. – 432 p. (In Russian)
- Serio P. *Struktura i celostnost': Ob intellektual'nyh istokah strukturalizma v Central'noj i Vostochnoj Evrope. 1920–1930-e gg.* [Structure and Integrity: On the Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920–1930 s]. – Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury. – 2001. – 360 p. (In Russian)
- Seshe A. *Programma i metody teoreticheskoy lingvistiki. Psihologija yazyka* [Program and methods of the theoretical linguistics. Psychology of language]. – Moscow : URSS. – 264 p. (In Russian)
- Uspenskij V.A. *Trudy po nematematike* [Works on nemathematics]. – Kn. 3. – Moscow : OGI, 2013. – 711 p. (In Russian)

- Fel'dman N.I. Okkazional'nye slova v leksikografii [Occasional words in lexicography]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. – 1957. – № 4. – Pp. 64–73. (In Russian)
- Filin F.P. *Ocherki po teorii yazykoznaniya* [Essays on the theory of linguistics]. – Moscow : Nauka, 1982. – 336 p.
- Jeverett D. *Ne spi – krugom zmei. Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhunglej* [Don't sleep – there are snakes all around. The life and language of the Amazonian jungle Indians]. – Moscow : JaSK, 2016. – 384 p. (In Russian)
- Yazyk i istoriya* [Language and History]. – T. 1. – Moscow – Leningrad : AN SSSR, 1936. – 240 p. (In Russian)
- Sériot P. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. – Paris, 1999. – 353 p.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'234

DOI: 10.31249/ling/2023.02.02

Бушев А.Б.¹

ПРОБЛЕМЫ ВЫРАЖЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ И ОПИСАНИЯ ВНУТРЕННИХ СОСТОЯНИЙ, ЛИЧНОСТИ, БОЛЕЗНИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям языкового поведения людей с нарушениями психики и особенностям представленности в языке и дискурсе внутренних состояний человека. Психические и неврологические нарушения часто имеют вербальное выражение. Материалом статьи явились фильмы-беседы с больными психиатрических клиник, преимущественно американских. Материал позволяет не только выявить характерные особенности речи, важные для лингвоперсонологии и лингводиagnostики, но также судить и о моделях выраженности языка описания различных психических состояний в разных культурах. Изучение особенностей коммуникации в разных психических состояниях самих пациентов, их окружения и общества помогает налаживанию диалога и инклюзии таких людей.

Ключевые слова: речь; речь при психических патологиях; лингводиagnostика; лингвоперсонология; язык описания эмоций; алекситимия; дискурс психиатрии.

Для цитирования: Бушев А.Б. Проблемы выраженности в языке и описания внутренних состояний, личности, болезни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 27–50. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.02

---

¹© Бушев А.Б., 2022

Бушев Александр Борисович – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, e-mail: Bushev.AB@tversu.ru

BUSHEV A.B.¹

THE PROBLEMS OF DESCRIPTION OF INNER STATES,
PERSONALITY AND DISEASE

Abstract. The paper is devoted to the specific verbal behavior of people with psychiatric disorders and representation in language and discourse of inner emotional states. The neurological and psychiatric disorders often are manifested in verbal form. The material of the paper is taken from films featuring discourse with patients of psychiatric wards, mostly American. The materials not only shed light upon specific characteristic of verbal behavior in the group under study- which is rather important for research linking personality and speech and diagnostics of certain traits of character and psychic states. This material is also illustrative of models of expressiveness of descriptions of different psychic states in different cultures. The research of specific characteristics of communication in the group under study – self-description, communication with relatives and environment and society on the whole help create inclusivity and friendly atmosphere of dialogue.

Keywords: speech; speech and psychic pathology; linguistic diagnostics; language of description of emotional states; alexithymia; psychiatric discourse.

For citation: Bushev A.B. The problems of description of inner states, personality and disease // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – N 2. – Pp. 27–50. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.02

Введение. Проблематика статьи

Настоящая статья предметом своего изучения делает особенности вербального поведения людей с нарушениями психики и особенности описания такого вербального поведения окружающим их социумом.

Психические и неврологические нарушения часто имеют вербальную манифестацию. Об этом известно со времен возникновения научной психиатрии, невропатологии и нейропсихологии, со времен пионерских работ А.Р. Лурии [Лурия, 1947]. В рамках упрощенной классификации расстройств речи, связанных с органическим поражением мозга (инсульты, травмы, опухоли), можно выделить моторную афазию (пациент не может говорить, хотя по-

---

¹ *Boushev Alexandre B.* Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism, PR and Advertising, Tver State University, e-mail: Bushev.AB@tversu.ru

нимает устную речь) и сенсорную афазию (пациент не понимает речь, хотя может произносить слова и фразы). Вспомним, что Р. Якобсон полагал, что исследования речи афатиков помогут понять механизмы продукции и понимания речи.

Афазиями занимаются логопедия, нейропсихология, психолингвистика. Долгое время эти исследования оставались почти неизменными [Цветкова, 2001], но сегодня их изменили нейровизуализационные техники, сделав возможным точную локализацию очага в головном мозге (например, [Русскоязычная фМРТ-парадигма ... , 2016]).

Среди исследований, развивающих идеи А.Р. Лурии, Е.Д. Хомской, Е.Н. Винарской, Л.С. Цветковой (например, [Хомская, Цветкова, 2001]), отметим современные прикладные исследования афазий в европейских странах [Brysbaert, Ellis, 2016; Martinez-Ferreiro, Bastiaanse, Boye, 2019]. В России такие исследователи работают в коллективе лингвистов и логопедов (нейропсихологов) в Кемеровском университете [Колмогорова, 2020]. Они ставят научное сообщество перед вопросом создания более эффективных, чем имеющиеся сегодня, тренажеров, индивидуализированных тренажеров для больных с афазиями, в том числе с использованием медiateхнологий (приложение в телефоне для дешевых и эффективных тренировок афатиков). Отметим, что само использование смартфона больными-афатиками (после инсультов!) и их родственниками проблематично, поэтому вполне закономерен вопрос о том, не будет ли логопедическое приложение в машине-роботе раздражать таких больных, аналогично тому, как тренажеры раздражают изучающих языки и могут иметь только ограниченное применение.

В этих работах перед нами предстает не просто адаптация старинных методик логопедической помощи афатикам к современным технологиям. Прошло более 70 лет с момента исследований А.Р. Лурии, изменилась речевая деятельность личности. Для современных методик, по мнению авторов проекта [Колмогорова, 2020], требуется учитывать языковой опыт страдающего афазией и его окружения, что определяет проблемное поле таких разработок: речевой портрет, речевое донорство, рефлексия над индивидуальной и типовой речевой деятельностью, увязка речевой деятельности с когницией, языковая личность афатика и его языковая биография, языковая способность и языковой опыт. Для создания

новых методик-тренажеров привлекаются работы по лингвоперсологии (учитывается социолект определенной группы, к которому принадлежит больной, принимается во внимание трансформация речевого опыта в течение жизни в связи с разными жизненными ситуациями. В процессе описания приобретения когнитивного опыта авторы обращаются к психолингвистической концепции ментального лексикона и его ядра). Показательно, что пафос этих работ отличается от пафоса работы Р. Якобсона: это не психопатология для лингвистики, а скорее, социо- и психолингвистика для психопатологии.

Указанная в названии статьи проблематика затрагивает не только речь при неврологических дефектах. А.А. Леонтьев в своем классическом учебнике «Психолингвистика» отмечал пионерские книги о связи языка и психики в ситуациях, когда нет органического поражения головного мозга, и сетовал, что психологи и психолингвисты плохо знают эту проблематику [Леонтьев, 1997].

На протяжении длительного времени внимание ученых привлекали такие проявления, присущие людям с психическими нарушениями, как *мутизм* (немота при физической возможности говорить), *неологизмы*, *алогизмы*, *инкогерентность*, *эмоциональное оскудение*, *несвязность (вплоть до словесной окрошки)*, которые можно детектировать в речи больных [Шпильная, 2020; Clinical state tracking ... , 2020; Implementation of automatic speech..., 2021; Low, Bentley, Ghosh, 2020]. Известна традиция диагностики когнитивных способностей собеседника при разговоре, известно описание расстройства речи в связи смыслением в психопатологии. Речь при этом свидетельствует о расстройствах мышления (*Висит груша, нельзя скушать... объясните... – Зеленая еще! Что же такое «золотые руки»? – Ну, руки из чистого золота и т.д.*).

При этом традиционным оказывается сближение мышления и речи, показательными оказываются характеристики мышления в речи, его быстрота (темп), его глубина (степень проникновения в сущность явления, характеристика процесса общения), гибкость, критичность. Именно наблюдение речевого поведения в беседе позволяет выявить резонерство (бесплодное мудрствование), обстоятельность, конкретность мышления, бессвязное, нелогическое мышление, персеверации и речевые эмболы (постоянное возвра-

шение к определенной фразе), речевые стереотипии [Rivkin, Barta; Rozali]. Патологии памяти и интеллекта также выявляются при помощи беседы (*Как зовут вашу сестру? Сегодня какое число?* и т.д.).

Нарушения эмоциональной сферы, воли, сознания и т.д. также проявляются в речи. Особенности эмоционального состояния, а также выражения и описания эмоций в лингвистике имеют почтенную традицию описания в работах Е.М. Вольф [Вольф, 2020] и многих других исследователей.

Дискуссионным вопросом для исследователей при этом остается такой: всегда ли индивид являет в речи свое *я* (*ego*), и если да, то как описывать это я (складывается ощущение, что ничего не дает традиционно используемое лингвистами описание четырех типов темперамента, тем более что они не встречаются в чистом виде). Возникает вопрос, не может это быть просто «маска», за которой прячется это предъявляемое миру *alter ego*? Манифестируют ли в речи стабильные константы типа характера, темперамента либо преходящие эмоциональные состояния типа тревоги, раздражительности, радости?

В работах, демонстрирующих рассмотрение речи как личностной характеристики говорящего, внимание исследователей привлекают как отдельная личность, так и коллективная. В отношении принадлежности личности к типу (коллективная языковая личность) отметим: безусловна связь речи с социолектом, с социальной и профессиональной группой, социолингвистическая маркированность речи. **Речевой портрет** при этом выступает, скорее, как социолингвистический взгляд на тип языковой личности (особенности профессионального речевого поведения, особенности социолингвистических характеристик, груз опыта и образования личности), в то время как **языковая личность** выступает чаще не как абстрактная модель, а как конкретная речевая характеристика конкретного говорящего [Попов, Попова, 2020].

Попытки осуществить психологическое профилирование по речевым параметрам чрезвычайно сложны. Они осуществляются в судебной экспертизе (атрибуция текстов, суждения об авторе и его намерениях и т.д.). Известны попытки связать речевое поведение с особенностями черт личности или имиджа, что важно для кадровых служб [Наумов, 2006; Неизвестный, 2009]. Возникает идея лингвистической реконструкции имиджа [Белоусов, Зелянская, 2009].

Показательны также известные попытки связать невербальный язык с особенностями психических состояний (Аллан Пиз, Г.В. Колшанский, Г.Е. Крейдлин). Исследования филологами жестового языка смыкаются с психологическими исследованиями экспрессии В.А. Лабунской. Равновероятными при этом представляются оба маршрута: идти можно как от психологии к лингвистике, так и от лингвистики к психологии [Лингвоперсонология, 2006]. Один из подходов связан с описанием речевых проявлений психоментальных типов языковых личностей, при таком подходе в части «дано» известны психологические (ментальные) особенности носителя языка, а в части «требуется доказать» приводятся вербальносемантические характеристики, присущие тому или иному типу языковой личности. Вторая линия исследования связана с выявлением речевых характеристик носителей языка, на основе которого впоследствии можно установить их ментальнопсихологические особенности [Языковая личность, 2014; Языковая личность, 2016].

Исследователи подчеркивают, что становится возможным и психологический анализ языковой личности (в психологии разработано множество классификаций характеров – от античной модели темпераментов до теории акцентуированных личностей; при этом каждый из типов характеров так или иначе проявляется в коммуникации, т.е. может быть исследован с лингвистических позиций); и социологический анализ языковой личности (имеются в виду выделенные и описанные в социологии и социолингвистике языковые индикаторы определенных общественных групп – от индикаторов социальной идентичности в малых группах: семья, школьный класс, производственный коллектив – до индикаторов коммуникативного поведения больших групп (язык молодежи, гендерные характеристики речи, языковые индикаторы людей с низким образовательным цензом); и даже примыкающий к социологическому культурологический анализ языковой личности (моделирование лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых представителей определенных групп общества, поведение которых воплощает в себе нормы лингвокультуры в целом и оказывает влияние на поведение всех представителей общества, например, «русский интеллигент», «американский адвокат», «немецкий офицер», «английский джентльмен») [Иванцова, 2008; Лаппо, 2013; Методы визуальной аналитики ... , 2018; Цуциева, 2013].

Кроме того, что исследования связи языка и психики проливают свет на связь личности и ее вербального поведения, **актуальность** данной проблематики показательна для дискурса инклюзивности. Эти исследования важны и для лингвоперсонологии, и для коммуникации при определенных психических состояниях, дискурса сообщества больных, сообщества опекунов и родственников больных, социальных служб. Это разговор об инклюзии, что требуют от нас общество, благотворительные организации, деятели культуры (достаточно назвать фильм «Антон тут рядом» Любови Аркус, знаменитый фильм «Человек дождя» с Дастином Хоффманом и т.д.).

Известны попытки лингвоперсонологии трактовать речь различных людей в связи с особенностями их личности. Развивается лингводиagnostика, проливающая свет на связь речи и личности, ее социальных и психических характеристик. Это библейская трактовка речи человека, чтобы понять, кто перед тобой. Это герменевтика человека, понимание его внутреннего мира – вершащееся в речи понимание, тесно связанное с оценкой. При этом затруднения в описании своих внутренних состояний могут быть характерны как для самого больного, так и для его окружения. Проблема «язык и внутренние состояния» нашла свое отражение в феномене алекситимии, представляющем отсутствие языка для описания внутренних состояний, отсутствие умения описывать свое внутреннее «Я», свои чувства – счастья, печали, страха, отсутствие способностей к вербализации и фантазии, нечувствительность к внутренним переживаниям, дефицит эмоциональных реакций [Галкина, Ласовская, Шпильная, 2019].

Материал и метод

Материал данной статьи обычен и необычен одновременно. Он представляет собой записи бесед с пациентами психиатрических клиник, в основном американских, и во временном отношении нами сознательно отобран материал предшествующего поколения. Старые записи выложены в YouTube и прокомментированы

уже в наши дни. Многие материалы стали классикой, узнаваемы¹. Необходимо учитывать тот факт, что исследователям редко удается побеседовать с такими пациентами. В силу этики такие люди изолированы от посторонних. Автору доводилось много беседовать с больными такого профиля и обращать внимание на особенности их языкового поведения и обьязыковлениа эмоций. И лишь Интернет предоставил такие источники для самого широкого исследования и обсуждения.

Расширение сферы дискурса произошло тогда, когда появились сообщества родственников больных, появились старые записи пятидесятых – семидесятых годов и современные записи, иллюстрации показательных пациентов: синдрома дисморфофобии – дисморфомании (сверхценные идеи о том, например, что собственное лицо несовершенно и необходимо обратиться за помощью к пластическому хирургу), неврогенной анорексии (больные резко пониженного питания считают, что надо бы еще похудеть, а для этого не есть), различного бреда (он трактуется прежде всего как некорригуемые идеи), паранойи и галлюцинаций.

Целью демонстрации таких больных является выявление их показательной речи в ее связи с мышлением – например, выявить шперрунги (внезапные обрывы, задержки мысли), скачку идей, многословие или алекситимию, признаки негативизма, признаки изменений в мышлении (например, вязкость, амбивалентность). Проблематика словаря и вербального поведения позволяет выявить вербальные картины страхов, типичные картины фобий, обсессий (навязчивых мыслей), компульсий (навязчивых действий) и т.д.

Самый простой пример представляют больные в состоянии пониженного интеллекта – деменции (деградации памяти и мышления), в состоянии дебильности, имбецильности, олигофрении (врожденного или приобретенного в состоянии развития непро-

---

¹ Образовательные ресурсы такого рода, предоставляемые YouTube, многочисленны. Этот материал лег в основу наших наблюдений. Приведем лишь некоторые адреса ресурсов из используемых в данной статье:

<https://www.youtube.com/watch?v=iliCqFeNb3A>

<https://www.youtube.com/watch?v=MHQJ8E3cHGI>

<https://www.youtube.com/watch?v=meJB-RZvBcY>

<https://www.youtube.com/watch?v=GGVYRxxsvEU>

<https://www.youtube.com/watch?v=PcMJ98sNZOk>

грессирующего дефекта психики, проявляющегося интеллектуальным снижением). Эти пациенты демонстрируют серьезные нарушения когниции или серьезный дефект интеллектуальной деятельности. В других состояниях и при других диагнозах лингводиagnostика сложнее. У ряда больных явственны нарушения эмоционального плана, проявляющиеся в речи. Сложнее показать в речи больных сверхценность паранойи или бред параноида.

В дальнейшем ставится вопрос, как наладить коммуникацию с такими больными. Очевидно, что для этого необходимо обладать определенной коммуникативной компетенцией. Причем участников этой коммуникации сегодня больше, чем традиционная диада – врач и больной. Это врач, пациент, родственники и сообщество, и общество в целом. Показательно вовлечение аудитории в оценку речи, самоописания и суждения людей со стороны о психиатрическом диагнозе. Суждения оказываются очень интересными, намного шире, чем собственно рамки диагноза. Все это свидетельствует о расширении психиатрического дискурса, улучшении культуры психиатрического дискурса, большем внимании к психическим состояниям.

При анализе материала используются как качественные, так и количественные **лингвистические методы**. К ним относятся исследования индивидуального лексикона, риторический анализ предъявляемых текстов, сравнения семантических полей, исследования связности текстов, доминант дискурса, особенностей описания эмоций и т.д.

Обсуждение материала

В качестве первого показательного примера обратимся к курсу о депрессии. Депрессии, как известно, имеют различную природу. Они могут сопровождаться старческим слабоумием, биполярным расстройством (чередование эпизодов депрессий и маний), аффективным расстройством, депрессии могут носить реактивный характер на предшествовавшую травму. Депрессия может мыслиться как финальная реакция на острую стрессовую ситуацию¹.

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=pCXZKv8tmTQ>

В приведенных ниже комментариях наблюдателей мы видим описание ими своих впечатлений от пациентки, решившейся на суицид и описание самого процесса депрессии в представлении аудитории (проникнутое эмпатией), высказывание необходимости проговаривать эти состояния, выражение надежды:

The way she talks, so quiet and casual, almost emotionless, that's how you know she's suffering serious depression. You reach a point where there's no sadness, no anger, frustration, loneliness. All the negative emotions go away and you're just numb, not feeling anything. It's almost like your brain saying "I can't cope with all these emotions, time to shut down for a little bit". When you reach that point suicide doesn't seem like a bad option. When the camera panned down the first time to show her bandaged wrists my heart broke a little. At least she ended up in the best possible place, with someone to talk to about her problems. We can only hope she got the help she needed.

Описание демонстрирует метафору совладания в психологии, веру в то, что больной помогут: *At least she ended up in the best possible place, with someone to talk to about her problems.*

Обратим внимание на описание чувств и эмпатии: *When the camera panned down the first time to show her bandaged wrists my heart broke a little. We can only hope she got the help she needed.*

Становится явственной важность самого разговора о депрессии. В вышеприведенном тексте показательно перечисление того, что (не)чувствует человек в состоянии депрессии.

Интересно, что в (само)описании депрессий постоянно присутствует обращение к метафоре¹:

Depression is a thief. It steals your time, friends, jobs, and relationships.

He is so torturous to watch,,, shes's a prisoner in herself, so incredibly sad.

Indeed, Depression is a monster. I am recovering myself from this cancer of the mind. Prayers for all who suffer.

When you're this depressed, every word is a struggle.

The depression is the safe, black place where you are hiding from the world. But it's like poison, you feel terrible, guilty and lifeless

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=XGridZIpU0o>

if you think about past, it starts to hurt even more, because a wound has been opened...

Все перечисленное выше заставляет предполагать, что метафоризация, которую в истории риторики традиционно рассматривали как «силки мышления» (Аристотель), как «сопряжение далековатых идей» (М.В. Ломоносов), есть универсальный механизм дискурса, в том числе и дискурса описания собственных представлений и внутренних состояний.

Депрессия может сопровождать аффективное расстройство. Показательна критичность по отношению к коммуникациям в таких состояниях:

Patient: "I'm feeling insecure and unable to find my voice".

Doctor: "CAN YOU SPEAK UP?!?"

Описание своих состояний показательно и позволяет преодолеть алекситимию, иными словами облекает эмоции в недостающие слова:

Major depressive episode feels like: no goals, no motivations, no happiness, no emotions, no sympathy, nothing. Just exist but without any feelings and Complete Hopelessness. At least that's how I felt. Addition: I use to feel a lot of emotions and sadness. Would always cry all the time. Wake up sad, go to bed sad. However, when I have a major depressive episode, to me, it's beyond sadness. That emotional blank, that dooming feeling, that nothing matters feeling is worse than depression. Time even feels to slow down. This is only my experience. Others can be different.

Показательна ценность эмпатии в глазах больного: *what saved me was a compassionate psychiatric nurse that had me open my eyes, little by little.*

Ценность языковых наблюдений за такими состояниями и языковых наблюдений, описывающих такие состояния и реакции на них, несомненна еще и потому, что существует когнитивная модель депрессии, которая, как известно, связана с убеждениями, негативным взглядом на себя, на мир и на свое будущее. При этом могут иметь место такие характерные искажения мышления, как случайность умозаключений, мышление по типу «все или ничего», чрезмерная генерализация, избирательная абстракция и преувеличение. Кроме «негативной триады» – негативного взгляда на себя, на свое будущее и на мир, – у людей с депрессией наблюдается

фиксированность на теме утраты, реальной или мнимой (мысли о смерти близких, о разрыве отношений, крушении надежд, невозможности достичь значимых целей). Также для депрессивных пациентов характерны жесткие, императивные убеждения с более частым, чем у здоровых людей, употреблением речевых форм «следует», «должен»: подобные убеждения создатель когнитивной психотерапии А. Бек называл «тиранией долженствований» (например, депрессивный пациент может полагать, что он «должен быстро и без чьей-либо помощи находить решение любой проблемы», «должен все понимать, все знать и предвидеть», «должен никогда не страдать, всегда быть счастливым и безмятежным» и т.п.).

Кроме когнитивной терапии депрессий, используют коммуникативный потенциал речи и интерперсональную (межличностную) психотерапию, которая рассматривает клиническую депрессию как совокупность формирования симптомов болезни, социальной активности и личности больного, сосредоточена на связи между настроением и социальными ситуациями или жизненными обстоятельствами и обучает пациентов социальным навыкам.

Депрессии могут перемежаться с маниакальным расстройством¹. Рассмотрим следующие комментарии. Комментаторов привлекает простое описание мании:

“When i get fast the world gets slow and when i get slow the world gets fast” EXPLAINED BEAUTIFULLY

Приведенное выше описание заставляет многочисленных комментаторов роликов предполагать, что больные живут в обществе и сегодня могли бы пользоваться успехом как лидеры мнений в соцсетях, в медийной индустрии:

This guy would have a killer podcast

It's almost like watching a Hollywood movie actor do a scene.

*Having BPD feels like being a child in an adult body searching for a mother. Being permanently isolated from real life and lost by all friends who walked out on you...Lonely, disorientated & empty. Then intense emotions that get so extreme. As my last relationship walked out on me, it felt like physical pain. Not for weeks, but for months. **Drunk, intoxicated by a cocktail of rapid changing emotions.***

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=XGridZIpU0o>

Еще одним немаловажным вопросом следует признать вопрос о том, как супруги переживают состояние биполярного расстройства у партнера. Об этом супруг больной говорит, обращаясь к метафоре: *Это тяжелая дорога, на которую не выходят без молитвы:*

*My wife has BPD. If it's your kid with BPD the dynamics of the relationship are different from it being your spouse. If it's a spouse, there is a certain unfairness to it. I do everything from cleaning to the bills and still I am person in the front row getting splattered with the watermelon guts. **The rage always eventually gets directed at me for being a lousy husband.** My days begin with **prayer for patience, courage and a mindfulness of who I live with.** **A very hard road to travel.***

Отметим положительную оценку и в целом принятие таких больных: *I bet this guy is smarter then the people who are making fun of him.*

Некоторые оценки, однако, осуждают рамки обыденных представлений о конформной социальности: ***"People dislike me because I'm not completely like them. That is so sad."***

В указанных выше фильмах мы наблюдаем, как профессиональный дискурс, так и представления не медиков. Посмотрим, например, на ролик по истерии¹.

Каждый из нас знаком с проявлениями истерии, но сравним обыденное непрофессиональное представление об истерии и научное представление:

*"These behavior patterns are characterized by **excitability, emotional instability, over-reactivity, and self-dramatization.** This self-dramatization is always **attention-seeking and often seductive**, whether or not the patient is aware of its purpose. These personalities are **also immature, self-centered, often vain, and usually dependent on others.** This disorder must be differentiated from Hysterical Neurosis" So regardless of whether one feels the diagnosis is justified or not, the term hysterical references the above definition, and not the **lay meaning of "having a total meltdown" or extreme uncontrolled emotion.***

Посмотревшие фильм более сдержанны в оценках, при этом комментирующие понимают свой непрофессионализм: *calling a woman "hysterical" because she is experiencing trauma is absolutely*

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=meJB-RZvB>

*insane edit: never knew one comment would **spark outrage** but I have no knowledge in the field of medicine or psychology and just wanted to comment my view. Whether you agree or disagree that's up to you though I can see both sides after reading through the comments. Have a great day!*

Здесь для всех участников такого дискурса ценной представляется сама возможность увидеть другую точку зрения. Еще в аристотелевские времена утверждение о вещах, что они на самом деле не такие, другие, приводило участников диалога к состоянию рефлексии.

Показательно, что сами комментирующие демонстрируют необходимость определенной этики взаимоотношений с такими пациентами:

*Please read the description next time: "As well as by her somewhat dramatic and suggestive statements about what her father did to her, although there is nothing in the history to indicate this." So basically, her **telling this story might have been (and probably was) nothing more than a way to manipulate the emotions of the interviewer.** Is there 100% certainty that she wasn't abused? No. Is there 100% certainty that she was abused? Again, no, but it's not indicated in her history. Also, the term "hysterical" used today in everyday language has different connotations than it used to in the 60s in the specific context of mental health diagnosis. I can see many people in the comment section commenting on how poorly the woman was treated at home and by the doctors without proof, I am responding to your comment because it is the most recent one I can see, but to everyone reading this: **please be on guard and avoid jumping to conclusions :) Have a great day!***

Типичные комментарии блогеров представляют собой попытки разобраться с диагнозом, они выступают против стигматизации:

Everything offends people these days, smh!!!! nobody is denying the fact she was abused, but what other names you prefer we hide her disorder behind?? what would you rather call her disorder sir???

Характерно то, что, комментируя неврозы и присущие им черты (нестабильность настроения, раздражительность и т.д.), авторы, по сути дела, задают тот же вопрос, что и мы во введении к этой статье: что же демонстрируют в своем языковом поведении

больные (черты личности, характера или в данном случае заболевания)?

Показательно, что часть больных не только вызывают чувство комментирующих, но и серьезность их заболевания, приведшая больных в психиатрическую клинику, комментаторами умаляется (феномен анозогнозии). Таковы, например, параноидальные расстройства¹.

Показательный фактор роли хронотопа отмечают сами зрители: *1950's: considered crazy 2019's: she seems the most sane person to whom I have met in awhile.*

Вышеприведенная оценка совпадает с оценкой, апокрифически приписываемой Ф.М. Достоевскому, который утверждал, что психическое заболевание может быть источником дара, и пациенты психиатрических клиник есть самые интересные на свете люди. (Вспомним, кстати, и лапидарную утерявшую авторство максиму: «Эпилептиков много, а Достоевский – один».)

Догадки выдают эмпатичное отношение комментаторов к больным: комментаторы вполне серьезно считают, что сверхценность идей последних могла бы стать основой их блогерства:

She would be called a conspiracy theorist....

She could be a content creator on YouTube with a huge following.

Once upon a time, children like this were called “storytellers”

Приведем еще один показательный пример. Среди записей есть и записи больных с диагнозом «шизофрения». Надо сказать, исследование речи и мышления при шизофрении довольно широко представлены в научной литературе. Рассказы шизофреников способствуют пониманию сути психического страдания, демонстрируют отсутствие эмоциональной окраски речи и сверхценность идей. В них обращают на себя внимание частые отклонения от темы, внезапные остановки, нарушение скорости («беглости речи»), склонность к абстрактным словам, краткость высказываний, уменьшение словарного запаса, ограниченное использование союзов и предлогов, отсутствие инициативы в начале беседы, резонерство, «ответы по касательной», непоследовательность и бессвязность («инкогеренция»), персеверации, парафазии и т.д. Надо

---

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=cw-yTgi8Ms8>

сказать, что не эмоциональные, а бихевиориальные и когнитивные нарушения лежат в основе диагноза шизофрении.

По степени выраженности разорванность также не является однородным психопатологическим феноменом. Начальные проявления разорванности мы видим в соскальзывании мысли, проявляющемся при переходах от одного представления к другому вне естественных логических связей. При нерезкой выраженности расстройств мышления соскальзывания носят эпизодический характер и обнаруживаются на фоне формально правильных суждений.

На фоне самоописаний показательны и описания родственников:

*Schizophrenia runs in my family and let me tell you the First Lady absolutely has schizophrenia. The laughing, the pausing between answers, the strange movement and face touching. **Paranoia isn't just panicking and screaming 'we're all gonna die!!'** It's often expressed in a steady or matter of fact way due to **difficulty expressing emotion**. They believe that they are in on a 'secret' that no one else knows. [...] - if you asked for their evidence they would not be able to give you a detailed or proper answer. Someone who wasn't nuts but sympathised with hitler would directly address what he'd done instead of giving generalised, philosophical statements like 'harmony of truth'. **Please recognise that this is mental illness and not some kind of progressive ideology***

Оценка комментаторами шизофреников выдает тот факт, что порой при шизофрении (особенно, как известно, в начале) возможна продуктивная интеллектуальная деятельность: *I have watching quite few of these psychiatry videos and one thing I have learned is the **patients have a better vocabulary then me and my friends***. Показательно, что и неспециалисты судят об интеллектуальном статусе больных по речи.

Оценки страдания неспециалистами могут быть благожелательны: ***she isn't nuts, she's merely honest***.

Благожелательна и оценка менее социализированных больных в рамках сотрудничества с ними в социуме:

*There's a man like this that comes into a local cafe every Sunday morning, we love him. **It's important to treat people with kindness and normality regardless of outside issues**, that's all it takes.*

Наличествуют в комментариях и позитивные оценки состояния больных: ***Is it just me, or does this boy seem like a normal kid? I love the way his mind thinks!!***

В оценках ощущается путь, какой прошла психиатрия с 60-х годов прошлого столетия. Современные слушатели роликов опираются на современные антипсихиатрические гуманистические представления, рекомендуют друг другу книги, существует сообщество больных и их родственников.

Обратим внимание на понимание окружающими стигматизации:

*If you just listen to the audio, concentrating on the doctor's voice, He is not listening, interrupting her flow and actually giving the answers to most of his questions. In doing this, **he is boxing her into a pre conceived, and incorrect diagnosis, (probably to appease her family)**. To me she appears to be unhappy with her personal life and family circumstances. This seem to have been exacerbated by a recent pregnancy and the physical and emotional changes that occur during and after. The "**self mutilation**" is a result of not knowing how to deal with that shift. Another factor appears to be her husband and parents pulling her in different directions about what they belive her role should be. Their criticism has resulted in low self-esteem, something in which the doctor is also complicit! A modern diagnosis would likely be post natal depression. I hope, but doubt she got the right help.*

В вышеприведенном отрывке на первый план выступает метафора самоуничтожения, что, по мнению комментатора, следует признать ошибкой врача и непосредственного окружения больной, приведшей к низкой самооценке больной.

Позитивная оценка показательна и умением представить себя на чужом месте:

*I have a sleeping problem where hallucination / voices sounds / looks so real esp when im in the state of half sleep half conscious... **i can imagine what he is going through... he is so BRAVE!!***

Больные активно делятся опытом переживания психоза, паранойяльного бреда и галлюцинаций.

Рассказы больных шизофренией варьируются в зависимости от длительности, формы заболевания и т.д. Им присущи бессвязность речи, ответы мимо, соскальзывания, снижение эмоционального интонирования [Карякина, Сидорова, Шмуклер, 2017],

нарушение связности речи, синтаксическая упрощенность, нарушение коммуникативной установки, плохое понимание контекста [Ахметзянова, Трегубенко, 2021; Шведовский, 2014; Шведовский, Зверева, 2015; de Boer, 2020; Ryazanskaya, Khudyakova, 2018].

Рассказы о состояниях родственников представляют своеобразную проекцию ситуации на свое состояние (параллель). Показательны поиски эмоционального тепла, которое, как известно, отсутствует у больных шизофренией. Вот как родственники пишут об этом:

I miss her hugs, I miss her talks, I miss everything. If you're reading this, please hug your mommas tonight and let them know they are loved. I wish my mom knew how much I truly love her but she's fighting a tough battle day by day with the voices in her head.

My mother has schizophrenia and this is exactly how she acts. It's such a sad illness and it's even worse seeing it in person and in someone you love so much.

My mom is 56 and has been living with schizophrenia fully developed much like this young lady for over 12 yrs. I miss seeing how she used to be so much. I miss her hugs, I miss her talks, I miss everything. If you're reading this, please hug your mommas tonight and let them know they are loved. I wish my mom knew how much I truly love her but she's fighting a tough battle day by day with the voices in her head.

В многочисленных комментариях на первый план выступают банальная метафора борьбы с болезнью, описание любви,приятие больного родственника таковым, какой он есть, декларация этой любви, этого приятия.

Выводы

Речь в лингвоперсонологии может являть корреляты с неврологическими и психическими расстройствами. Речь, очевидно, отражает и болезнь, и личность (характер, темперамент), и эмоциональное состояние человека. Необходимы лингвистические исследования речи больных в разных культурах, в разное время, при разных диагнозах. Формирование инклюзивного сообщества, формирование дискурса специалистов и неспециалистов, формирование толерантного отношения к болезни, отсутствие стигматизации

зации – задачи исследуемого дискурса. Такие исследования проливают свет и на механизмы формирования речи и хранения языкового опыта.

Список литературы

- Ахметзянова Э.М., Трегубенко И.А.* Психолингвистический анализ устной и письменной речи у пациентов с расстройствами шизофренического спектра (на примере автобиографических текстов) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова. – 2021. – № 28(2). – С. 38–44. – URL: <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2021-28-2-38-44> (дата обращения 19.10.2022).
- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.* Имидж и его лингвистическая реконструкция // Маркетинг в России и за рубежом. – 2009. – №6. – С. 55–65.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – Изд. стереотип. – Москва : URSS, 2020. – 278 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
- Галкина С.Ф., Ласовская Т.Ю., Шпильная Н.Н.* Языковая личность алекситимика (лингвокогнитивный и вербально-семантический уровни) // Культура и текст. – 2019. – № 4(39). – С. 151–161.
- Иванцова Е.В.* Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2008. – № 3(4). – С. 27–43.
- Карякина М.В., Сидорова М.Ю., Шмуклер А.Б.* Нарушения речи у больных шизофренией // Социальная и клиническая психиатрия. – 2017. – Т. 27, № 4. – С. 93–100.
- Колмогорова А.В., Лямзина С.А., Киселев И.Л.* Языковая / речевая биография пациента с афазией как фактор, определяющий специфику процесса его речевой реабилитации // Вестник НГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 103–116. – DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116
- Лаппо М.А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы : монография / Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – Москва : Смысл, 1997. – 287 с.
- Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение : монография / под ред. Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул ; Кемерово : Изд-во БГПУ, 2006. – 420 с.
- Лурия А.Р.* Травматическая афазия: клиника, семиотика и восстановительная терапия. – Москва : Изд-во АМН, 1947. – 367 с.
- Методы визуальной аналитики вариативности речевого поведения пользователей социальных сетей в зависимости от психологических черт личности / Рябинин К.В., Чуприна С.И., Белоусов К.И., Пермяков С.С. // Труды Международной конференции по компьютерной графике и зрению. – Томск : Научно-

- исследовательский Томский политехнический университет : «Графикон», 2018. – № 28. — С. 167–171.
- Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. – Москва : КомКнига, 2006. – 240 с.
- Неизвестный С.И. Психолингвистическая идентификация личности как «фильтр» формирования штата предприятия и команд проекта (ч. 2) // Управление проектами и программами. – 2009. – № 4. – С. 302–311. То же [Электронный ресурс]. – URL: <https://grebennikon.ru/article-umww.html> (дата обращения: 22.10.2022).
- Попов Д.Д., Попова В.А. Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 89–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.8> (дата обращения 19.10.2022).
- Русскоязычная фМРТ-парадигма для локализации речевых зон в мозге» / Больгина Т.А., Малютина С.А., Завьялова В.В., Игнатьев Г.А., Власова Р.М., Ушаков В.Л., Иванова М.В., Драгой О.В. // Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. – Москва : Институт психологии РАН, 2016. – С. 163–164.
- Хомская Е.Д. Нейропсихологическая школа А.Р. Лурия // Вопр. психологии. – 1997. – № 5. – С. 79–100. То же [Электронный ресурс]. – URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/975/975079.htm (дата обращения: 22.10.2022).
- Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. – Воронеж : Модэк, 2001. – 256 с.
- Цуцьева М.Г. Лингвоперсонология как исследовательское направление в современной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11–2. – С. 84–86.
- Шведовский Е.Ф. Апробация методического комплекса для исследования речевой деятельности у подростков при шизофрении [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2014. – Т. 3, № 4. – URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shvedovskiy.shtml> (дата обращения 19.10.2022).
- Шведовский Е.Ф., Зверева Н.В. Исследование речевых нарушений при шизофрении: история и современное состояние проблемы // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 78–92. – DOI: 10.17759/pse.2015200209
- Шпильная Н.Н. Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах // Филология и человек. – 2020. – № 4. – С. 135–144. – DOI: 10.14258/filichel (2020) 4–10. – URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/7874> (дата обращения 19.10.2022).
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. – 640 с.
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 2 / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Мельник. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2016. – 432 с.
- Brysaert M., Ellis A.W. Aphasia and age of acquisition: Are early-learned words more resilient? // Aphasiology. – 2016. – Vol. 30. – P. 1240–1263. – URL: <http://crr.ugent.be/members/marc-brysaert#pd> (accessed: 01.09.2022).

- Clinical state tracking in serious mental illness through computational analysis of speech / Arevian A.C., Bone D., Malandrakis N., Martinez V.R., Wells K.B., Miklowitz D.J. // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15(1). – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31940347/> (accessed: 01.09.2022).
- de Boer J.N., van Hoogdalem M., Mandl R.C.W. Language in schizophrenia: relation with diagnosis, symptomatology and white matter tracts // *NPG schizophrenia*. – 2020. – Vol. 6. – P. 1–10. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41537-020-0099-3> (accessed: 01.03.2022).
- Implementation of automatic speech analysis for early detection of psychiatric symptoms: What do patients want? / Brederoo S.G., Nadema F.G., Goedhart F.G., Voppel A.E., De Boer J.N., Wouts J., Koops S., Sommer I.E.C. // *Journal of Psychiatric Research*. – 2021. – Vol. 142. – P. 299–301. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022395621005185#abs0010> (accessed: 01.09.2022).
- Low D.M., Bentley K.H., Ghosh S.S. Automated assessment of psychiatric disorders using speech : A systematic review // *Laryngoscope Investigative Otolaryngology*. – 2020. – Vol. 5. – P. 96–116. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32128436/> (accessed: 01.03.2022).
- Martínez-Ferreiro S., Bastiaanse R., Boye K. Functional and usage-based approaches to aphasia: the grammatical-lexical distinction and the role of frequency // *Aphasiology*. – 2019. – DOI 10.1080/02687038.2019.1615335. – URL: <https://sites.google.com/site/mfaphasia/publications> (accessed: 01.09.2022).
- Rivkin P., Barta P. Thought Disorder. – URL: https://www.hopkinsguides.com/hopkins/view/Johns_Hopkins_Psychiatry_Guide/787025/all/Thought_Disorder (accessed: 01.03.2022).
- Rozali F. Mental State Examination 2 – Speech and Thought. – URL: <https://pathologia.ed.ac.uk/topic/mental-state-examination-2/> (accessed: 01.03.2022).
- Ryazanskaya G., Khudyakova M. Analysis of Discourse Macrostructure in Schizophrenia : A Corpus Study // *Neurobiology of Speech and Language*. – 2018. – P. 35–36.
- Voss R.M., Das J.M. Mental Status examination. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK546682/> (accessed: 01.03.2022).

References

- Akhmetzyanova E.M., Tregubenko I.A. Psiholingvističeskij analiz ustnoj i pismennoj reči u pacientov s rasstrojstvami šizofreničeskogo spektra (na primere avtobiografičeskich tekstov [Psycholinguistic analysis of oral and written speech in patients with schizophrenia spectrum disorders (on the example of autobiographical texts)]. *Scientific notes of the St. Petersburg State Medical University named after academician I.P. Pavlov*. – 2021. – N 28(2). – Pp. 38–44. – URL: <https://www.scinotes.ru/jour/article/view/810> (accessed: 22.10.2022). (In Russian)
- Belousov K.I., Zelyanskaya N.L. Imidzh i ego lingvističeskaya rekonstrukciya [Image and its linguistic reconstruction]. *Marketing in Russia and abroad*. – 2009. – N 6. – Pp. 55–65. (In Russian)

- Brysaert M., Ellis A.W. Aphasia and age of acquisition: Are early-learned words more resilient? *Aphasiology*. – 2016. – Vol. 30. – Pp. 1240–1263. – URL: <http://crr.ugent.be/members/marc-brysaert#pd> (accessed: 01.03.2022).
- Chomskaya E.D. Nejropsihologicheskaya shkola A.R. Luriya [Neuropsychological school of A.R. Luria]. *Vopr. psichology*. – 1997. – N 5. – Pp. 79–100; The same [Electronic resource]. – URL: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/975/975079.htm (accessed: 22.10.2022).
- Clinical state tracking in serious mental illness through computational analysis of speech. Arevian A.C., Bone D., Malandrakis N., Martinez V.R., Wells K.B., Miklowitz D.J. *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15(1). – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31940347/> (accessed: 01.09.2022).
- de Boer J.N., van Hoogdalem M., Mandl R.C.W. Language in schizophrenia: relation with diagnosis, symptomatology and white matter tracts. *NPG schizophrenia*. – 2020. – Vol. 6. – Pp. 1–10. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41537-020-0099-3> (accessed: 01.03.2022).
- Galkina S.F., Lasovskaya T.Yu., Shpilnaya N.N. Yazykovaya lichnost aleksitimika (lingvokognitivnyj i verbalno-semanticheskij urovni) [Linguistic personality of alexithymic (linguocognitive and verbal-semantic levels)]. *Culture and text*. 2019. – N 4 (39). – Pp. 151–161. (In Russian)
- Implementation of automatic speech analysis for early detection of psychiatric symptoms: What do patients want? Brederoo S.G., Nadema F.G., Goedhart F.G., Voppel A.E., De Boer J.N., Wouts J., Koops S., Sommer I.E.C. *Journal of Psychiatric Research*. – 2021. – Vol. 142. – Pp. 299–301. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022395621005185#abs0010> (accessed: 01.03.2022).
- Ivantsova E.V. Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvopersonologii [Problems of formation of the methodological foundations of linguopersonology]. *Vestnik Vol. state university Ser.: Philology*. – 2008. – N 3(4). – Pp. 27–43. (In Russian)
- Karyakina M.V., Sidorova M.Yu., Shmukler A.B. Narusheniya rechi u bolnyh shizofreniej [Speech disorders in patients with schizophrenia]. *Social and Clinical psychiatry*. – 2017. – Vol. 27, N 4 – Pp. 93–100. (In Russian)
- Kolmogorova A.V., Lyamzina S.A., Kiselev I.L. Yazykovaya / rechevaya biografiya pacienta s afaziej kak faktor, opredelyayushij specifiku processa ego rechevoj rehabilitacii [Language / speech biography of a patient with aphasia as a factor determining the specifics of the process of his speech rehabilitation]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*. – 2020. – Vol. 18, N 2. – Pp. 103–116. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-103-116 (In Russian)
- Lappo M.A. *Samoidentifikaciya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-identification: semantics, pragmatics, language resources]: monograph. M.A. Lappo; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Novosib. state ped. un-t. – Novosibirsk: Publishing House of NGPU, 2013. – 180 p. (In Russian)
- Leontiev A.A. *Osnovy psicholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. – Moscow : Meaning, 1997. – 287 p. (In Russian)
- Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostej i lichnostno-orientirovannoe obuchenie*: [Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented

- Shpilnaya N.N. Osobennosti izmenennogo yazykovogo soznaniya pri psicheskikh rasstrojstvah [Features of altered linguistic consciousness in mental disorders]. *Philology and people*, 2020. – N 4. – Pp. 135–144. DOI: 10.14258/filichel (2020) 4–10. – URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/7874> (accessed: 01.09.2022). (In Russian)
- Shvedovskiy E.F. Aprobaciya metodicheskogo kompleksa dlya issledovaniya rechevoj deyatel'nosti u podrostkov pri shizofrenii [Approbation of a methodological complex for the study of speech activity in adolescents with schizophrenia]. *Clinical and Special Psychology*. – 2014. – Vol. 3, N 4. – Pp. 78–92. – URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2014/n4/Shvedovskiy.shtml> (accessed: 01.09.2022). (In Russian)
- Shvedovskiy E.F., Zvereva N.V. Issledovanie rechevyh narushenij pri shizofrenii. Istoriya i sovremennoe sostoyanie problemy [Research of speech disorders in schizophrenia. History and current state of the problem]. *Psychological science and education*. – 2015. – Vol. 20, N 2. – Pp. 78–92. DOI:10.17759/pse.2015200209 (In Russian)
- Tsutsieva M.G. Lingvopersonologiya kak issledovatel'skoe napravlenie v sovremennoj lingvistike [Linguopersonology as a research direction in modern linguistics]. *Actual problems of the humanities and natural sciences*. – 2013. – N 11–2. – Pp. 84–86. (In Russian)
- Tsvetkova L.S. Afaziya i vosstanovitel'noe obuchenie [Aphasia and restorative learning]. – Voronezh : Modek, 2001. – 256 p. (In Russian)
- Voss R.M., Das J.M. *Mental Status examination*. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK546682/> (accessed: 01.03.2022).
- Wolf E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. [Functional semantics of evaluation]. Series: Linguistic heritage of the XX century. Ed. stereotyp. Moscow : URSS, 2020. – 278 p. (In Russian)
- Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology. Part 1]. Ed. by N.D. Golev, N.N. Shpilnaya. – Moscow : LIBROKOM, 2014. – 640 p. (In Russian)
- Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 2* [Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology. Part 2]. Ed. by N.D. Golev, N.V. Miller. – Moscow : LIBROKOM, 2016. – 432 p. (In Russian)

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81'32

DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

Долинский В.А.¹

СИНЕРГЕТИКА И ПРИНЦИП НАИМЕНЬШЕГО УСИЛИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается применение принципа наименьшего усилия при порождении и восприятии текста. Инициальная аббревиация – один из способов сокращения длины слова в современных языках. Тенденция к сокращению длины слова рассматривается с позиции лингвистической синергетики и теории информации. Аббревиатуры экономят речевые усилия, но злоупотребление ими ведет к выхолащиванию смысла сообщений. Рост доли аббревиатур в вокабуляре ведет к росту омонимии, десемантизации слов и – с расширением потока полимодальных текстов – к снижению доверия к вербальной составляющей коммуникации. Тренд к аббревиации – свидетельство дегуманизации языка. В статье приведены примеры современных инициальных аббревиатур.

Ключевые слова: лингвистическая синергетика; тенденция к аббревиации; длина слова; десемантизация; декодирование; русский язык; количественная лингвистика.

---

¹© Долинский В.А., 2023

Долинский Владимир Аркадьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета, e-mail: vdolinsky@yandex.ru

Для цитирования: Долинский В.А. Синергетика и принцип наименьшего усилия в языке и речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 51–70. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

DOLINSKY V.A.¹

SYNERGETICS AND THE PRINCIPLE OF LEAST EFFORT IN LANGUAGE AND SPEECH

Abstract. The article discusses the application of the principle of least effort in the generation and perception of text. The initial abbreviation is one of the ways to shorten the word length in modern languages. The tendency to shorten word length is considered from the perspective of linguistic synergetics and information theory. Abbreviations save speech effort, but overuse of them makes them leads to the emasculation of the meaning of messages. The growth of abbreviations in vocabulary leads to an increase in homonymy, desemantization of words and, with the expansion of the flow of “polymodal texts”, – to a decrease in confidence in the verbal component of communication. The trend towards abbreviation is evidence of the dehumanization of the language. Examples of modern initial abbreviations are given.

Keywords: linguistic synergetics; abbreviation tendency; word length; desemantization; decoding; Russian language; quantitative linguistics.

For citation: Dolinsky V.A. Synergetics and the principle of least effort in language and speech // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – № 2. – Pp. 51–70. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.03

Диверсификация и унификация в языке и речи

В последние десятилетия исследование количественных характеристик языковых единиц и структур привлекло внимание лингвистической синергетики. Синергетический подход опирается на идеи «языковых механизмов» и стоящих за ними «сил» диверсификации и унификации, на коммуникативные «потребности» носителей языка и ориентирован на изучение языковой саморегуляции [Köhler, Altmann, Piotrowski, 2005; Пиотровский, 2006].

В коммуникации человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и

---

¹Dolinsky Vladimir Arkadievich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University. e-mail: vdolinsky@yandex.ru

слушающего не совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в *экономии* речевых усилий, в свертывании форм высказывания (сокращении длины сообщения и его элементов), а слушающий, напротив, хочет, чтобы все выражаемое говорящим было максимально *понятно*, и следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего (увеличение длины сообщения и его элементов) [Арапов, 1988].

Согласно концепции *лингвистической синергетики* в сфере семантики слушающий старается исключить полисемию (омонию аббревиатур), не допуская существования у каждого слова более чем одного значения (одного способа дешифровки). Подобная мера позволяет ему получать сообщения с наименьшим усилием (*least effort*) по их декодированию. Противоположная тенденция состоит в предельном расширении полисемии (омонимии аббревиатур): случаи, когда говорящий старается придать каждому слову (каждой аббревиатуре) максимум значений, что требует наименьшего усилия по кодированию сообщений с его стороны. Победа в коммуникации говорящего привела бы к унификации: исключению всех слов, кроме одного, передающего все значения. Победа в коммуникации слушающего привела бы к диверсификации: превращению всех слов (всех аббревиатур) в однозначные. Эмпирический результат этих противоположных тенденций – компромисс, направленный к определенному равновесному вероятностному распределению слов по числу значений (а аббревиатур – по числу способов дешифровки) (рис. 1).

По отношению к ассоциациям слова наблюдается та же тенденция, что и со значениями: слушающий стремится игнорировать скрытые (неявные, имплицитные) ассоциации слова, говорящий постоянно порождает новые ассоциации на слово, новые коннотации [Долинский, 2022]. Их число и частота могут различаться для каждого слова. Это означает, что семантика слова постоянно подвергается процессам диверсификации и унификации. Результатом этого будет компромисс между коммуникативными потребностями (*communication needs*) говорящего и слушающего, порождающий асимметричное распределение, в котором одна или несколько ассоциаций появляются очень часто, а остальные ассоциации редки и образуют длинный «хвост» распределения.

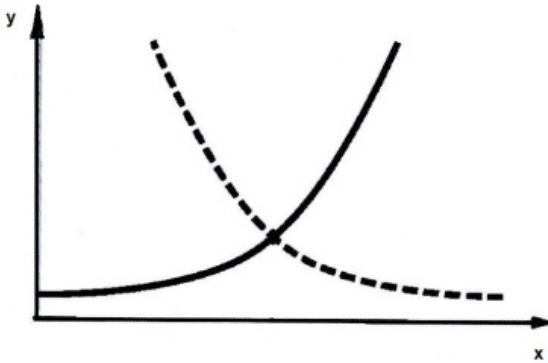

Рис. 1. Синергетическая модель коммуникации «говорящий» / «слушающий»
х-ось рангов; у-ось усилий _____ кодирование _____ декодирование.

На оси рангов языковые единицы расположены в порядке убывания частоты

Важную роль в языковой саморегуляции играет длина слова. Длина слова взаимодействует с целым рядом других лингвистических признаков и зависит от:

1) частоты употребления слова: в связном тексте, где частота доминирует над другими факторами; в распределении слов по длине частота коротких слов оказывается выше по сравнению с частотой длинных слов;

2) числа значений слова: в среднем, полисемичность коротких слов выше, чем длинных;

3) числа контекстов их употребления (употребительность; *textuality*): если слово встречается во многих контекстах, его частота (так же как число его значений) возрастает, в то время как его длина уменьшается;

4) размера словаря языка: если язык имеет небольшой запас слов, слова могут быть более короткими;

5) числа фонем в фонемном инвентаре: если язык имеет небольшое число фонем, то либо слова должны быть длиннее, либо язык должен быть аналитическим;

6) дистрибуции фонем: если есть очень мало ограничений на дистрибуцию фонем, слова имеют тенденцию быть короче;

7) типа языка.

Первые три признака влияют на длину слова на *локальном* уровне, т.е. они влияют на длину каждого слова в отдельности. Последние четыре признака влияют на слово *глобально*, т.е. влияют на среднее значение и дисперсию длины слов в языке [Grotjahn, Altmann, 1993].

Аббревиация как особый способ словообразования

Среди современных тенденций в развитии языков все чаще отмечается тенденция к сокращению длины слов. Аббревиация как особый способ словообразования получила широкое распространение в европейских языках в XX в. В русском языке тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур усиливалась в 1914–1920-х, 1960-х, 1990-х годах. Среди других способов словообразования аббревиация занимает особое место. В языке она выполняет компрессивную функцию, т.е. служит для создания номинаций более кратких, чем соотносительное словосочетание [Русская грамматика, 1982]. Основные сферы действия аббревиации – речь официально-деловая, научная, публицистическая. Некоторые бывшие аббревиатуры превратились в полноценные слова: АЛФАВИТ (гр.), АЗБУКА (слав.), ЭЛЕМЕНТ (лат.: из *L, M, N*). Но многие из аббревиатур вызывают затруднения в обыденной коммуникации.

Аббревиатуры принято считать «скучными словами», малопонятными или даже совсем непонятными обычным людям [Земская, 1996]. М.В. Панов указывал, что аббревиатура должна быть благозвучной, многосonorной; желательно, чтобы она напоминала обычное слово, вплоть до полной омонимии [Русский язык, 1968, с. 97]. Аббревиатура – сокращенное написание, стяжение нескольких слов, обозначающих единое понятие, в форме одного слова. Аббревиатуры – это имена существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание [Русская грамматика, 1982].

Среди сокращений разного рода выделяют *аббревиатуры инициального типа* с двумя подтипами:

а) образования из начальных звуков слов (акронимы): *вуз, загс, бомж, роно, НИИ, УДО, МИД, АСУ, УЗИ, ВАК, ТЮЗ, МХАТ, ВГИК, СНИЛС, ИНИОН, ОСАГО, ЦГАЛИ*.

все остальные *искажения* будут *бесцеремонно расшифровываться*, расчленяться и оплачиваться самостоятельно» [Селищев, 2003, с. 166–168] (курсив наш – В.Д.).

Восприятие новой «телеграфной» лексики сравнивал с «отгадыванием мыслей» М.А. Булгаков. В рассказе «Москва краснокаменная» (1922) он писал: «Несется трамвай среди говора, гомона, гудков. В Центр. Летит мимо Московской улицы. Вывеска на вывеске! В аршин. В сажень. Свежая краска бьет в глаза. И чего-чего на них нет. Все есть, кроме твердых знаков и ятей. Цупвот. Цустрат. Моссельпром. Отгадывание мыслей. Мосдревотдел. Виноторг... Врывсельпромгвиу, Униторг, Мосторг и Главлесторг, Центробумтрест» [Булгаков, 1989, с. 228].

Г.О. Винокур отмечал «...гипертрофию сокращенных наименований, пекущихся наспех, без особой необходимости, и остающихся в ряде случаев *непонятными* широким массам. Недаром же в самом деле пришла одному московскому карикатуристу мысль нарисовать двух крестьян, ломающих голову перед вывеской со словом “ВХОД” и недоумевающих – в какое учреждение они попали? ... Карцевский говорит об “искусственном, надуманном характере сокращений” ... Если сокращения “надуманы”, то каким же образом они “придумываются”? Чем руководится здесь “выдумка” и что конкретно дает она языку? Высока ли степень “сознательности” выдумывающих?» [Винокур, 2006, с. 67, 90–91].

А.Д. Синавский отмечал политическую окрашенность аббревиатур во многих странах: «Нетрудно заметить, что это язык в первую очередь *политизированный*. Государство стремится придать своим словам не просто какой-то новый смысл, но ярко выраженную политическую окраску ... Новые названия государственных учреждений, как правило, были очень длинными и сложными. Произносить полностью все эти новые титулы было делом долгим и затруднительным. Отсюда в языке начинается развитие *аббревиатур*.

Многие названия по своему написанию и звучанию напоминают сейчас *алгебраические формулы*» [Синавский, 2002, с. 273].

Непонятность новых специальных аббревиатур для «непосвященных» выделял Вяч. Вс. Иванов: «Представление слова или основы частью, усеченной до одного слога или одной фонемы, характеризует современные сложносокращенные слова. Их ... бурное

развитие связано с политическими, технологическими, экономическими, бюрократическими преобразованиями последующего времени, особенно в тоталитарных государствах: такие специфические для них структуры, как спецслужбы, всегда обозначаются аббревиатурами...

Новый взлет числа сложносокращенных слов к концу XX в. связан с компьютерной и информационной революцией, ср. распространение сложносокращенных сочетаний типа *e-mail* ... Это является следствием статистически обусловленного изнашивания самых употребительных слов языка, которое осуществлялось на больших отрезках времени...

История сложносокращенных слов в начале XX в. показывает, что они первоначально могли быть связаны и с задачей использования кода, доступного только посвященным (в частности, членам партии, название которой сокращается, например, *эс-эр* = социалист-революционер)» [Иванов, 2004, с. 36–41].

За последние два-три десятилетия в жанре официального наименования обозначились существенные изменения. Официальное наименование учреждения должно прямо сообщать адресату ведомственную принадлежность и тип именуемого предприятия или организации. Наименования, построенные по модели словосочетания с номинативным приложением в кавычках, составляли в советское время сравнительно небольшую часть официальных названий (*Научно-производственное объединение «Орион», совхоз «Московский», гостиница «Метрополь»*) и существовали наряду с названиями, не содержащими собственного имени, типа *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинградское оптико-механическое объединение им. В.И. Ленина, Московское районное управление энергетического хозяйства*. Сегодня для подобных обозначений все чаще используется приложение в кавычках: *ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова», ОАО «ЛОМО», ПАО «МОЭСК»*.

В XXI в., благодаря необузданному словотворчеству чиновников, без кавычек не могут именоваться учебные заведения: *ФГБОУ ВО «МГТУ им. Н.Э. Баумана»*.

М.Я. Дымарский относит подобное проявление безграмотности к идеологии «новояза»: «Здесь обращает на себя внимание не столько министерское стремление к классификаторству, сколько

сопутствующее ему навязывание *алогичности* и безграмотности. Можно допустить, что в определенных контекстах классифицирующая номинация, удостоверяющая, что речь идет не о какой-нибудь самозванной “академии”, а о Государственном Образовательном Учреждении, и что дают в нем не какое-нибудь, а Высшее Образование, – необходима. Но делать эту классификационную номинацию обязательной приставкой к собственному наименованию вуза, и без того содержащему ключевую классификационную номинацию (*университет*), означает последнюю обесценивать: ведь тем самым имплицитно допущено, что бывают университеты, в которых не высшее образование дают, а занимаются чем-то совершенно иным. Кроме того, получающаяся в итоге комплексная номинация насквозь тавтологична. Если помнить, что университет и есть учреждение (классического многопрофильного) высшего образования, то в итоге получается: *федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Санкт-Петербургское государственное учреждение (классического многопрофильного) высшего образования”*. Тавтологичная номинация, сдвинувшая на место зависимого компонента словосочетания вполне ясное прежнее название, – яркий пример нелюбви к здравому смыслу, возведенной в ранг государственной политики в сфере номенклатуры учреждений [Дымарский, 2018, с. 88–98].

И.И. Бакланова и М.Ю. Федосюк отмечают, что «для русской деловой речи последнего десятилетия характерна тенденция к замене традиционных наименований некоторых предметов и явлений новыми обозначениями, которые претендуют на высокую терминологическую точность, однако при этом весьма громоздки и трудны для восприятия». Авторы отмечают «тенденцию к неоправданному игнорированию коммуникативных интересов адресатов». С одной стороны, это «установка на намеренное отстранение от участия в деловой коммуникации “непосвященных”». С другой стороны, это «коммуникативная некомпетентность некоторых работников официально-деловой сферы, которые не понимают, что важно, а что неважно для достижения успешной коммуникации» [Бакланова, Федосюк, 2020, с. 56–57, 63–64].

Л.Э. Найдич предположила: «По-видимому, истинный смысл канцелярских штампов состоит в отмежевании канцелярита

от всех остальных стилей, в создании особого языка, доступного далеко не всем. ... В результате язык способствует созданию некоторого ореола вокруг всей деятельности соответствующих канцелярских организаций, представлению ее в виде почти жреческого служения. Правила генерирования канцелярских текстов доступны лишь посвященным – и в этом, очевидно, основной смысл канцелярита. Как не всякому разрешено войти в алтарь, так не каждый может написать заявление или докладную записку, заполнить анкету и т.п. Недоступно это бывает даже ученому, писателю – людям, хорошо владеющим языком и его различными стилями, не говоря уж о простых людях» [Найдич, 1995, с. 15].

Непонятность для непосвященных – ради этой цели создаются псевдослова, требующие повышенных усилий адресата при декодировании текста. Вывеска «КСПК Останкино» («культурно-спортивный парковый комплекс») преобразует знакомое жителям место отдыха в «неопознанный топографический объект». Не поддающиеся дешифровке аббревиатуры создают особый строй канцелярита, повышающий престиж и неподконтрольность его носителей. «В настоящее время всплеск подобной активности в порождении абсурдных псевдослов можно связывать с повышением значимости бюрократических процедур и текстов, поддерживающих клан административно-бюрократической элиты. Для нее и существует особый письменный язык с его зашифрованными наименованиями» [Федорова, 2020, с. 11]. Так, несложный, казалось бы, для расшифровки и созданный для удобства граждан центр коммуникации (МФЦ – многофункциональный центр) в документе превращается в «сакральный объект» с особым статусом: «На территории МФЦ запрещается: ...совершать аморальные действия, оскорбляющие морально-этические чувства работников МФЦ, посетителей и иных лиц, находящихся на территории МФЦ, а также честь и достоинство окружающих» (Положение «Об организации внутриобъектного и пропускного режима», объявленного Приказом Директора ГБУ МФЦ г. Москвы от 25.12.2015 № 01–1-770/15).

Принцип экономии vs принцип понимания

С позиции *теории информации* появление того или иного элемента в речевой цепочке обусловлено предшествующими элементами. Каждый последующий элемент предсказывается предыдущими. Чем элемент дальше от начала, тем в большей степени он предсказуем. Так, вероятность появления той или иной буквы в конце изолированного слова, как правило, значительно выше, чем в начале слова. Если вероятность появления последних букв увеличивается, значит, информативность (ценность) их уменьшается по сравнению с начальными буквами. Не случайно в конспектах при сокращениях обычно оставляют начальные буквы или сочетания букв, а не конечные (*см., нрзб., и т.д.*). Эта закономерность проявляется не только в буквах, но и в словах, и в сочетаниях слов. И часто начало фразы (*Скажи-ка, дядя...*) подсказывает ее продолжение (*...ведь не даром*).

Подход к коммуникации от теории информации обнаружил закономерности универсального характера. Любой канал связи имеет определенную пропускную способность: он может передавать только такое количество информации, на которое он рассчитан. В интересах коммуникантов – повышать *эффективность* его использования. Эффективность – это количество информации, передаваемое по каналу связи в единицу времени. Одно и то же сообщение может быть передано по каналу связи или в два раза быстрее или вдвое короче по длине. При прочих равных условиях эффективность коммуникации возрастет вдвое. Естественно, что чем выше эффективность, тем лучше используется канал связи, тем меньше затрачивается времени / места / сил на передачу сообщения. Коммуниканты стремятся к тому, чтобы их сообщения были как можно более краткими, компактными. Эта закономерность и есть то, что в лингвистике называется *принципом экономии*. Лингвисты обычно и ограничиваются рассмотрением этого принципа.

В процессах коммуникации важен не только принцип экономии, эффективности использования канала связи. Из-за разного рода помех сообщение, декодируемое слушающим (читающим), не всегда соответствует сообщению, закодированному говорящим (пишущим). В нормальной ситуации говорящий вступает в коммуникацию вовсе не для того, чтобы как можно скорее передать

сообщение или сэкономить на его длине, а для того, чтобы слушающий адекватно воспринял, правильно понял (дешифровал) то, что хочет ему сказать говорящий. Задача любой коммуникации – добиться того, чтобы полученное сообщение максимально соответствовало сообщению переданному. Степень соответствия воспринятого сообщения сообщению отправленному носит название **надежности**. Это второй принцип, важный для процессов коммуникации, **принцип понимания**. Именно для того, чтобы слушающий лучше понял говорящего, чтобы речь говорящего была надежнее, отправитель должен стремиться передавать сообщение медленнее, повторять его, увеличивать его длину (жертвуя принципом экономии).

Эффективность и надежность по своим свойствам – антагонистические параметры коммуникации. Чем выше эффективность, тем ниже надежность, и наоборот. Коммуниканты всегда находятся в поиске некоего равновесия, компромисса, добиваясь того, чтобы их сообщения были и в меру эффективными, и достаточно надежными. Взаимодействие факторов эффективности и надежности (принципов экономии и понимания) не только проявляется в технических системах связи, но имеют универсальный синергетический смысл в речевой деятельности людей, в устройстве естественных языков. Как писал Л.В. Сахарный, «если речь будет чересчур эффективной, то возможны серьезные сбои в понимании. Примеры тому – известные истории (анекдотические или реальные) с телеграммами, когда максимальное устранение избыточности сообщения приводит к полному непониманию всего сообщения при малейшем искажении сигнала. Превышение же каких-то стандартов надежности приводит к многословию. Такого человека становится неинтересно и тяжело слушать, так как наступает перенасыщение сигналами, не несущими новой информации» [Сахарный, 1989, с. 20].

С позиции оценки трудовых затрат и стремления к их экономии расценивал речь Е.Д. Поливанов: «Основная пружина этого механизма, действительно, есть то, что, говоря грубо, можно назвать словами: “лень человеческая” или – что то же – стремление к экономии трудовой энергии...»

Отсюда и вытекает общая для всех участников языкового общения и постоянно осуществляющаяся тенденция – *по возможности* сокращать комплексы звукопроизводных работ (а также и энер-

гию, расходуемую на каждую отдельную из этих звукопроизводных работ, т.е. на отдельное, например, движение языка, губ и т.д.), а в итоге, следовательно, и время, занимаемое данной фонацией.

Проявление “лени человеческой”, т.е. экономия трудовой энергии, сказывается в истории языков не в одной только экономии физиологической (в смысле экономии произносительных работ – языка, губ, гортани), но и в виде *экономии психической деятельности*» [Поливанов, 2003, с. 43–48].

Само собой разумеется, что среди коротких слов схожие слова встречаются чаще, чем среди длинных. С уменьшением длины слова сокращается ассортимент возможных буквосочетаний. О системных ограничениях, задаваемых размером алфавита (26 букв для английского языка), писал К. Веркман: «Теоретически можно создать $17576 (26^3)$ слов, состоящих из трех букв. Но поскольку “слова” типа “AAA”, “XYZ”, “BLZ” нельзя считать реально произносимыми, количество слов, насчитывающих три буквы, оказывается значительно меньшим. Если при схеме конструкции *bab* мы сочтем приемлемыми “слова” типа “XAX”, максимальное число возможных вариантов составит $2400 (6 \times 20^2)$. То же число вариантов мы получим при использовании схем *abb* или *bba*, а формула *aba* даст 720 слов» [Веркман, 1986, с. 462].

Создатели аббревиатур всегда подчеркивают, что аббревиация выполняет компрессивную функцию: сокращает время, место, усилие и стоимость сообщений. Словарь бизнес-терминов определяет аббревиатуру как название или обозначение, состоящее из начальных букв или цифр словосочетания, используемое для сокращения места и ускорения передачи информации [Словарь ... , 2001]. Принято считать, что разумное употребление аббревиатур экономит время пишущего и читающего и печатную площадь.

Хотя печатная площадь измеряется в разных единицах (число слов – в телеграммах, число символов – в газетных объявлениях или смс-сообщениях), отправитель и получатель сообщения (кодирующий и декодирующий) всегда руководствуются общими принципами экономии и надежности. «Двадцатипятируйте» – писал бедный студент в телеграмме родителям. Остап Бендер «мигом сообразил», что объявление в черноморской вечерке «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. од. ин. хол.» означает «Сдается прекрасная комната со

всеми удобствами и видом на море одинокому интеллигентному холостяку» (И. Ильф, Евг. Петров. «Золотой теленок», 1931).

При обмене текстовыми сообщениями на мобильных телефонах с помощью службы коротких сообщений (SMS) ограничение в 160 символов для латиницы и в 70 символов для кириллицы сделало использование аббревиатур неизбежным.

Отмечалось, что аббревиатура должна соответствовать назначению текста, быть понятной читателю, исключать омонимию, не вызывать отвлекающих ассоциаций, быть единообразной для однотипных слов и словосочетаний. Новые аббревиатуры и акронимы не только способны вызывать отвлекающие (неуместные) ассоциации, но и «отрезают» многие привычные ассоциации. Структура и принципы построения аббревиатур внутренне противоречивы. Следствие этого – недоверие к слову, обесценивание его лексического значения [Долинский, 2020].

Объем словника (вокабуляр) словарей сокращений русского языка непрерывно пополняется все новыми и новыми единицами, что неизбежно приводит к росту числа аббревиатур-омонимов [Елисеев, 2018]. Так, словарь сокращений. рф [Словарь ... , 2020] сообщает о своем составе следующее: «У нас собрано более 48 000 аббревиатур с более чем 102 000 способов их расшифровки».

Этот словарь для аббревиатуры *КПД* приводит 12 способов дешифровки: канал передачи данных; кафедра программного дизайна; клуб профессионалов дизайнера; ключевой показатель деятельности; Коммунистическая партия Дагестана; компания производственной дефектоскопии; комплексный план действий; комплект перевозочных документов; кремнийорганическая паста диэлектрическая; культурно-просветительская деятельность и т.п., – среди которых отсутствует всем известное значение «коэффициент полезного действия». Именно это значение является наиболее частотным в ассоциативном поле слова-стимула «КПД».

Расширяющееся употребление аббревиатур и их структурное разнообразие позволяют говорить о *двух разнонаправленных тенденциях*. С одной стороны, аббревиатуры и сокращения позволяют избегать длинных, многословных конструкций, экономить речевые усилия и добиваться краткости в общении. С другой стороны, повсеместное увлечение, злоупотребление замысловатыми сокращениями затрудняет их понимание, особенно когда речь

идет о специальных терминах, о сокращениях местного характера, стилистически маркированных, не вошедших в общелитературный язык. Между тем лавина новых аббревиатур приводит к повышению доли *омонимов*, затрудняет семантизацию (расшифровку) и делает их *все более непонятными* для читателя и слушателя – носителя русского языка. Таким образом, применение «принципа наименьшего усилия» для говорящего неизбежно приводит к необходимости применения «принципа наибольшего усилия» для слушающего (и наоборот).

Кроме средства официальной номинации, аббревиация часто используется в речи и как средство *экспрессии*, художественной выразительности.

Общеупотребительные инициальные аббревиатуры могут порождать словообразовательные гнезда. Интересны производные *эснговье* (от СНГ, по типу *Приднестровье*), *замкадье* (от МКАД, по типу *Замоскворечье*), *пиарщик* (от *пиар* – PR, по типу *сварщик*).

Игровая расшифровка общепринятых аббревиатур – прием, который используется в разговорном языке, жаргонах, а также в различных профессиональных языках. Столкновение значения обычной аббревиатуры со значением аббревиатуры-омонима создает комический эффект, порождает каламбур, шутку (например, акронимы-омофоны *НИИЧАВО*, *НУИНУ* у Стругацких). Так, широко распространенная аббревиатура *ЧП* (чрезвычайное происшествие) используется медиками в значении «частная практика», журналистами – в значении «четвертая полоса» (полоса в газете, на которой помещается юмористический материал).

Известное сокращение *до н.э.* (до нашей эры) сегодня расшифровывается как «до начала эпидемии (коронавируса)». В молодежном жаргоне бытуют игровые омонимы к обычным аббревиатурам. Ср.: *ОРЗ* (острое респираторное заболевание) и *ОРЗ* (очень рано завязал), *МАДИ* (Московский автодорожный институт) и *МАДИ* (московский алкогольно-дегустационный институт), *ПГМ* (противогололедный материал) и *ПГМ* (православие головного мозга).

В романе В.Н. Войновича «Монументальная пропаганда» (2000) читаем: «По партийно-бюрократической грамматике того времени аббревиатура “т.т.” означала “товарищи”, но не простые товарищи, а плохие товарищи. Если надо было сказать, что выступили хорошие товарищи, например товарищ Хрущёв, Микоян или

кто там еще, то писалось полное слово: “товарищи”, а если плохие товарищи, то не “товарищи”, а “т.т.”. (Данное утверждение к пистолету “ТТ” отношения не имело, но в подсознании с ним как-то ассоциировалось.)» [Войнович, 2008, с. 71–72].

Дж. Оруэлл в приложении к роману «1984» (1949), характеризуя новояз, писал: «Слова-раскладушки (telescoped words) стали одной из характерных особенностей политического языка еще в первой четверти XX века; особенная тяга к таким сокращениям была отмечена в тоталитарных странах и тоталитарных организациях. Примерами могут служить такие слова, как “*наци*” (*Naci*), “*гестapo*” (*Gestapo*), “*коминтерн*” (*Comintern*), “*инпрекорр*” (*Inprecorr*), “*агитпроп*” (*Agitprop*). Сначала к этому методу прибегали, так сказать, инстинктивно, но в новоязе он использовался с осознанной целью. Стало ясно, что, сократив таким образом имя, вы сужаете и слегка изменяете его смысл, ибо отсекаете большинство ассоциаций, которые в противном случае цеплялись бы к нему. Слова “*Коммунистический Интернационал*” приводят на ум сложную картину: всемирное человеческое братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская коммуна. Слово же “*Коминтерн*” напоминает всего лишь о крепко спянной организации и жестко определенной системе доктрин. Оно относится к предмету столь же ограниченному в своем назначении, как стол или стул. “*Коминтерн*” – это слово, которое можно произнести, почти не размышляя, в то время как «Коммунистический Интернационал» заставляет хотя бы на миг задуматься. Подобным же образом “*минправ*” вызывает гораздо меньше ассоциаций (и их легче предусмотреть), чем “*министерство правды*”. Этим объяснялось не только стремление сокращать все, что можно, но и на первый взгляд преувеличенная забота о том, чтобы слово легко было выговорить ... Задача состояла в том, чтобы сделать речь – в особенности такую, которая касалась идеологических тем, – по возможности *независимой от сознания*» [Orwell, 1949].

М.О. Чудакова призывала: «Дело общества – т.е. всех и каждого – быть внимательным к родной речи... Хочется просто-напросто привлечь внимание всех, кто говорит по-русски, к своему языку – к огромной ценности, доставшейся нам в подарок. К тому главному – и сегодня едва ли не единственному, – что соединяет нас в нацию.

Настойчиво повторяю – сегодня эта связка при полном общественном небрежении, невнимании к ней ржавеет и распадается. Выразимся проще – *говоря на одном языке, мы частично теряем возможность друг друга понимать*» [Чудакова, 2013, с. 201–202].

Выводы

Принцип наименьшего усилия в языке и речи требует уравнивания принципом наибольшего усилия. Эта дихотомия обеспечивает взаимопонимание говорящего и слушающего. Яснее всего это проявляется в переводческой деятельности, не поддающейся алгоритмизации.

Аббревиатуры и акронимы экономят речевые усилия, но злоупотребление ими затрудняет понимание текстов, препятствует успешной коммуникации и ведет к выхолащиванию смысла сообщений.

Новые аббревиатуры в русском языке и коммуникации не только разрушают традиционные вербальные ассоциативные поля, они способны вызывать «непредвиденные» ассоциации.

Рост абсолютного числа аббревиатур и относительной их доли в общем вокабуляре ведут к росту омонимии, десемантизации слов и, с расширением потока «полимодальных текстов», – к снижению доверия к вербальной составляющей коммуникации.

Тенденция к экономии речевых усилий в цифровой коммуникационной среде – свидетельство дегуманизации языка.

Список литературы

- Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. – Москва : Наука, 1988. – 184 с.
- Бакланова И.И., Федосюк М.Ю.* КГБОУ ДПО ХКИППКСПО, или Игнорирование коммуникативных интересов адресата как источник абсурда в современной деловой коммуникации // Абсурд в языке и коммуникации. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 55–67.
- Булгаков М.А.* Москва красная // Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 5 т. – Москва : Художественная литература, 1989. – Т. 2. – С. 226–230.
- Веркман К. Дж.* Товарные знаки: создание, психология, восприятие. – Москва : Прогресс, 1986. – 520 с.
- Винокур Г.О.* Культура языка. – Москва : Лабиринт, 2006. – 256 с.
- Войнович В.Н.* Монументальная пропаганда. – Москва : Эксмо, 2008. – 381 с.

Карасик В.И.¹, Слышкин Г.Г.²

ОТРЕЧЕНИЕ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН©

Аннотация. Рассматривается дискурсивный феномен «отречение», понимаемый как сложное коммуникативное действие, семантика которого состоит в выражении намеренного демонстративного отказа от своих прав, убеждений, связей с кем-либо. Прагматика этого поступка заключается в его перформативности, необратимом изменении положения дел. Показано, что лингвокультурологический подход к изучению отречения дает возможность определить квалификацию этого поступка в сознании коммуникантов как предательства, как проявления слабости либо как легитимного права на его совершение. Типажным воплощением отречения выступает ренегат, при этом существенным признаком его поведения во многих случаях является его самоосуждение. В качестве дискурсивного явления отречение находит выражение в различных коммуникативных ситуациях, наиболее типичными из которых являются сферы политики, религии, науки. В медийном дискурсе происходит жанровое слияние отречения и опровержения. Медийный аспект отречения от власти сводится к объяснению мотивов этого поступка.

---

¹Карасик Владимир Ильич, д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета, e-mail: vkarasik@yandex.ru

²Слышкин Геннадий Геннадьевич, д-р филол. наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, e-mail: ggsl@yandex.ru

© Карасик В.И., Слышкин Г.Г., 2023

Ключевые слова: отречение; поступок; дискурс; концепт; прагматика.

Для цитирования: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Отречение как дискурсивный феномен // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 71–87. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.04

KARASIK V.I.¹, SLYSHKIN G.G.²

RENUNCIATION AS A DISCOURSE PHENOMENON

Abstract. The paper deals with a discourse phenomenon “renunciation” treated as a complex communicative action. Its semantic properties consist in the expression of a deliberate demonstrative disavowal of someone’s rights, convictions, or contacts with certain people. The pragmatic meaning of this action may be described as its performative status, i.e. irrevocable change of the situation. We argue that linguistic and cultural approach to explanation of renunciation makes it possible to qualify this action as a treason, or weakness, or a legitimate right of a subject. A personality type “renegade” represents this concept as a recognizable human image, and in many cases such people reprobate themselves. Renunciation as a discourse phenomenon appears in different communicative situations, most typical are spheres of politics, religion and science. It merges as a genre with refutation in media discourse where abdication necessarily includes the explanation of its motives.

Keywords: renunciation; action; discourse; concept; pragmatics.

For citation: Karasik, V.I., Slyshkin, G.G. Renunciation as a discourse phenomenon. *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. – 2023. – N 2. – Pp. 71–87. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.04

---

¹*Karasik, Vladimir Ilyich*, Advanced Doctor of Science (Philology), professor of the department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, professor of the department of Russian as a foreign language, Moscow state linguistic university, e-mail: vkarasik@yandex.ru

²*Slyshkin, Gennady Gennadyevich*, Advanced Doctor of Science (Philology), Professor, Director of the Centre of Linguistics and professional communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ggsl@yandex.ru

Различные виды речевых действий детально изучены и описаны в науке о языке [Безменова, Герасимов, 1985; Романов, 1988; Сафаров, 1989; Серль, 1986; Ballmer, Brennenstuhl, 1981; Blommaert, 2011; Littlejohn, 2009; Sadock, 2004]. В философии противопоставляются целенаправленные, нормативные, драматургические и коммуникативные социальные действия, по Ю. Хабермасу: первые сориентированы на реализацию потребностей, вторые – на выполнение тех или иных предписаний, третьи – на разыгрывание ситуативно обусловленных ролей, четвертые – на поддержание общения [Habermas, 1984]. Существенным оказывается противопоставление действий, направленных на достижение той или иной цели, и поступков, особых действий, предполагающих выбор и ответственность за него. К числу поступков относится и значимое несовершенство действий. Социальные действия могут включать вербальный компонент. С позиций лингвистической семантики описание речевых действий сводится к их содержательной характеристике, т.е. определению их субъектного, объектного и обстоятельственного состава. Лингвокультурологическое изучение речевых действий направлено на выявление норм и правил поведения, определяющих эти действия. В прагмалингвистическом аспекте речевые акты противопоставляются как перформативы и дескриптивы, первые представляют собой поступки людей, имеющих право на их совершение, вторые являются оценочным описанием речевых действий. В основу прагмалингвистического описания речевых действий обычно положены интенции участников общения, стремящихся заявить о чем-либо, выразить свои эмоции, взять на себя обязательства, оказать воздействие на партнеров и т.д. Дискурсивный подход к изучению речевых действий предполагает их освещение в рамках того или иного типа коммуникативной ситуации – обиходного общения друзей, научной дискуссии, политического митинга, религиозного ритуала, медийного события, академической лекции.

В данной работе рассматривается речевое действие «отречение», понимаемое как намеренный и демонстративный отказ от ожидаемого поведения. По нашим данным, различные дискурсивные виды отречения еще недостаточно освещены в лингвистической литературе. В качестве материала для анализа были взяты данные словарных дефиниций, известные лингвокультурные сюжеты и аутентичные тексты зафиксированных отречений.

Речевое действие «отрекаться» допускает множественное научное осмысление. В семантическом плане, по данным академического толкового словаря русского языка, это отказ от прав и обязанностей:

1. *Отказываться от чего-либо, не признавать своим, себе принадлежащим.* || (от престола, от сана и т.п.). *Отказываться от своих прав на престол, на сан и т.п.* || *Отказываться от кого-либо близкого (отца, сына, соратников и т.п.).* || *Признавать себя чуждым чему-либо.* || *Переставать следовать чему-либо, придерживаться чего-либо.* 2. *Устар.* *Отказываться, не соглашаться сделать что-либо (БАС).* В свою очередь, «отказываться» толкуется следующим образом: 1. *Не соглашаться сделать, выполнить что-либо; заявлять о своем несогласии заниматься чем-либо.* || *Оставлять свои притязания на кого-, что-либо.* || *Не принимать, отвергать что-либо.* || *Не признавать своим, себе принадлежащим; отрекаться от чего-либо.* 2. *Переставать действовать, работать (БАС).*

В толковом словаре английского языка приводятся следующие толкования слов, обозначающих отречение и отказ: *repudiate – to refuse to accept or continue with something (LDCE); disclaim – to state, especially officially, that you are not responsible for something, that you do not know about it, or that you are not involved with it (LDCE); disavow – to say that you are not responsible for something, that you do not know about it, or that you are not involved with it (LDCE).* В английском языке существует специальный глагол для обозначения отречения монарха: *abdicate – to give up the position of being king or queen (LDCE).* Дефиниции показывают, что в качестве уточняющих признаков официального отказа выступает снятие с себя знания о чем-либо, участия в чем-либо и ответственности за это.

В прагматическом плане отречение представляет собой коммуникативное действие лица, имеющего право на определенное поведение и выражающего отказ от этого права. Этот глагол выражает перформативное действие, т.е. отрекающийся своим речевым поступком меняет положение дел. В русском языке этот поступок касается разнообразных действий, в английском он уточняется как термин.

В лингвокультурном аспекте отречение осмысливается не только как набор понятийных признаков, но и как коммуникатив-

ная ситуация, в которой участвуют несколько субъектов, акцентируется сознательный выбор отрекающегося, его статус, особенно важными являются ценности, нормы и традиции, определяющие как поведение субъекта, так и отношение к нему со стороны других людей [Дементьев, 2016].

В лингвокультурологии выделяются четыре базовых объекта описания: концепты, сценарии, типажи и сюжеты. Концепты обычно понимаются как кванты переживаемого знания [Воркачев, 2014; Карасик, 2019; Красавский, 2008; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Слышкин, 2004]. Концепт «отречение» в понятийном плане представляет собой набор признаков, объясняющих этот поступок; образно-перцептивные характеристики отречения характеризуют ситуацию, главный участник которой в присутствии кого-либо отказывается от своих прав и обязанностей; ценностные признаки этого поступка соотносятся с нормами общества, оценивающего отречение как законное право субъекта либо проявление слабости, либо предательство и т.д.

Сценарии (или скрипты, речеповеденческие тактики, бихевиоремы) трактуются как ментальные образования, отражающие принятые в том или ином сообществе последовательности действий и поступков [Вежбицкая, 1996; Верещагин, Костомаров, 1999; Донец, 2004; Савицкий, 2020]. Отречение как сценарий представляет собой публичное действие, в ходе которого его субъект заявляет об отказе от прежних убеждений либо от своих прав на что-либо.

Типажи рассматриваются как обобщенные узнаваемые модельные личности, в поведении которых выражены ценности, нормы и традиции определенного сообщества [Гуляева, 2009; Асадуллаева, 2011; Валяйбоб, 2013; Дмитриева, 2007; Ярмахова, 2005]. Применительно к отречению такими типажными являются ренегаты – люди, которые публично отрекаются от своих убеждений, от своего происхождения, от знакомства или дружбы с кем-либо. Известно, что Генрих Гейне принял христианство, чтобы поступить в университет, и тем самым отрекся от своих иудейских корней. Показательна его реплика: *«Я желаю всем ренегатам настроения, подобного моему»*. Кстати, диплом доктора права, полученный в Берлинском университете, поэту не пригодился.

Лингвокультурные сюжеты понимаются как изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие

опровержением ранее опубликованной информации. В этом случае мы видим жанровое слияние.

Передача власти представляет собой важное событие в жизни каждого иерархически организованного сообщества. Такие события приобретают особую значимость, если речь идет о высшей власти в стране. В обществе с республиканской системой управления власть переходит к лицу, официально избранному на должность руководителя государства, в монархическом обществе власть после умершего короля получает наследник престола. Эта процедура детально регламентируется и включает юридически и ритуально закреплённые действия. В этом плане представляет интерес характеристика речевого действия «отречение от трона», противопоставляемого официальному акту коронации. По нашим данным, это речевое действие еще не было предметом специального дискурсивного изучения, хотя в работах историков эта тема освещена достаточно детально (Диунов, 2022; Томсетт, 2020). Предполагается, что отречение от трона включает определенные знаки перформативного действия, объяснение этого поступка и пожелание процветания народу и успехов его будущему руководителю. Рассматриваются тексты официального отречения от власти российского императора Николая II и английского короля Эдуарда VIII, размещенные в сети Интернет¹.

Заслуживает внимания ритуальная организация отречения от высшей власти. Этот поступок должен быть публичным, но в отличие от коронации он не сопровождается снятием короны или какими-либо клятвами, поскольку принятие власти сориентировано по своей сути в будущее, в то время как отказ от нее сфокусирован в настоящем времени.

Заметим, что хотя отречение представляет собой перформатив, этот тип речевого действия не выражается формулой «Я отрекаюсь», этот речевой акт выражается опосредованно в виде сопутствующих действий подписания определенного документа и признания о передаче власти определенному лицу.

Манифест об отречении государя императора Николая II и о сложении с себя верховной власти. 2 марта 1917 г.

---

¹ <https://www.americanrhetoric.com/speeches/kingedwardVIIIabdication.htm> ; <http://doc20vek.ru/node/1399>

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше Брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повиновением Царю в тяжёлую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России.

Текст манифеста включает следующие части: 1) описание сложившейся ситуации, 2) принятое решение об отречении от престола, 3) обозначение имени следующего царя, 4) призыв ко всему народу повиноваться новому монарху. Описание сложившейся ситуации представляет собой констатацию бедственного положения страны, находящейся в состоянии Первой мировой войны и внутренних народных волнений. Здесь же содержится выражение уверенности в необходимости доведения войны до окончания и надежды на победу. Отметим, что в тексте нет признания личной ответственности за сложившееся катастрофическое положение в стране. Принятое решение включает информацию о коллегиальности

этого поступка, он согласован с Государственной Думой. При обозначении имени следующего царя действующий монарх делает важное уточнение: по закону власть должен был принять его сын, но Николай II заявляет, что не желает расставаться с ним (эвфемистически обозначена болезнь сына) и передает власть своему брату. Важным является благословение будущему царю. В заключительной части манифеста содержится пожелание руководителю государства править страной в единстве с представителями народа (важный тезис о соблюдении норм конституционной монархии), призыв к народу повиноваться будущему царю и помогать ему. Манифест завершается молитвенным воззванием к Богу о помощи. Перформативное речевое действие выражено с помощью словосочетания *«мы признали за благо отречься от престола»*. В этом документе сформулированы три обращения – к будущему монарху, народу и Богу. Этот манифест знаменовал собой важный переход в истории России – от Февральской к Октябрьской революции. Обратим внимание на определенный фатализм в обосновании сложившейся ситуации: *«Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание»*. Отсюда вытекает вывод о том, что такое положение дел обусловлено не человеческими просчетами и ошибками, а непостижимой судьбой. Николай II тем самым в определенной степени оправдывается перед народом и самим собой в том, что не смог противостоять врагу и избежать народных волнений. Завуалированное признание в таких ошибках можно прочитывать в обосновании принятого решения: *«почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение»*. Следовательно, ранее такого единения не было. В соответствии с традиционной риторикой выступлений царя речь оформлена во множественном числе первого лица.

King Edward VIII Abdication Address. 12 December 1936

At – At long last I am able to say a few words of my own. I have never wanted to withhold anything, but until now it has not been constitutionally possible for me to speak.

A few hours ago I discharged my last duty as King and Emperor, and now that I have been succeeded by my brother, the Duke of York,

my first words must be to declare my allegiance to him. This I do with all my heart.

You all know the reasons which have – have impelled me to renounce the throne. But I want you to understand that in making up my mind I did not forget the country or the empire, which, as Prince of Wales, and lately as King, I have for 25 years tried to serve.

But you must believe me when I tell you that I have found it impossible to carry the heavy burden of responsibility and to discharge my duties as King as I would wish to do without the help and support of the woman I love.

And I want you to know that the decision I have made has been mine and mine alone. This was a thing I had to judge entirely for myself. The other person most nearly concerned has tried up to the last to persuade me to take a different course.

I have made this, the most serious decision of my life, only upon the single thought of what would, in the end, be best for all.

This decision has been made less difficult to me by the sure knowledge that my brother, with his long training in the public affairs of this country and with his fine qualities, will be able to take my place forthwith without interruption or injury to the life and progress of the empire. And he has one matchless blessing, enjoyed by so many of you, and not bestowed on me -- a happy home with his wife and children.

During these hard days I have been comforted by her majesty my mother and by my family. The ministers of the crown, and in particular, Mr. Baldwin, the Prime Minister, have always treated me with full consideration. There has never been any constitutional difference between me and them, and between me and Parliament. Bred in the constitutional tradition by my father, I should never have allowed any such issue to arise.

Ever since I was Prince of Wales, and later on when I occupied the throne, I have been treated with the greatest kindness by all classes of the people wherever I have lived or journeyed throughout the empire. For that I am very grateful.

I now quit altogether public affairs and I lay down my burden. It may be some time before I return to my native land, but I shall always follow the fortunes of the British race and empire with profound interest, and if at any time in the future I can be found of service to his majesty in a private station, I shall not fail.

And now, we all have a new King. I wish him and you, his people, happiness and prosperity with all my heart.

God bless you all.

God save the King!

Наконец, мне предоставилась возможность сказать несколько слов.

Я никогда ничего не скрывал, но до настоящего момента я, соблюдая законность, не мог говорить.

Несколько часов назад я исполнил свой последний долг в качестве короля и Императора. И теперь, когда моим преемником становится мой брат, Герцог Йоркский, своими первыми словами я хочу выразить преданность ему. И делаю это от всего сердца.

Вы все знаете причины, побудившие меня отречься от престола. Но я хочу, чтобы вы поняли, что, принимая это решение, я не забыл о стране, Империи, которым, сначала, будучи принцем Уэльским, а затем королем, я служил на протяжении 25 лет. Но вы должны мне поверить, что я нахожу невозможным для себя нести дальше ношу ответственности и выполнять обязанности короля, без помощи и поддержки женичины, которую люблю.

Также я хочу, чтобы вы знали, что решение, которое я принял, принадлежит мне, и только мне. Это та позиция, которую я четко определил для себя. Другой человек, вовлеченный во все происходящее, до последнего момента пытался убедить меня сделать иной выбор. Но я так решил, и это было самым серьезным решением в моей жизни, наконец, поняв, что так, в конечном итоге, будет лучше для всех.

Это решение далось мне легче с сознанием того, что мой брат, имеющий колоссальный опыт в общественных отношениях, знающий страну и обладающий достойными личными качествами, сможет полноправно занять мое место без какой-либо задержки или вреда для народа и развития Империи. У него также есть одно непревзойденное преимущество, коего не было у меня, но есть у многих из вас – счастливая семья, жена и дети.

В эти тяжелые дни я был окружен вниманием своей матери и семьи. Министры короны и, в частности, премьер-министр Болдуин, всегда относились ко мне с уважением. Между ними, парламентом и мной никогда не возникало никаких недомолвок,

шедших вразрез с конституцией. Я не мог допустить подобных разногласий и пойти наперекор традициям, созданным еще моим отцом.

С тех пор, когда я был принцем Уэльским, и позже, когда я занял трон, все относились ко мне по-доброму, где бы я ни жил или путешествовал по Империи, за что я вам очень благодарен.

Теперь же я заканчиваю любую общественную деятельность и снимаю с себя полномочия. Вероятно, пройдет время, когда я смогу вновь вернуться на свою родную землю, но я буду всегда непоколебимо соблюдать интересы британской нации и Империи, и если когда-нибудь я буду необходим Его Величеству, я всегда буду к Его услугам.

Теперь у нас новый король. От всего сердца я желаю Ему и вам, его народу, счастья и процветания. Да благослови Господь всех вас. Да здравствует король! (пер. А.А. Поляковой).

Этот текст распадается на пять частей: 1) сообщение об отречении от престола в косвенной форме («я исполнил свой последний долг»), 2) выражение преданности новому королю, 3) детальное развернутое объяснение своего поступка, включающее причину (желание быть в браке с любимой женщиной), подчеркнутое выражение своего личного выбора («решение принадлежит мне, и только мне»), добрые слова в адрес младшего брата, который стал королем, в адрес своей семьи, премьер-министра и парламента, 4) обещание соблюдать интересы Британии, 5) пожелание процветания новому королю, всем британцам, призыв к благословению Бога и ритуальное приветствие королю. Этот текст, зачитанный по радио самим Эдуардом VIII, носит подчеркнуто личный характер. Король не оправдывается, он пытается убедить своих подданных, что сделал осознанный выбор по зову сердца. Следует сказать, что англичане в целом с пониманием отнеслись к этому поступку. Причиной, побудившей короля отречься от трона, была давняя английская традиция: король не имеет права жениться на разведенной женщине. В то время англиканская церковь, главой которой является британский монарх, была категорически против такого шага. Как мы знаем, прошло 85 лет, и на престол в Англии в 2022 г. после смерти Елизаветы II взошел ее сын Чарльз (Карл) III. Его брак с разведенной женщиной не помешал ему стать королем.

Таким образом, отречение как официальный отказ от власти сочетает в себе признаки политического, юридического и медийного дискурса. Первые являются констатацией изменения статуса субъекта, вторые фиксируют законность происходящего, третьи направлены на объяснение широкой публике мотивов этого поступка. Отречение от верховной власти как дискурсивный феномен включает ритуальные формулы, специфичные для определенной лингвокультуры.

Итак, отречение как дискурсивный феномен представляет собой сложное коммуникативное действие, семантика которого состоит в выражении намеренного демонстративного отказа от своих прав, убеждений, связей с кем-либо, прагматика этого поступка заключается в его перформативности, необратимом изменении положения дел. Концептологический подход к изучению отречения дает возможность определить квалификацию этого поступка в сознании коммуникантов как предательства, как проявления слабости либо как легитимного права на его совершение. Типажным воплощением отречения выступает ренегат, при этом существенным признаком его поведения во многих случаях является его самоосуждение. В качестве дискурсивного явления отречение находит выражение в различных коммуникативных ситуациях, наиболее типичными из которых являются сферы политики, религии, науки. В медийном дискурсе происходит жанровое слияние отречения и опровержения. Медийный аспект отречения от власти сводится к объяснению мотивов этого поступка.

Список литературы

- Асадуллаева А.В.* Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 22 с.
- Безменова Н.А., Герасимов В.И.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сб. науч.-аналит. обзоров. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1985. – С. 146–196.
- Валяйбоб А.В.* Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 20 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.

- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. – London : Heinemann, 1984. – Vol. 1. – 465 p.
- Littlejohn S.W. *Speech Act Theory* // *Encyclopedia of Communication Theory* / Ed. by S.W. Littlejohn and K.A. Foss. – Los Angeles : SAGE, 2009. – P. 918–920.
- Sadock J. *Speech acts* // *The Handbook of Pragmatics* / Ed. by L. Horn and G. Ward. – Oxford : Blackwell, 2004. – P. 53–73.

References

- Asadullaeva A.V. *Istoricheskij kriminal'nyj lingvokul'turnyj tipazh "anglijskij pirat": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Historical criminal linguistic and cultural personality type "pirate": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)]. – Volgograd, 2011. – 22 p. (In Russian)
- Ballmer T., Brennenstuhl W. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. – Berlin : Springer, 1981. – 274 p.
- Bezmenova N.A., Gerasimov V.I. Nekotorye problemy teorii rechevyh aktov [On the problems of speech act theory]. *Yazykovaya deyatel'nost' v aspekte lingvisticheskoy pragmatiki: Sb. nauch.-analit. obzorov* [Linguistic activity in the aspect of linguistic Pragmatics: A collection of analytical reviews]. – Moscow : INION, 1985. – Pp. 146–196. (In Russian)
- Blommaert J. *Pragmatics and discourse. The Cambridge Handbook of Sociolinguistics*. Ed. by R. Mesthrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – Pp. 122–137.
- Dementyev V.V. *Rechezhanrovye kommunikativny'e cennosti v novyh i novejsih sferah russkoj rechi: monografiya* [Speech genre communicative values in new and newest spheres of the Russian speech: a monograph]. – Saratov : Saratov University Publishers, 2016. – 396 p. (In Russian)
- Diunov M.Yu. Ocenka zakonnosti otrencheniya Nikolaya II [An evaluation of Nikolay II abdication legitimacy]. *Vestnik Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i socz. nauki* [The Journal of The Northern (Arctic) federal university. Series: Humanities and Social Sciences]. – 2022. – Vol. 22. – N 2. – Pp. 16–27. (In Russian)
- Dmitrieva O.A. *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka: monografiya* [Linguistic and cultural personality types of the XIX century Russia and France: a monograph]. – Volgograd : Peremena, 2007. – 307 p. (In Russian)
- Donets P.N. K voprosu ob issledovatel'skoj edinice mezhkul'turnoj kommunikacii [On the problem of intercultural communication research unit]. *Voprosy yazykoznaniya* [Journal of Linguistics]. – 2004. – N 6. – Pp. 93–99. (In Russian)
- Gulyaeva E.V. *Lingvokul'turnyj tipazh "amerikanskij advokat": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A linguistic personality type "American Lawyer": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)] – Volgograd, 2009. – 24 p. (In Russian)
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. – London : Heinemann, – 1984. 465 p.
- Karasik V.I. *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: values, signs, motives]. – Moscow : Gnosis, 2019. – 424 p. (In Russian)

- Vorkachev S.G. *Voploshhenie smysla: conceptualia selecta: monografiya* [Implementation of meaning: conceptualia selecta: a monograph]. – Volgograd : Paradigm, 2014. – 331 p. (In Russian)
- Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. – Moscow : Russian Dictionaries, 1996. – 416 p. (In Russian)
- Yarmakhova E.A. *Lingvokul'turnyj tipazh "anglijskij chudak": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A linguistic and cultural personality type "English Excentric": a synopsis of Candidate dissertation (Philology)]. – Volgograd, 2005. – 22 p. (In Russian)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY

УДК 81-119

DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

Маслова Ж.Н.¹

ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

Аннотация. В статье осуществляется попытка применить инструментарий когнитивной поэтики и лингвокогнитивный анализ к изучению текстов классической поэзии. Автором рассматривается реализация одной из трех когнитивных стратегий в поэзии Н.С. Гумилёва и исследуется взаимосвязь между основами поэтического мира Гумилёва и когнитивной стратегией, в рамках которой складываются языковые особенности, фиксирующие в тексте основные параметры взаимодействия субъекта и мира.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; когнитивная стратегия; поэтический текст; Н.С. Гумилёв; онтологическая система; поэтическая картина мира.

Для цитирования: Маслова Ж.Н. Опыт лингвокогнитивного анализа поэзии Н. Гумилёва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 88–96. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

---

¹ © Маслова Ж.Н., 2023

Маслова Жанна Николаевна – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Русский и иностранные языки» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, e-mail: maslovajeanna@mail.ru

MASLOVA Zh.N.¹

**EXPERIENCE OF LINGUISTIC AND COGNITIVE ANALYSIS
OF N. GUMILEV'S POETRY**

Abstract. The article attempts to apply the tools of cognitive poetics and linguo-cognitive analysis to the study of texts of classical poetry. The author considers the implementation of one of three cognitive strategies in the poetry of N.S. Gumilyov and examines the relationship between the foundations of Gumilyov's poetic world and cognitive strategy, which develops linguistic features that fix the main parameters of the interaction between subject and world in the text.

Keywords: cognitive poetics; cognitive strategy; poetic text; N.S. Gumilyov; ontological system; the poetic picture of the world.

For citation: Maslova Zh. N. Experience of linguistic and cognitive analysis of N. Gumilev's poetry // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – N 2. – Pp. 88–96. – Moscow, 2023. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

Наследие классической литературы неисчерпаемо. Вместе с новыми смыслами, которые открываются поколениям современных читателей, появляется возможность изучения художественных и поэтических текстов с применением иных методов анализа. Развитие методологии когнитивной поэтики позволяет вписать исследования художественного и поэтического текста в актуальный научный контекст. Данная статья посвящена анализу поэзии Н. Гумилёва с помощью инструментария когнитивной поэтики, определенного при развитии положений теории поэтической картины мира [Маслова, 2017]. В рамках развития теории поэтической картины мира на основе выделения трех культурогенно значимых, т.е. способствующих появлению, развитию и распространению культуры, типов текстов [Карасик, 2009] было сформулировано положение о трех основных авторских позициях по отношению к миру [Маслова, 2014].

Отношения творческой личности и реальности, в которой она существует, можно представить в виде двух взаимодействующих

---

¹ Maslova Zhanna Nikolayevna – Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, e-mail: maslovajeanna@mail.ru

систем («Я» и «МИР»). Несмотря на разнообразие субъективных точек зрения, взаимодействие между двумя данными системами можно свести к трем стратегиям освоения мира, которые условно обозначены как «Жрец», «Ремесленник», «Фокусник». Данные когнитивные стратегии рассматриваются как «закрепленные в основных параметрах варианты конфигурации знания, обеспечивающие адекватную интерпретацию и трансляцию художественного опыта» [Маслова, Захарова, 2014, с. 61].

Каждая стратегия имеет ментально-языковой характер, т.е. определяет некую конфигурацию знания на ментальном уровне, которая репрезентируется в языке. Таким образом, в рамках конкретной стратегии формируются языковые особенности, определяющие основные параметры взаимодействия субъекта и той среды, в которой он существует. В когнитивных стратегиях закреплена определенная практика освоения мира, и данная триада авторских позиций не обусловлена национально-культурными уникальными чертами, что обуславливает возможность применения теоретических положений к разным национальным литературам.

Предварительный анализ поэтических произведений Н. Гумилёва показал, что в его поэзии преобладает стратегия «Жрец». Следует заметить, что изначально жрецы были создателями сакральных текстов, в которых они закрепляли представления об устройстве мира и иерархию ценностей. Как правило, тексты Жреца отражают наделение природных сил сверхъестественными и эталонными характеристиками, их одушевление, а также установление упорядоченности мира. Такое восприятие мироустройства отражается на выборе языковых средств, метафорике и структуре текста в целом. Например, *«И ты помнишь, как, только одно из морей, / Ты исполнило некогда Божий закон, / Разорвало могучие сплавы зыбей, / Чтob прошел Моисей и погиб Фараон»* («Красное море»), *«Капли в лужах плещутся размерней / И бормочут свой псалом, / Как монашенки в часы вечерни / Торопливым голосом»* («Дождь»), *«Есть Моисеи посреди дубов, / Марши между пальм...»* («Деревья»). В данном случае упорядоченность мироустройства закреплена в понятии «Божий закон», а источниками поэтической образности служат священные тексты.

В соответствии с реализуемой стратегией «Жрец» в восприятии поэта природа имеет сакральное космическое начало, которое

особенно проявляется в экзотических пейзажах. Если это русская природа, которая кажется скромной по отношению к далеким странам, то такая скромность напускная, маскирующая: *«Земля, к чему шутить со мною: / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездой, / Огнем пронизанной насквозь!»* («Природа»). Пейзажи Н. Гумилёва абстрактны, слабо связаны с хозяйственной деятельностью человека. В соответствии со стратегией «Жрец» пейзажи могут быть фантастичны, принадлежать ирреальному миру: *«Но каждую ночь так ясно мне снятся / Большие, ночные озера»* («Озера»). Природа – основа мира, мир природы первичен: *«Я знаю, что деревьям, а не нам / Дано величье совершенной жизни, / На ласковой земле, сестре звездам, / Мы – на чужбине, а они – в отчизне»* («Деревья»).

В поэзии Н. Гумилёва присутствуют элементы мифологического восприятия мира. Мифы как древнейшие сакральные тексты базируются на осознании величия мира природы. В данных текстах преобладает обращение к миру природы и космосу, осознание иерархичности мира, его могущества и первичности, закрепленное в соответствующей метафорике, абстрактной географии (мифологический Египет, третий Рим...) и т.п. Примерами сакрализованного видения географии могут служить следующие цитаты: *«На таинственном озере Чад / Посреди вековых баобабов»* («Озеро Чад»), *«Как серебряным звоном летел / Мерный клекот над Русью лесною»* («Змей»), *«Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели»* («Две розы»). Мифологическое время также отражает характер событий, находящихся вне истории: *«Ах, иначе в былые года / Колдовала земля с небесами, / Дива дивные зрелись тогда, / Чуда чудные деялись сами...»* («Змей»). В поэзии Н. Гумилёва наблюдается совмещение реального и филологического пластов: *«И гордые лебеди древних сказаний / На белые выйдут ступени»* («Озера»).

Для когнитивной стратегии «Жрец» характерна созерцательная позиция авторского «Я», его «нулевая», т.е. не представленная языковыми средствами, репрезентация. Если авторское «Я» в рамках данной стратегии выражено эксплицитно, то оно репрезентировано через личные местоимения, личные глагольные формы, не предполагающие активного воздействия на объекты.

Концепт «Я», который в когнитивной поэтике рассматривается как понятие, примерно соответствующее лирическому герою,

но не сводимое к нему, занимает организующее положение в системе пространственно-временных координат. Данный концепт является точкой, в которой совмещаются основные силовые векторы, направленные от «Я» («Я»-координаты), центра восприятия события, к участникам лирического события, и наоборот. «Я»-координата связывает в одно целое все элементы поэтического текста. В зависимости от направления воздействующих сил, а также их характера позиция авторского «Я» определяется как позиция созерцателя или деятеля. От особенностей репрезентации авторского «Я» зависит репрезентация других объектов. «Я»-координата вербализуется через «нулевую» репрезентацию, косвенными местоимениями и личными глагольными формами, личным местоимением первого лица единственного числа, личными местоимениями второго и третьего лица. На основании выбранной стратегии формируется языковая проекция авторского «Я» – *обозначенная, фрагментарная или имплицитная*.

Анализ текстов Н. Гумилёва показал, что преимущественно в его поэзии «Я»-координата эксплицитная и репрезентирует в стихах деятельную, активную позицию. Это подтверждается активным использованием личного местоимения «Я» и его падежных форм с разными глаголами («Ничего, ничего обо *мне!*», «Еще не раз вы вспомните *меня*»). Часто встречаются акциональные глаголы со значением физического действия («*Шел я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний гай*»), глаголы со значением ментальных процессов и состояний («*Я знаю женщину*»). Личное местоимение «Я» также участвует в установлении соответствий с другими объектами мира: «Да, я знаю, я *вам не пара*». Эту позицию нельзя назвать преобразовательной: «Да, я *понял. Символ жизни – не поэт, что творит слова, / И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг*» («Жизнь»). Это более созерцательная позиция по отношению к миру, на что указывает достаточно большое количество глаголов восприятия: «Но я, я *смотрел на луну*».

Так как взаимодействие онтологических систем «Я» и «МИР» предполагает событийность, а необходимыми элементами события являются место, время и участники ситуации, то в когнитивной основе поэтического текста выделяются силовые векторы, которые фиксируют взаимодействие сил, создающих иерархию

элементов поэтического текста. При реализации стратегии «Жрец» данные векторы направлены преимущественно от «Я», и силовое воздействие не связано с изменением качества объектов. В пространственно-временном плане текста преобладает статичность. Изучение силовых векторов требует отдельного и более детального анализа, но в поэзии Н. Гумилёва на этом уровне стратегия «Жрец» не реализуется в чистом виде, так как позиция «Я» зачастую активна, более того, иногда силовое воздействие связано с изменением качества объектов: «Я счастье разбил с торжеством святотатца», «И пальцы ломаю до боли».

Когнитивная стратегия «Жрец» коррелирует со взглядами Н. Гумилёва на поэзию, для которого поэзия – один из способов выражения личности. В теоретических высказываниях о природе поэтического творчества Н. Гумилёв прибегает к сакральным метафорам «В стиле Бог показывается из своего творения, поэт дает самого себя, но тайного, неизвестного ему самому, позволяет догадаться о цвете своих глаз, о форме своих рук» [Гумилёв, 1991, с. 162]. Поэт рассматривает все объекты мира как составляющие мировой гармонии, осознавая свою причастность к мировому ритму, принимая все его воздействия.

Хотя божественное устройство мира предполагает иерархию, поэт, не ограничивая мир физически данной реальностью, включает в круг поэтического осмысления абстрактные сущности, но уравнивает их: «что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы» [Гумилёв, 1991, с. 175]. Поэт отказывается от иерархичности поэтических тем, уравнивая мир реальный и потусторонний. Это несколько противоречит «жреческому» восприятию мира, однако такая позиция Н. Гумилёва не влечет за собой утилитарного понимания реальности. Более того, иерархичность становится одним из основных положений акмеизма: «Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят» [там же]. Одной из характерных черт поэзии Н. Гумилёва становится нацеленность на познание познаваемого и расширение поэтического словаря за счет внимания к объектам мира: «...для выражения своего настроения

он создает объективный мир зрительных образов, напряженных и ярких, он вводит в свои стихи повествовательный элемент и придает им характер полуэпический – балладную форму» [Жирмунский, 1977, с. 129].

Активная, но не преобразовательная («ремесленная») позиция поэта, зафиксированная в когнитивной стратегии «Жрец», репрезентирована текстами, где Н. Гумилёв пишет о Ближнем Востоке и Африке, опираясь на свои впечатления. Данные поэтические описания локализованы во времени и пространстве. В данном случае поэтом через творчество реализуется еще одна сакральная, «жреческая» функция: с помощью поэтического языка поэт перемещает малознакомые или незнакомые объекты и явления в известный читателю европейский и русский мир. Такой перенос осуществляется, в частности, через слова-«медиаторы» [Ревзина, 2016, с. 269]. Например, подобную роль выполняют слова *уха, ванна, котел* в стихотворении «Красное море»: *«Здравствуй, Красное море, акулья уха, Негритянская ванна, песчаный котел!»* («Красное море»).

Русская тема отличается преобладанием конкретной, употребительной лексики. В поэзии Н. Гумилёва отражен некий мифологизированный путь, вписанный в русскую историю и литературу. Это путь, известный по былинам, истории паломничеств, по некрасовской поэме [там же]: *«Выйдет такой в бездорожье, / Где разбежался ковыль, / Слушает крики Стрибожьи, / Чужая старинную быль... / Путь этот – светлы и мраки, / Посвист разбойный в полях, / Ссоры, кровавые драки / В страшных, как сны, кабаках»* («Мужик»). Это образ не пародийный, он также не воплощает человека труда: *«В гордую нашу столицу / Входит он – Боже, спаси! – / Обворожает царицу / Небозримой Руси»* («Мужик»). Мифологизированный пейзаж: *«В чащах, / в болотах огромных, / У оловянной реки, / В срубках мохнатых и темных / Странные есть мужики»* («Мужик»). Хотя здесь явно угадывался современниками образ Г. Распутина, тем не менее, этот образ мифологизирован и абстрактен.

Поэт далек от пародийного взгляда на мир, который свойствен другой когнитивной стратегии, он не высмеивает мироустройства, что также является показательным для репрезентируемой стратегии. Н. Гумилёв далек от идей преобразования мира

с помощью технического прогресса, он не воспекает утилитарную функцию вещей. Следует заметить, что тип когнитивной стратегии жестко не связан с историческими этапами и эпохами развития истории или производства / цивилизации. Уместнее говорить о преобладании одной из них в определенные промежутки времени или у определенных авторов. Когнитивные стратегии существуют в свернутом виде и не исчезают после того, как они отработаны. Выделенные типы авторской позиции и соотносимые с ними когнитивные стратегии не следует приравнивать к более конкретным понятиям – фигуре лирического героя и авторской точке зрения. В выявленных стратегиях закреплён лишь общий принцип взаимодействия между субъектом и миром как двумя живыми системами, однако этот принцип демонстрирует признаки стабильности и может быть выявлен путем анализа языковых репрезентаций. Таким образом, формируются своеобразные направляющие векторы, вокруг которых организуется концептуальное и языковое содержание. Внутри каждой стратегии складываются языковые особенности, фиксирующие в тексте основные параметры взаимодействия субъекта и мира.

Список литературы

- Гумилёв Н.С.* Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : ТЕРРА, 1991. – Т. 4. – 704 с.
- Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Ленинград : Наука, 1977. – 408 с.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
- Маслова Ж.Н.* Введение в когнитивную поэтику. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2014. – 251 с.
- Маслова Ж.Н., Захарова М.Г.* Когнитивные стратегии и их роль в структурировании художественного опыта // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов VI международной интернет-конференции, Саратов, 26–28 февраля 2014 года. – Саратов : ИЦ «Наука», 2014. – С. 60–65.
- Маслова Ж.Н.* Когнитивная концепция поэтической картины мира : монография. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2017. – 420 с.
- Ревзина О.Г.* Поэтика Н. Гумилёва // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 263–279.

References

- Gumilyev N.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 4 t. T. 4. – Moscow : TERRA, 1991. – 704 p.
- Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. – Leningrad : Nauka, 1977. – 408 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Yazykovye kljuchi* [Language keys]. – Moscow : Gnozis, 2009. – 406 p. (In Russian)
- Maslova Zh. N. *Vvedenie v kognitivnuju pojetiku* [Introduction to Cognitive Poetics]. – Tambov: Tambovskij gos. un-t im. G.R. Derzhavina, 2014. – 251 p. (In Russian)
- Maslova Zh. N., Zaharova M.G. Kognitivnye strategii i ih rol' v strukturovanii hudozhestvennogo opyta [Cognitive strategies and their role in structuring the artistic experience]. *Inostrannye jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy dokladov VI mezhdunarodnoj internet-konferencii, Saratov, 26–28 fevralja 2014 goda.* – Saratov : IC “Nauka”, 2014. – Pp. 60–65. (In Russian)
- Maslova Zh.N. *Kognitivnaja koncepcija pojeticheskoj kartiny mira: monografija* [Cognitive strategies and their role in structuring the artistic experience] 2-e izd., ster. – Moscow : Flinta, 2017. – 420 p. (In Russian)
- Revzina O.G. Pojetika N. Gumilyeva [Poetics of N. Gumilev]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. – 2016. – № 7. – Pp. 263–279. (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 81'42 : 316.472.41

DOI: 10.31249/ling/2023.02.06

Синельникова Л.Н.

**Рецензия на монографию:
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: КОМПЛЕКСНЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ / науч. ред. Н.Д. Голев;
отв. ред.: Е.В. Новгородова. – Кемерово, 2022. – Т. 3:
Лингвоконфликтологический аспект: монография. – 384 с.**

Аннотация. В коллективной монографии рассматривается комплекс проблем, связанных с сетевой коммуникацией. На большом эмпирическом материале проведен анализ ряда интернет-жанров и соответствующих их природе текстов, проявляющих свойства конфликтного дискурса. Описаны цифровые жанры, продуцирующие социальные конфликты: комментарий, троллинг, флейминг, кибербуллинг и другие. В многоуровневом междисциплинарном подходе к изучению проблем конфликтологии особое внимание уделено лингвистической экспертизе сетевых конфликтных текстов. Материалы монографии подтверждают, что конфликт в сетевом пространстве приобретает новые формы и правила институализации.

Ключевые слова: сетевой конфликт; лингвоконфликтология; конфликтно-генная среда; конфликтные стратегии и тактики; лингвистическая экспертиза.

Для цитирования: Синельникова Л.Н. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С 97–112. Рец. на мон.: Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / науч. ред. Н.Д. Голев ; отв. ред. Е.В. Новгородова. – Кемерово, 2022. Т. 3: Лингвоконфликтологический аспект: монография. – 384 с. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.06

SINEL'NIKOVA L.N.¹

Monograph review:

SOCIAL NETWORKS: A COMPLEX LINGUISTIC ANALYSIS.

Vol. III: The Linguoconflictological Aspect: monograph /

ed. N.D. Golev; editor-in-chief YE.V. Novgorodova. –

Kemerovo, 2022. – 384 p.

Abstract. The collective monograph deals with a series of problems related to network communication. Based on significant empirical data, it analyses a range of internet genres and suitably related texts, which demonstrate the features of the conflictogene discourse. It describes the digital genres which produce social conflicts: commentary, trolling, flaming, cyberbullying and others. In the multi-level interdisciplinary approach to the study of conflictology problems, special attention is given to the linguistic expertise of network conflict texts. The materials of the monograph confirm that network conflicts are taking new forms and rules of institutionalisation.

Keywords: network conflict; linguoconflictology; conflictogene environment; conflict strategies and tactics; linguistic expertise.

For citation: Sinel'nikova L.N. Monograph review: Social Networks: a Complex Linguistic Analysis. Vol. III: The Linguoconflictological Aspect: monograph // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6. Yazykoznanie [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. – 2023. – N 2. – Pp. 97–112. – Moscow, 2023. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.06

Коллективная монография как научный продукт

Коллективная монография² имеет три основных показателя: участие группы авторов (в названной монографии представлены работы 25 исследователей); проблемно-тематическая общность, ис-

---

¹Синельникова Лара Николаевна, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета, e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Sinel'nikova Lara Nikolayeva, Doctor of Philology, professor at the Department of Russian Linguistics and Communicative Technologies, Lugansk State Pedagogical University, e-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

²Очевидна нестрогость жанрового определения «коллективная монография»: авторы могут называть общий труд монографией, которая может состоять из статей (в том числе ранее опубликованных), разделов диссертаций. Монография выглядит более престижной, чем сборник статей, но при этом нарушается концепт жанра – представлять концептуальное единство.

ходно заданная формулировкой названия совместного труда (в нашем случае: объект исследования – социальные сети, предмет исследования – лингвоконфликтология, метод исследования – комплексный лингвистический анализ); методологически значимое введение, которое определяет концептуальную рамку монографии. Автор введения под названием «Лингвоконфликтология социальных сетей» – научный редактор монографии профессор Кемеровского государственного университета Н.Д. Голев. По условиям жанра монографии индивидуальная исследовательская мотивация должна тем или иным образом согласовываться с заданными во введении установками и векторами их реализации. Такая согласованность обеспечивает системный подход к рассматриваемой проблеме. Авторы монографии объединены общей научной идеей и соответствующими ей исследовательскими подходами, что не исключает, по мнению Н.Д. Голева, «неизбежности множественной интерпретации» [Социальные сети, 2021, с. 5]. Отметим, что рецензируемый третий том является тематическим продолжением двух томов, изданных Кемеровским университетом в 2021 г. [Социальные сети, 2021].

Из 25 участников коллективной монографии 11 исследователей представляют Кемеровский государственный университет. В топ-цитирование вошли труды представителей этого университета: Н.Д. Голева, Л.Г. Ким, Е.В. Новгородовой. Научное сообщество поддерживает свой статус через расширение сотрудничества. Приглашенные авторы представляют Тверской, Кубанский, Ярославский, Южноуральский, Южный федеральный, Алтайский, Челябинский, Сибирский, Башкирский университеты. Совместность такого рода позволила расширить спектр обсуждаемых проблем и показала новые возможности их решения.

Вернемся к содержанию введения, которое определило возможность объединения общего (разделяемого всеми участниками монографии) и отдельного (индивидуального взгляда на проблему). Конфликтность, по мнению Н.Д. Голева, «лежит в самой природе естественного языка, сотканного из противоречий» [Социальные сети, 2021, с. 5]. Диалектика противопоставления организует антиномии языка и речи, синхронии и диахронии, плана содержания и плана выражения, социального и индивидуального в общении, условного (немотивированное) и отражательного (мотивиро-

ванное) – все это действительно «важные стимулы для развития природного языка» [Социальные сети, 2021, с. 5] и, главное, для развития речевых жанров и дискурсивных практик. В перечень философов и лингвистов, которых интересовала проблема антиномий, на наш взгляд, важно включить имя М.В. Панова, который назвал такие антиномии: антиномия говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака (перманентный конфликт между означающим и означаемым), кода и текста, регулярности и экспрессивности [Русский язык и советское общество, 1968]. Названные М.В. Пановым антиномии реализуются в процессе речевого общения, в том числе общения в социальных сетях как новой форме коммуникации, имеющей свой формат противоречий.

Конфликт антропологичен по определению, и проявления конфликта относятся к сфере речи и к сфере дискурса. В монографии представлены сценарии разворачивания коммуникации по конфликтному сценарию с обязательным учетом особенностей социальной виртуальности Интернета: диалогичности, интерактивности, нелинейности, незавершенности, преобразования индивидуального адресата в массового, неразличения публичного и личного общения в условиях анонимности и отсутствия прямого контакта, ослабления этических и речевых норм. В каждой из пяти глав монографии эти признаки называются и комментируются (есть и прямые повторы свойств сетевого общения, что естественно для сборника статей, но нежелательно для монографии), и интерпретация материала согласуется с актуализированным в названии глав аспектом рассмотрения и личными научными предпочтениями авторов. Если распределенные по разделам списки литературы были бы объединены в один общий (что органично для жанра «коллективная монография»), то можно было бы избежать отсылочных повторов и получить целостную объемную информацию по проблемам конфликтологии в научном офлайн и онлайн пространстве. Конфликт, возникающий в реальной жизни, перетекает в виртуальную и наоборот – виртуальные конфликты по закону бумеранга могут переселяться в реальные отношения людей. Будущие исследовательские действия в области конфликтологии, по всей видимости, будут касаться «конфликтных» отношений между этими двумя коммуникативно-когнитивными средами.

Поглавная организация текста монографии как свидетельство концептуального взаимодействия коллектива авторов

Глава 1.

Общие вопросы лингвоконфликтологии социальных сетей

Раздел 1.1. «Диалектика конфликта в социальной сети» написан Г.С. Иваненко, среди множества работ которого по конфликтологии обратим внимание на учебное пособие «Лингвистическая экспертиза текста в процессах об экстремизме» [Иваненко, 2020]. В основе диалектики конфликта, как сетевого, так и несетевого, лежит несовпадение интересов, но типологическая матрица конфликтов может строиться на основании разных критериев. Автор раздела обосновывает значимость критерия естественности и организованности. Участники естественных конфликтов не ставят определенных целей иллокутивного и перлокутивного характера, в то время как действующие лица организованных конфликтов имеют конкретную практическую цель и стратегии ее достижения. Деление конфликтов на искусственные и естественные, осознаваемые и неосознаваемые, на наш взгляд, имеет условный характер: в процессе любого рода конфликта активизируется зона эмоций, растет психологическое напряжение и, соответственно, усиливается иррациональное начало. Впрочем, автор раздела резонно замечает, что подтверждение названных различий требует дополнительных научных исследований.

Раздел 1.2. «Интернет-среда как триггер реализации конфликтного потенциала речевых единиц» подготовлен Л.Г. Ким. При рассмотрении этапов триггерного движения конфликта проявлена широта научных интересов автора раздела по описанию динамических процессов в языке и вариативно-интерпретационного функционирования текстов. Конфликтотенный потенциал попавшего в интернет-пространство высказывания проявляется в противоречии между замыслом автора и интерпретацией сказанного адресатом. Триггерная система конфликта в виртуальной среде формируется в условиях тиражирования исходного текста, цитирования вне контекста, многократного комментирования, в котором актуализируются определенные диктумные и модусные компоненты

интерпретируемого текста. Фраза «в своем» контексте – фраза вне контекста – фраза «в чужом» контексте – такого рода движение рассмотрено на материале резонансных высказываний политиков: *Денег нет, но вы держитесь; Макарошки везде стоят одинаково; Государство не просило вас рожать; Помойте пол в больнице и повесьте занавески; Помогать пенсионерам немножко поздно; Это не цены высокие, а вы мало зарабатываете; Надо задуматься о собственном здоровье и поменьше питаться.* В интернет-комментариях происходит конфликтогенное наращивание негативно-оценочных характеристик, которые могут быть значимы для описания лингвокультурного типажа «чиновник» в традициях русской культуры и отношения к представителям власти. Очевиден вывод: интернет-среда способствует формированию триггерной системы в разных ее проявлениях¹.

Раздел 1.3. «Особенности коммуникативных конфликтов среди пользователей паблика “My Life is MMM” социальной сети vk.com»². Комментарии, посвященные смешанным единоборствам, по мнению автора раздела В.С. Нарчука, позволяют выявить когнитивную природу коммуникативной толерантности / интолерантности и обозначить факты токсичного коммуникативного поведения. В работе использовался экспериментальный метод, по результатам которого были получены вторичные (интерпретирующие) высказывания как материал для обобщения результатов интерпретационной деятельности адресатов. Автор приходит к выводу, что среда социальных сетей, посвященных смешанным единоборствам, является по преимуществу конфликтогенной.

Раздел 1.4. «Анализ дискурса протеста до и после блогерства» подготовил профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского госуниверситета А.Б. Бушев. Формула

---

¹ Каждое значимое для жизни общества событие организуется комплексом триггеров, количество которых, их конфигурация и взаимодействие в разных видах коммуникации определяют сущностные свойства события, его историографию и потенциал развития. Триггер «запускает» общественную реакцию на некий новостной сюжет, на вызвавшее интерес слово «текущего момента», не-тривиальный образ, новую номинацию или окказиональное словообразование и др. [Триггеры резонансности, 2022].

² MMM – канал о смешанных единоборствах; vk.com – социальная сеть ВКонтакте.

«до и после блогерства» концептуально значима. Автор раздела делает важные обобщения, касающиеся существования в бесцензурном обществе: самиздат стал легальным и приобрел черты творческого самовыражения в авторских интернет-текстах, которые быстро создаются и доступны для всех. Предлагается понимание протеста в словесности как процесса создания неподцензурного произведения в системе «фольклор – самиздат – блогерство». А.Б. Бушев обращает внимание на то, что сегодняшний протест проявляется в словесности иначе, чем прежде: фольклор, неподцензурность получили новую среду – Интернет, и блогерство приобрело статус влиятельной неподцензурной коммуникации, в которой снято противопоставление автора и читателя. Блогерская среда меняет функции современного журналиста и требует особой фактуры речи¹.

Глава 2.

Коммуникативные аспекты конфликтности в социальных сетях

Раздел 2.1. «Конфликтные стратегии и тактики в социальных сетях» подготовлен Г.Н. Трофимовой. Конфликтные стратегии реализуются в речевых тактиках оскорбления, умаления достоинства, обвинения, насмешки, осуждения, порицания и других. Имплиcitную конфликтогенность автор связывает с тактиками речевой манипуляции, намеренного небрежного обращения со словом и речевыми нормами, разжиганием языка вражды. Конфликтное поле расширяют репосты и ретвиты как виды повторных публикаций. Обратим внимание на то, что авторы ряда разделов ссылаются на монографию Г.Н. Трофимовой «Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты» [Трофимова, 2009].

Раздел 2.2. «Речевые средства реализации конфликтных интенций (на материале социальной сети Facebook)» подготовлен Л.А. Месеняшиной. В разделе продолжается анализ конфликтных

---

¹ Новый вид конфликта фиксируется в антиномии: виртуальные блогеры и интернет-мемы (См.: <https://www.forbes.ru/biznes/388333-konec-ery-blogerov-krupnye-brendy-uzhe-zamenili-ih-na-memy-pri-obshchenii-s-pokoleniem>)

тактик, выражающих стратегию дискредитации в виде прямого и косвенного оскорбления, навешивания ярлыков, развенчания притязаний, обобщения, приведения примера, усиления, сдвига, контраста, обвинения и издевки, угрозы, изгнания, злопожелания. Речевые конфликтогены рассматриваются на лексическом, грамматическом, словообразовательном и орфографическом уровнях.

Раздел 2.3. «Речевые средства реализации конфликтных интенций в сетевом медиадискурсе: политкорректный дискурс The guardian» подготовлен В.Н. Карпухиной. Понятие «триггер» как точки зарождения конфликта автор применяет к анализу ситуации политкорректного / неполиткорректного использования языка. Приводятся примеры развития триггерной ситуации через манипулирование аудиторией с помощью эвфемизмов, перифраз и ряда грамматических форм современного английского языка. В некоторых случаях потенциально конфликтогенные триггеры включаются в языковую игру с читателем. К слову, В.Н. Карпухина в недавно опубликованной статье «“Новая система” знаков препинания в ситуациях texting / messaging: финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор» [Карпухина, 2021] ввела в число конфликтогенов пунктуационную вариативность: отсутствие финального пунктуационного знака в тексте сообщения (в частности, точки), по данным социологического опроса, трактуется как настроенность на «позитивную коммуникацию» и желание продолжать беседу; наличие финального знака интерпретируется как речевая агрессия и желание оказать давление на собеседника. Зона конфликтности дополняется новыми формами проявления.

Раздел 2.4. «Типы коммуникативных конфликтов и средства их языковой реализации в жанре интернет-дневника» подготовлен Т.Г. Рабенко. На множестве примеров показано, что языковая личность в интернет-дневнике проявляет себя особым образом, но вполне согласованным со спецификой коммуникации в сетевом пространстве, разрешающем полиадресность («публичная интимность», по М.А. Кронгаузу). Конфликты в дневниковых записях могут быть связаны с событиями как внешнего, так и внутреннего мира. Реконструкция «дневниковой» языковой личности происходит на основе рефлексивной части дневникового повествования, в которой могут описываться разногласия между людьми, столкновение мотивов, целей, интересов. В условиях открытости интер-

нет-общения важна роль читательских комментариев к дневниковым записям, особенно в тех случаях, когда читатель не соглашается с позицией автора дневника и использует резервы оценочной лексики. Конфликт приобретает дополнительные качества в движении от исходного (зафиксированного в дневниковой записи) к производному (актуализированному в комментариях читателей). Содержание раздела подтверждает выводы, к которым автор приходил, рассматривая в ряде своих статей «дневниковую» языковую личность: условия виртуальной коммуникации порождают жанровые варианты, которые адаптируются к новой коммуникативной среде, сохраняя ряд инвариантных признаков дневникового повествования и обретая новые признаки.

Глава 3.

Конфликтные речевые стратегии и тактики, дискурсы и речевые жанры в социальных сетях

Раздел 3.1. «Оскорбление и оскорбляемость в ситуации письменного сетевого общения» принадлежит В.И. Жельвису, который продолжает свою миссионерскую деятельность по осмыслению сквернословия как культурной и социальной проблемы. В этом разделе – через установление различий между оскорблением (наличие внутренне присущего слову или поступку объективного свойства, вызывающего у большинства людей чувство культурного шока, отвращения или негодования) и оскорбляемостью (субъективная реакция оппонента на оскорбление в его адрес, включающая ощущение обиды или оскорбленности). Делается когнитивно значимый вывод: объективная оскорбительность совсем необязательно вызывает субъективную оскорбляемость. Прогноз неутешителен: поле возможностей для оскорбляемости может разрастись до невероятных размеров.

Раздел 3.2. «Кибербуллинг: природа и сценарии коммуникативных действий» написан Е.Е. Хазимуллиной. Антиценностные характеристики кибербуллинга представлены в оценочных номинациях: «электронная травля», «онлайн-травля», «виртуальное преследование», «словесная коррида», «виртуальное быкование», «социальная жестокость онлайн», «киберхулиганство», «киберзапугивание», «кибертеррор». Автор справедливо замечает, что

популярность кибербуллинга обусловлена легкостью его применения, отсутствием законодательной базы и видимой безнаказанностью. Спонтанный кибербуллинг, организованный по определенному сценарию, прямой (адресован непосредственно жертве) или косвенный (с вовлеченностью в процесс травли других людей) – все это способы устрашения, унижения, издевательства. Лексикографы могут почерпнуть полезные сведения, касающиеся значения слов-понятий, входящих в семантическое пространство кибербуллинга: флейминг, холивар, троллинг, эльфинг, флудинг, харасмент и ряд других. Девиантный и деструктивный характер носят также средства языка, используемые в сценариях кибербуллинга: различные классы инвективной лексики и фразеологии, обценной, грубо-просторечной и жаргонной лексики, зоосемантические метафоры, этнофолизмы и множество других средств, которые выполняют функции оскорбления, унижения, шельмования, давления, провокации, запугивания, разжигания и усугубления конфликта в жестких условиях атакующего речевого поведения. Интернет создает благоприятные условия для продуцирования кибербуллинга через гиперссылки, репосты, через размещения на разных виртуальных площадках.

Раздел 3.3. «Приемы искажения имен собственных в интернет-комментариях к политическим новостям» подготовлен И.П. Фаломкиной. Особые условия общения в Сети позволяют пользователям проявлять креативность и включаться в языковую игру. Представлена классификация способов искажения имен собственных в интернет-комментариях к политическим новостям: словообразовательные модификации, игра с аббревиатурами, фонетическая деформация слов, игровое отступление от правил орфографии, трансформация графического облика слов и др. Нередко в ономастической языковой игре используется комплекс приемов. Ономастическая лингвокреативность, таким образом, активно обозначила себя в пространстве конфликтного дискурса.

Глава 4.

Социолингвистические и лингвоперсоналогические аспекты конфликтности в социальных сетях

Раздел 4.1. «Маскулинистский дискурс и мизогинные речевые практики в русскоязычных социальных медиа» написан С.В. Ильясовой, автором многочисленных работ по языку и стилю современных российских СМИ. Феномен мизогинии традиционно связывается с мужским речевым поведением. Сетевая структура маскулинистского дискурса специфична по факту возможности быть стабильно функционирующей: при блокировке одного ресурса комьюнити могут через гиперссылку переходить на другой и продолжать свою медийную деятельность. Иначе говоря, оскорбительные тексты могут оказаться скрытыми от посторонних глаз за счет нелинейной организации конкретного коммуникативного субпространства. В целом жаргонарий маскулинистского дискурса, по мнению автора раздела, имеет блок устойчивых негативных оценок (лингвоцинизмов), касающихся образа женщины. Показательно, что в этом типе дискурса огромную роль играет когнитивная (концептуальная) метафора, присутствующая в разнородных текстах.

Раздел 4.2. «Конфликтный потенциал в социальных сетях (на примере Twitter и вопросов прав женщин в современных странах)» написан А.А. Гнедаш. Представленный материал интересен использованием методов Data Science – анализа и обработки материала с помощью математического моделирования, реляционной социологии, корпусной лингвистики и лингводискурсивного анализа, позволяющих работать с неструктурированными сетевыми данными, выгружаемыми с платформ социальных сетей. Эмпирической базой исследования послужила сплошная выборка сообщений из социальной сети Twitter по ключевому слову *women*. Анализируемый дискурс посвящен дискуссиям и конфликтогенной оценке общественного мнения в отношении событий и ситуации в Афганистане, но предлагаемые методики анализа могут быть значимыми и в других социальных локусах.

Раздел 4.3. «Конфликт имиджа территории и имиджа компании в неинституциональном дискурсе (кейс-стади имиджевых рисков компании “Газпром”)» подготовлен В.А. Каменевой. На материале 1 377 интернет-комментариев был выделен и подтвержден

многочисленными примерами ряд тактик, реализующих стратегию дискредитации имиджа: грубое требование, непрошенный совет, оскорбление, негативное прогнозирование, обвинение, порицание, упрек, колкость, призыв к насилию. Каждую тактику автор идентифицирует через набор характерных для нее лексических, грамматических, риторических средств.

Глава 5.

Лингвоэкспертные аспекты конфликтности в социальных сетях

Раздел 5.1. «Социальные сети как источник поведения экстремистского речевого поведения» написан К.С. Дикуновой и посвящен проблемам правовой ответственности по отношению к контенту деструктивной направленности. В разделе представлена типология интернет-комментариев, приведены примеры использования языковых средств разных уровней для выражения экстремистского содержания. Правда, квалификация языковых единиц не всегда точна. Например, вряд ли к фонетическому уровню можно отнести графические средства (знаки препинания, выделение цветом и курсивом, крупный шрифт и т.п.); словосочетание *устроить бойню* не является жаргонизмом. Автор раздела обращает внимание на креолизированные тексты экстремистской направленности (интернет-мемы; посты, содержащие визуальные образы; картинки, фотографии и т.д.). Представленный в разделе эмпирический материал добавляет представление о языке вражды как противовесе языку согласия. Если в основу речевых практиках дискурса социальной гармонии положены такие базовые концепты, как уважение, любовь, забота, терпимость, внимание, безопасность, надежность, добро, сочувствие, сострадание, дружба, понимание, эмпатия, ответственность, справедливость, равенство, благо, верность, направленные на снижение социальной напряженности в обществе [Раренко, 2022], то в экстремистских текстах доминирует неприязненное отношение к тем или иным группам людей и применяются провоцирующие конфликт языковые средства и приемы.

Раздел 5.2. «Сходство аккаунтов в социальных сетях: лингвоперсонологический аспект рассмотрения» представлен в авторстве Я.А. Дударевой. Анализируются фейковые аккаунты, в которых

используются персональные данные другого лица для введения в заблуждение, обмана или провокации. Аккаунт в социальной сети является гипертекстом, и это обстоятельство объясняет возможность смешения сходных по наименованию аккаунтов. И только на лингвоперсонологическом уровне можно найти вербальные маркеры, свидетельствующие о том, что аккаунт не настоящий. При этом фейковая языковая личность маскируется под реальную языковую личность, и это фиксируется на трех уровнях (по Ю.Н. Караулову): вербально-семантическом, тезаурусном и мотивационном. Вполне уместно использование автором раздела понятия «аллотекст». Это текст, который открыт для множественных интерпретаций, для смены толкований; текст, который может порождаться и принимать самые разные облики (открытое произведение, по У. Эко). Рассмотрение аллотекста в лингвоперсонологическом аспекте предполагает выявление актуализированных текстовых признаков, разного рода коннотаций знака в тексте. Обозначена прикладная значимость работы по выявлению фейковых аккаунтов, значимость выявления лингвоперсонологического сходства для экспертизы спорных текстов. Технологии имитации неисчислимы, и отделить креативное решение от мошеннического непросто. Степень достоверности может обеспечиваться большим массивом лингвоперсонологических данных и заданными параметрами не столько языковой, сколько дискурсивной личности. В этом случае целесообразно применение возможностей искусственного интеллекта.

Раздел 5.3. «Судебно-лингвистический аспект конфликтной онлайн-коммуникации (на примере дискуссии в фейсбуке о мероприятии, посвященном памяти жертв Холокоста в Калининградской области)» подготовлен А.О. Маньковой. Судебно-лингвистическая экспертиза онлайн-дискуссии требует внимания к деталям, этим объясняется большой объем раздела, соотносимый с разделом диссертации (в списке литературы к разделу 361 позиция).

Афористические высказывания авторов монографии (научная афористика в персоналиях)

Большой объем монографии и разноплановая тематика не позволили рецензенту провести дополнительное ранговое кластирование материала по применяемым методам, жанрам, стилю, полноте освещения проблемы и т.д. Этим объясняется выбор традиционного для академической рецензии краткого поглавного представления информации, дополненного сдержанным экспертным комментарием. Но в процессе знакомства с монографией фиксировались концептуально значимые высказывания, типизирующие положение дел в конфликтогенной среде социальных сетей. Вот часть собранного нами материала:

Н.Д. Голев: «Кемеровские лингвисты отстаивают позицию, согласно которой вариативность трактовок одних и тех же событий и фактов и даже их конфликт не являются недостатком или пороком коммуникации, а напротив, естественным механизмом понимания, образующего суть интерпретации» [Социальные сети, 2022, с. 8].

А.Б. Бушев: «Альтернативный дискурс и дискурс контркультуры и миноритарной культуры имеют современный субстрат в виде блогерства» [Социальные сети, 2022, с. 73].

Л.Г. Ким: «Интернет-среда является триггером, детерминирующим реализацию конфликтогенного потенциала речевых единиц» [Социальные сети, 2022, с. 35].

Г.Н. Трофимова: «В интернет-коммуникации происходит смещение векторов “адресат – адресант”, поэтому коммуникативные стратегии и тактики приобретают характер универсальности при одновременном усилении модальности убеждения или принуждения» [Социальные сети, 2022, с. 75].

В.И. Жельвис: «А поскольку, как известно, всякое действие вызывает противодействие и перечислить все возможные случаи сквернословия принципиально невозможно, эта борьба (борьба со сквернословием. – Л.С.) напоминает бесконечную борьбу изобретателей танковой брони с бронебойными снарядами» [Социальные сети, 2022, с. 148].

С.В. Ильясова: «Сеть гиперссылок напоминает земляничное поле: выявление одного узла неизменно влечет за собой обнару-

жение нескольких других, и так может продолжаться до бесконечности» [Социальные сети, 2022, с. 217].

Список литературы

- Иваненко Г.С.* Лингвистическая экспертиза текста в процессах об экстремизме : учеб. пособие. – Москва : ФЛИНТА, 2020. – 80 с.
- Карпухина В.Н.* «Новая система» знаков препинания в ситуациях texting/messaging: финальный пунктуационный знак высказывания как эмоциогенный фактор // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2021. – № 2(46). – С. 9–19.
- Раренко М.Б.* Языковая структура дискурса социальной гармонии: аналитический обзор / РАН, ИНИОН, Центр гуманит. науч.-информ. исслед., отд. языкознания. – Москва, 2022. – 64 с.
- Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / Р.В. Бахтурина, М.Я. Гловинская, Е.А. Земская [и др.]. – Москва : Наука, 1968. – 185 с.
- Синельникова Л.Н., Селезнева Л.В.* Триггеры резонансности и формирование пандемического коронавирусного дискурса // Критика и семиотика. – 2022. – № 2. – С. 91–113.
- Социальные сети: комплексный лингвистический анализ : коллективная монография : в 2 т. / под науч. ред. Н.Д. Голева ; отв. ред. Л.Г. Ким. – Кемерово, 2021. – Т. 1. – 430 с. ; Т. 2. – 300 с.
- Социальные сети: комплексный лингвистический анализ : монография / науч. ред. Н.Д. Голев ; отв. ред. Е.В. Новгородова. – Кемерово, 2022. – Т. 3 : Лингво-конфликтологический аспект. – 384 с.
- Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты : монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РУДН, 2009. – 436 с.

References

- Ivanenko G. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta v processah ob ekstremizme: ucheb. posobie* [Linguistic expertise of the text in the processes of extremism: textbook] – Moscow : FLINTA, 2020. 80 p. (In Russian)
- Karpuhina V. «Novaya sistema» znakov prepinaniya v situacijah texting / messaging: final'nyj punktuacionnyj znak vyskazyvaniya kak emociogennyj faktor [“The new system” of punctuation marks in texting / messaging: the final punctuation mark of an utterance as an emotion generating factor]. *Human: Image and essence. Humanitarian aspects.* – № 2(46). – 2021. – Pp. 9–19. (In Russian)
- Rarenko M.B. *Jazykovaya struktura social'noj garmonii: analiticheskij obzor* [The linguistic structure of the social harmony discourse: analytical overview / RAN INION. Centre for humanitarian, scientific and informational research, Linguistics department]. – Moscow, 2022. – 64 p. (In Russian)

- Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo (sociologo-lingvisticheskoe issledovanie)* [Russian language and Soviet society (sociolinguistic research. Vocabulary of modern Russian)]. – Moscow : Science, 1968. – Pp. 23–37. (In Russian)
- Sinel'nikova L.N., Seleznyeva L.V. Triggery rezonansnosti i formirovanie pandemicheskogo koronavirusnogo diskursa [Resonance Triggers and the Formation of Pandemic Coronavirus Discourse]. *Critique and Semiotics*, 2022, No. 2, pp. 91–113. (In Russian)
- Social'nye seti: kompleksnyj lingvisticheskij analiz: kollektivnaya monografiya* [Social networks: a complex linguistic analysis: collective monograph: in 2 volumes / ed. N.D. Golev, editor-in-chief L.G. Kim]. – Kemerovo, 2021. – Vol. 1. – 430 p. – Vol. 2. – 300 p. (In Russian)
- Social'nye seti: kompleksnyj lingvisticheskij analiz: kollektivnaya monografiya* [Social networks: a complex linguistic analysis: collective monograph]. – Kemerovo, 2022. – Vol. III. – 384 p. (In Russian)
- Trofimova G.N. *Yazykovoj vkus internet-epohi v Rossii. Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internetе: konceptual'no-sushhnostnye dominanty*. [Linguistic taste of the internet era in Russia. The functioning of the Russian language in the Internet: conceptual-essential leitmotifs: Monograph]. – 2 nd edition. – Moscow : RUDN, 2009. – 436 p. (In Russian)

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

SCIENTIFIC EVENTS

УДК 81'22

DOI: 10.31249/ling/2023.02.07

Опарина Е.О., Раренко М.Б.¹

**Международная научно-практическая конференция
«ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТАКТОВ И КОНФЛИКТОВ:
ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ»
(27–28 октября 2022 г.; Москва; МГОУ, ИНИОН РАН)
[сообщение о научном событии]**

Аннотация. Освещаются доклады, сделанные в рамках Международной научно-практической конференции «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (27–28 октября 2022 г.). Конференция была подготовлена лингвистическим факультетом МГОУ совместно с отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). В работе конференции приняли участие исследователи из разных вузов России и ближайшего зарубежья. В фокусе внимания исследователей оказались актуальные проблемы современного языкознания. Конференция проходила в смешанном режиме.

Ключевые слова: глобализация; язык как инструмент; языковые контакты; языковые конфликты; преподавание; дистанционное образование; российские вузы.

Для цитирования: Опарина Е.О., Раренко М.Б. Международная научно-практическая конференция «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (27–28 октября 2022 г.; Москва; МГОУ, ИНИОН РАН) [сообщение

---

¹ Опарина Елена Олеговна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН, e-mail: ellenoparina@gmail.com;

Раренко Мария Борисовна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН, e-mail: rarenco@rambler.ru

о научном событии] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С.113–137 – DOI: 10.31249/ling/2023.02.07

OPARINA E.O., RARENKO M.B.¹

**International scientific and practical conference
“LANGUAGE AS AN INSTRUMENT OF CONTACTS AND CONFLICTS:
CAUSES AND CONSEQUENCES” (October 27–28, 2022; Moscow;
Moscow State Regional University, INION RAN)
[Report on scientific event]**

Abstract. The reports made at the International Scientific and Practical Conference “Language as an instrument of contacts and conflicts: causes and consequences” (October 27–28, 2022) are highlighted. The conference was prepared by the Faculty of Linguistics of Moscow State Regional University together with the Department of Linguistics of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). The conference was attended by researchers from various universities in Russia and the near abroad. The researchers focused on the actual problems of modern linguistics. The conference was held in a mixed mode.

Keywords: Russian as a foreign language; language contacts; teaching; distance education; Russian universities.

For citation: Oparina E.O., Rarenko M.B. International Scientific and Practical Conference “Language as an instrument of contacts and conflicts: causes and consequences” (October 27–28, 2022; Moscow; Moscow State Regional University, INION RAN) [Report on scientific event] // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – N 2. – Pp. 113–137. – Moscow, 2022. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.07

27–28 октября 2022 г. в Московском государственном областном университете (МГОУ) состоялась подготовленная лингвистическим факультетом МГОУ совместно с отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам

---

¹ *Oparina Elena Olegovna* – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics of at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: ellenoparina@gmail.com;

Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: rarenco@rambler.ru

Российской академии наук (ИНИОН РАН) международная научно-практическая конференция «Язык как инструмент контактов и конфликтов». В работе конференции приняли участие исследователи из разных вузов России и ближайшего зарубежья. В фокусе внимания исследователей оказались актуальные проблемы современного языкознания. Конференция проходила в смешанном режиме.

После краткого приветственного слова представителей администрации МГОУ в рамках пленарного заседания были заслушаны шесть докладов. В докладе архим. Глеба (Кожевникова) (Московская духовная академия) и С.Н. Вековищевой (МГОУ) «Образная эвфемия как способ избегания конфликтных ситуаций» особое внимание было уделено проблеме избегания конфликтов.

Э.Б. Яковлева (МГТУ им. Н.Э. Баумана; ИНИОН РАН) в докладе «Идеи глобализма Александра Македонского и древнегреческий язык как *lingua franca* эпохи эллинизма» подчеркнула, что интеграция во всех сферах человеческой жизни присутствовала во все времена истории человечества, а обозначаемые сегодня терминами «глобализация», «новая идентичность», «языковые контакты» и др. процессы имели место еще в глубокой древности. Личность Александра Македонского является наглядным примером стремления объединить Запад и Восток, смешав народы и культуры, религии, искусства и уклад жизни. Создавая гибридные идеалы, Александр Македонский намеревался направить человечество по совершенно новому пути, однако после его смерти оказалось, что столь многообещающий проект немислим в реальности. Александр Македонский, отметила Э.Б. Яковлева, верил в превосходство греческой цивилизации, считал, что эллинизм послужит культурной спайкой между народами, что на завоеванных землях местное население будет говорить по-гречески, а греко-македонские воины будут с уважением относиться к местным культурам, поэтому на завоеванных территориях был введен греческий язык. После смерти Александра его бывшие соратники продолжили проводимую им политику эллинизации огромной империи. В заключение Э.Б. Яковлева отметила, что Александр Македонский создал прообраз единой эллинистической цивилизации, подражать которой будет в первую очередь Древний Рим как наследник древнегреческой античной культуры.

В докладе «Параметры системного анализа институционального дискурса различных этнокультур дискурса» Н.В. Зененко (Военный университет Министерства обороны РФ) объектом внимания стал вид институционального дискурса (массово-информационный испаноязычный и русскоязычный), в котором адресант выступает представителем определенной социальной этнической группы. По мнению докладчика, в настоящее время возникла необходимость формирования понятийно-категориального аппарата для более глубокого исследования и лингвистического описания любого вида институционального дискурса.

И.Н. Филиппова (МГОУ) в докладе «Апроприация как стратегия интерсемиотического “перевода”» сопоставила мономодальный вербальный текст оригинала поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и полимодальный аудио-видео-вербальный текст («Руслан и Людмила: перезагрузка» 2018 г.), подчеркнув, что искажение и отчуждение стали «главными стратегиями “экранизации по мотивам”»: «Трансформации, выполненные продуцентами анимационного фильма, могут быть оценены только как деформации (с точки зрения терминологии лингвопереводоведения) и раскрывают принципиальную невозможность идентификации такого продукта апроприации как результата интерсемиотического “перевода”, являясь опытом иной формы лингвокультурного посредничества». По мнению докладчика, девальвации автора и деформация оригинала позволяют формулировать тезис о недопустимости апроприации в интерсемиотическом переводе как разрушении инварианта и лингвокультурной идентификации, нарушении аутентичности и этики перевода.

Обращаясь к проблемам современного образования, М.А. Марусенко (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Система образования и человеческий капитал в переходных экономиках» отмечает, что несмотря на то, что «темпы и глубина глобализационных процессов в каждой стране разные, существуют общие закономерности, которые должны учитываться при анализе развития каждой конкретной страны». К таким общим закономерностям докладчик относит общий тренд развития систем образования, для объяснения которого используется теория человеческого капитала. М.А. Марусенко отмечает, что даже в развитых современных обществах семейная передача культуры

сохраняет важнейшую роль, хотя иллюзия школьной меритократии, родившаяся в «золотой век» буржуазной школы (во Франции конец XIX – первая половина XX вв.), сохраняется. Следствием является то, что в ситуации интернационализации высшего образования социально-пространственная сегрегация еще более усиливается. В странах с переходной экономикой академическая мобильность является частью более общей тенденции: часто школьные достижения обеспечиваются за счет дорогостоящих видов внешкольной деятельности. В заключение докладчик делает вывод о том, что, учитывая связь между распределением доходов, бюджетными ограничениями и инвестициями в человеческий капитал, неравенство в долгосрочной перспективе будет иметь негативное воздействие.

И.О. Мазирка (МГОУ) в докладе «Роль искусственного билингвизма в свете решения проблем межкультурной коммуникации в современной политической ситуации российского общества» рассматривает неоднозначность проблем, связанных с процессом активного развития искусственного билингвизма в российском обществе, акцентируя при этом особое внимание на важной роли распространения этого культурно-социального и лингвистического феномена среди российской молодежи. В докладе также ставится вопрос о необходимости осуществления государством надзора за распространением данного явления.

В докладах и тезисах, представленных в секции 1 – «Язык, миграционные процессы и новая идентичность» (модератор Е.О. Опарина, ст. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН), исследовались вопросы, связанные с ролью языка в условиях интенсивного межкультурного общения, сложившихся в результате глобализационных и миграционных процессов.

В.В. Круглов (Институт иностранных языков МГПУ; МГИМО МИД) в докладе «Причины коммуникативных неудач в лингвокультурологическом и межкультурном измерениях (на примере китайского языка)» рассматривает специфику китайской языковой картины мира, считая ее важнейшей чертой идею постепенного развития усилиями разных поколений. Подчеркивается, что в языковом сознании носителей китайского языка время воспринимается через призму смены поколений и их преемственности. Такой подход имеет большое значение для китайской культуры и активно

проявляется во фразеологии. Многие коммуникативные неудачи при общении с носителями китайского языка обусловлены непониманием этимологии и культурных истоков фразеологизмов.

М.И. Дойникова (МГИМО МИД) в докладе «Образ российских политиков в немецких СМИ (лингвистический аспект)» анализирует языковые средства, при посредстве которых в немецких СМИ конструируются образы ведущих российских политиков. Установлено, что для реализации данной цели в немецких СМИ используются такие лексические и стилистические средства, как оценочные слова и обороты, фразеологизмы, тропы и стилистические фигуры. Автор полагает, что целью немецких СМИ является создание негативного образа российских политиков и дискредитация России как государства, виновного в экономических проблемах Европы.

Е.В. Борячева (Российская международная академия туризма) в докладе «Язык и культурная идентичность в современных условиях развития России и стран Западной Европы» подчеркивает, что противостояние идей глобализации и национализма в современных геополитических условиях придает языку новую роль как инструмента урегулирования глобальных конфликтов. Возрастает роль культурной идентичности и понимания ценности национальной культуры.

Н.В. Мамонова (Челябинский государственный университет) в докладе «Языковая идентичность в глобальном мире» анализирует контексты, связанные с концептом 'русский язык'. На примере разных политических ситуаций автор показывает, что данный концепт является главным для реализации культурно-языковой идентичности его носителей и противостоит сторонникам абсолютной глобализации.

Д.В. Горохова (Одинцовский филиал МГИМО МИД) в докладе «Социокультурная идентичность российского студенчества: с чего начинается Родина?» представляет результаты ассоциативного эксперимента, направленного на определение психологической структуры слова *Родина* в сознании российских студентов. Цель работы состояла в выявлении степени «размытости» социокультурной идентичности молодежи в условиях, когда в российском обществе через различные типы дискурсов, прежде всего вербальные, в предыдущий период развития формировался образ «гражда-

нина мира», способного жить в пространстве разных культур и языков. Полученные результаты эксперимента позволяют утверждать, что современные молодые россияне не утратили свою социокультурную идентичность; ценности русского лингвокультурного сообщества продолжают воспроизводиться в их коллективной памяти.

Вопросам сохранения культурной и языковой идентичности посвящен также доклад И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни (МГОУ) «Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие». Авторы отмечают, что в иноязычном и инокультурном окружении происходит утрата культурно-языковой идентичности, и на данный процесс влияют такие факторы, как интенсивность внешних контактов, религиозные различия, поддержание литературной традиции, восприятие индивидов и групп людей как «своих» или «чужих». Эмиграция является неотъемлемой чертой нашего времени. Эмиграция из России, всегда немалая, в 2022 г. усилилась вследствие геополитической ситуации. Эмигрантам приходится проходить через сложные процессы социальной и лингвокультурной адаптации. Незнание языка новой страны является существенным барьером на пути адаптации. Нынешняя волна эмиграции из России является уже пятой, при этом количество покинувших страну в январе – сентябре 2022 г. более чем в два раза превышает число уехавших за аналогичный период предыдущего года

Е.В. Майорова (ИНИОН РАН) в докладе «Языковые проблемы русских эмигрантов в XXI веке» отмечает, что современная эмиграция из России в основном охватывает молодых людей с высоким уровнем образования, однако многие из них не владеют в достаточной степени даже английским языком. Сейчас отъезд происходит не только в страны Запада, и это сказывается на ориентации в изучении языков эмигрантами. Онлайн-школы иностранных языков сообщают о высоком спросе на изучение турецкого и китайского языков. Е.В. Майорова рассматривает способы языковой адаптации, которые предлагаются мигрантам из России в Великобритании, Португалии, Израиле, Германии и Турции. Приводимые данные о проблемах адаптации основаны на опросе россиян, уехавших в эти страны. Сравнение с трудностями, с которыми сталкивались предыдущие волны миграции, позволило

выявить те проблемы, которые возникают при эмиграции россиян именно в XXI в., а также установить, каким образом они преодолеваются самими эмигрантами и принимающей стороной.

Е.А. Казак (ИНИОН РАН) в докладе «Социальное и этническое многоязычие современного британского мегаполиса: (на материале телесериала “EastEnders”»)» исследует поликультурный характер современного мегаполиса, в котором встречаются разные этносы, социальные группы, языки, религии. Контакты языков и культур в общем коммуникативном пространстве способствуют усилению вариативности на всех уровнях языка. Специфика Лондона как одного из крупнейших современных мегаполисов состоит в том, что происходящие здесь культурно-языковые процессы связаны с наследием Британской империи, поэтому большинство миграционных потоков поступают из бывших колоний. Данные группы мигрантов владеют английским языком в своем варианте, который они считают равноправным британскому варианту. Однако современные миграционные потоки в Великобританию включают также приезжающих из других стран. В Лондоне сформировались районы, в которых сосредоточенно проживают группы определенных этнических общин, и в большинстве случаев такие районы сосредоточены в Восточном Лондоне. Сложившаяся ситуация получает отражение в массовой культуре, примером того является сериал «EastEnders», в котором показана повседневная жизнь обитателей вымышленного округа Уолфорд в Восточном Лондоне. Сериал поднимает вопросы, которых обычно избегают «высокая» культура, политкорректные массмедиа: городское многоязычие, возникновение в мегаполисе нестандартного набора культурных, языковых и этнических факторов, пересечение языков в процессах межличностной коммуникации, стремление молодых персонажей выйти за рамки своего сообщества и связанное с этим «обновление» культурно-языковой идентичности.

Е.О. Опарина (ИНИОН РАН) в докладе «Поликодовые тексты как локус формирования систем представлений о миграции и мигрантах» анализирует роль итальянского кинематографа в осмыслении и переосмыслении идей национальной идентичности итальянцев. Исключительную роль в этом процессе играло особое направление итальянского кинематографа – неореализм, развивавшийся с середины 40-х (после Второй мировой войны) до сере-

дины 60-х годов. В ставших классическими фильмах неореализма, таких как «Крыша» Витторио де Сика и «Мама Рома» Пьера Паоло Пазолини, осмысление идей идентичности оказалось связанным с проблемами миграции, поскольку в их сюжетах в положении «чужих», изгоев оказывались бедняки, переселившиеся из южных областей Италии в Рим. Для лингвокультурологии интересным является тот факт, что в этих фильмах и в дискурсе их критического анализа сформировались вербальные концепты, обозначающие новые личностные и социальные роли, возникшие в результате таких переселений. Это, в частности, *borgate* / *borgatari* и *popolana*. Первое из этих понятий относится к трущобным поселениям, самовольно построенным переселенцами с юга Италии в предместьях Рима, и к самим переселенцам; второе обозначает женщину «из народа», которую ситуация заставляет бороться за справедливость, за собственные права и достоинство, за семью и детей. Данная роль отличается от типичных ролей, которые приписывались женщине в традиционной итальянской культуре. Вокруг этих языковых понятий сформировалась более широкая система представлений о мигрантах и о гендерных характеристиках. В результате в итальянской культуре возникли полимодальные концепты, не сводимые к вербальным элементам.

М.М. Рокотянская (Национальный исследовательский университет «МЭИ») в докладе «Национально-языковая политика и ее отражение в современной российской и испанской прессе» анализирует интернет-версии прессы двух стран с целью установить языковые средства отображения вопросов национального и миграционного характера. Исследование охватывает 2020–2022 гг. и затрагивает область национально-языковой политики Испании и России.

В ходе работы секции 2 – «Языковые контакты и конфликты в новых геополитических условиях» (модератор М.Б. Раренко, вед. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН) были заслушаны доклады исследователей, отражающие разные аспекты предложенной темы. В докладе А.Б. Бушева (Тверской государственный университет) «Речь и проблемы кризисной коммуникации, коммуникации конфликта» отмечается, что при разработке теории кризисной коммуникации, основными характеристиками которой выступают своевременность информации, ее полнота, охват целевой

аудитории, честность и сочувствие, следует иметь в виду, что источники таких теорий находятся не только в антикризисном менеджменте, но и в психологии, социологии, политологии, а также теории языковой коммуникации. В кризисной коммуникации проявляется психологическая защита личности – специфические приемы переработки информации, адаптирующей ее к внутреннему миру с его гармонией, свободой и спонтанностью: вытеснение, проекция, интроекция, слияние, рационализация, отрицание, регрессия, сублимация, реактивное образование и т.д. Стратегии выхода из конфликта, как отмечает А.Б. Бушев, представлены стилями конкуренции, уклонения, приспособления, сотрудничества, компромисса, и все эти стратегии имеют корреляты в языке. Докладчик приводит и анализирует групповые защитные механизмы, к которым относятся: 1) групповое табу (запрет на обсуждение «опасных» тем внутригрупповой жизни, переживание определенных состояний); 2) группомыслие (groupthink) (качество группового решения оценивается с точки зрения сохранности единомыслия в группе, вследствие чего оно часто бывает стратегически ошибочным); 3) групповой ритуал (обязательное воспроизведение какой-то групповой процедуры, придание этому самостоятельного (символического) смысла); 4) ингрупповой фаворитизм (межгрупповое сравнение в пользу своей группы); 5) самоизоляция (ограничения (вплоть до запрета) на контакты с внешней социальной средой); 6) семейный (групповой) миф; 7) социальный стереотип аутгруппы (содержание образа и правила восприятия членов «чужой» группы как отличных от «своих»); 8) фиксация внутригрупповой статусной иерархии; 9) формализация внутригрупповой коммуникации; 10) экстернальная атрибуция неуспеха групповой деятельности (объяснение группового неуспеха за счет внешних факторов). Особо отмечается, что языковые игры групп представлены арго, эзоповым языком и новоязом. В заключение подчеркивается, что в условиях конфликта и кризиса путем выхода является предотвращение дальнейшей эскалации конфликта и установление диалога.

В докладе «Lost in translation» И.Е. Коптеловой (Дипломатическая академия МИД РФ) рассматривается фрагмент речи премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, произнесенной им 23 июля 2022 г. на встрече с участниками 31-го Летнего Открытого университета в г. Тушнадфюрдо (Трансильвания, Румыния), после кото-

рой В. Орбана называли «расистом», «ксенофобом», «шовинистом» и т.д. Венгерский премьер позволил себе сказать, «что [м]ы [венгры] не смешанная раса... и мы не хотим становиться смешанной расой» (*mi nem vagyunk kevert fajúak... nem akarunk kevert fajúvá válni*), добавив, что страны, где смешиваются европейцы и неевропейцы, «больше не являются нациями» (*Ezek az országok többé nem nemzetek*). Большинство слушателей ознакомились с речью В. Орбана на английском языке, в переводе, и негодование вызвало словосочетание «смешанная раса». В своем докладе на венгерском языке, однако, В. Орбан говорил о *népek* (народы), *civilizáció* (цивилизации), *nemzetek* (нация / национальное государство), а не о *rassz* – (race) именно с идеологической (*fehér rassz* – белая раса), а не биологической точки зрения.

В докладе Н.Н. Германовой (ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет) «“Язык-феникс”: опыт ревитализации языка острова Мэн» внимание сосредоточено на феномене кельтского языка острова Мэн, который являет собой редкий пример обратного языкового сдвига. Попытки вытеснения мэнского языка относятся к XVII в. В 1901 г. мэнским языком владело немногим более 8% населения, в 1921 г. носителей мэнского оказалось около 4,5%, в 1961 г. их число упало до 0,34%, а в 1974 г. язык был признан мертвым. В то же самое время на острове оставалось некоторое количество энтузиастов, которые поставили перед собой цель его ревитализации. Знаковым для возрождения мэнского языка событием стало открытие в 2001 г. начальной школы под названием *Bunscoil Ghaelgagh*, где мэнский является языком обучения. Постепенно осваивая новые коммуникативные сферы (лингвистический ландшафт, радио, интернет, смс-сообщения, общение в группах по интересам и т.п.), мэнский язык, в отличие от многих миноритарных языков, сегодня используется не только пожилыми малограмотными жителями сельской местности, но и образованными представителями среднего класса, для которых он является символом островной идентичности.

В докладе «Инструменты эмоционального воздействия в осуществлении принципов политкорректности (на примере дебатов немецкого бундестага)» О.В. Принципаловой (МГИМО МИД РФ) отмечается, что принципы политкорректности в институциональных дебатах находят свою реализацию в использовании политиками

определенных языковых средств. На примере дебатов бундестага анализируется оппозиция «свой – чужой» как одно из ключевых противостояний политического дискурса.

В докладе «Австрийский национальный вариант немецкого языка: начало языковой самостоятельности» Т.А. Яковлевой (МГИМО МИД РФ) акцент делается на том, что австрийский вариант немецкого языка, который представляет собой стандартную разновидность немецкого языка в Австрии, скорее всего, находится в начале своего пути к возможному становлению как самостоятельный язык.

М.В. Захарова (МГПУ) в докладе «Языковая игра и ирония в конфликтной коммуникации», описывая сущность языковой игры, отмечает, что языковая игра является умышленным нарушением норм, сложившихся в социуме и национальной картине мира, средствами языка. Ее целью становится привлечение внимания реципиента к нарушаемым нормам и к возникающим на базе этого нарушения смыслам. В случае, когда реципиент не видит нарушения или не понимает его осознанности и наличия авторского замысла, имеет место коммуникативная неудача. Такая ситуация может быть названа конфликтогеном как для автора сообщения, так и для его реципиента. Часто языковая игра является инструментом иронии, которую докладчик определяет как форму не прямой коммуникации, при которой смысл автора не соответствует, а часто и противоположен смыслу сообщаемого, причем обязательным условием иронии являются наличие особых маркеров, позволяющих опознать ироническую интенцию автора, и сохранение хотя бы минимальной возможности прямой интерпретации сообщения. При этом ирония является одним из наиболее мощных вербальных конфликтогенов, особенно в случае, когда реципиент опознает себя объектом иронии.

В докладе «Резьянский микроязык: славянский язык Италии под угрозой исчезновения» Л.Л. Федоровой (РГГУ) в центре внимания оказывается резьянский язык, один из 20 славянских литературных микроязыков. Он относится к подгруппе «островных», т.е. находящихся в окружении иного доминирующего языка. Главная проблема, с которой сталкиваются как носители языка, так и лингвисты-исследователи, – решение вопроса о статусе идиома как языка или диалекта. Резьянский язык нередко рассматривают

как диалект словенского языка, поскольку словенские диалекты распространены в этом регионе – как в Словении, так и частично в Италии, и с ними обнаруживается естественная для южнославянских диалектов структурная и лексическая близость. Подчеркивается, что в социолингвистическом отношении резьянский язык считается миноритарным языком Италии и объявлен находящимся под угрозой исчезновения, поэтому пользуется определенной государственной поддержкой. Число носителей языка в настоящее время не превышает 1000 человек.

В докладе «Миграционный дискурс в русскоязычной версии романа Ф. Бакмана “Вторая жизнь Уве”» М.Б. Раренко (ИНИОН РАН) рассматриваются особенности и характеристики миграционного дискурса, воспроизводимого на страницах художественного произведения, анализируется оппозиция «свой – чужой», которая выступает одной из ключевых оппозиций миграционного дискурса и реализуется в романе как на уровне сюжета, так и на уровне языка.

Также в ходе работы секции был заслушан доклад Д.Л. Курушина (Пермский государственный национальный исследовательский университет) на тему «Реалии русского дворянского быта в зеркале английского языка (на материале автобиографической прозы В. Набокова)», в котором исследователь проанализировал реалии дворянского быта, представленные в русскоязычной версии, и их англоязычные аналоги, переданные на английском языке В.В. Набоковым.

Участники секции 3 – «Билингвизм и полилингвизм: преимущества и проблемы» (модератор – О.И. Максименко, д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики МГОУ) обсуждали функции и роль многоязычия – одну из наиболее актуальных тем, связанных с ситуацией интенсивного межнационального общения в современных условиях.

Е.В. Приказчикова (МГОУ) в докладе «Подготовка студентов к межкультурному взаимодействию в условиях взаимопроникновения культур» предлагает принципы и методы многоязычного образования, которые учитывают культурный аспект и влияют на формирование поликультурной личности в процессе обучения иностранному языку студентов вузов.

Ю.Э. Мюллер (МГИМО МИД) в докладе «Поликультурная компетенция: компонент профессиональной компетенции специа-

листов-международников» анализирует компоненты понятия «поликультурная компетентность», а именно: культурно-когнитивный компонент, социокультурный компонент, деятельностный компонент и рефлексивно-творческий компонент. Исследуются также методы формирования комплексной поликультурной компетентности у студентов-международников. Приводятся конкретные предложения по достижению этой цели.

Т.С. Мочалова (МГИМО МИД) в докладе «Интерференция и преподавание языков» выявляет положительные и отрицательные стороны интерференции в процессе изучения иностранного языка. Интерференция, обусловленная генетическими и типологическими сходствами родного и изучаемого языков, с одной стороны, усиливает развитие рецептивных навыков, оказывая позитивное воздействие. С другой стороны, близость языков продуцирует дополнительные ошибки при изучении иностранного языка. Положительное влияние интерференции позволяет на начальных уровнях изучения языка быстрее усвоить минимальный набор лексики и базовые грамматические правила – систему склонения существительных, спряжение глаголов в настоящем времени, научиться строить простые синтаксические конструкции. Однако на более высоких уровнях освоения языка продуктивность интерференции замедляется. С явлением, которое определяется как «замороженная компетенция», сталкиваются, в частности, преподаватели польского языка, обучающие мигрантов из Беларуси и Украины. Причиной этого автор считает издание учебников, в которых специфика изучения родственных языков не учитывается. Т.С. Мочалова полагает, что коммуникативный подход, утвержденный стандартом Евросоюза в качестве основополагающего метода преподавания иностранного языка, не полностью соответствует потребностям тех, кто изучает родственные языки. Коммуникативный подход необходимо дополнить более традиционными видами работы – дидактическим переводом, а также упражнениями, развивающими и автоматизирующими лексико-синтаксические навыки студентов.

Э.А. Зоидзе (МГПУ) в докладе «Валоризация англоязычных изданий русской классической литературы», признавая важность знакомства иноязычных читателей с переводами классической русской литературы на их родные языки, анализирует стратегии

валоризации, которые применяют издатели для достижения совместимости классических произведений с ценностями современного инокультурного читателя. С этой целью Э.А. Зоидзе исследует метадискурсивные жанры – предисловия и аннотации к переводным произведениям. Авторы таких предисловий и аннотаций, как свидетельствуют работы британского издательства Wordsworth Editions, стремятся ввести читателя в исторический и социокультурный контекст создания произведения, охарактеризовать особенности стиля автора, определить главные для данного классического произведения ценности. Конкретными языковыми и дискурсивными средствами валоризации служат, например, прилагательные, обозначающие всеобщность ценностей и изображенных ситуаций (*eternal conflicts at the heart of human existence*), прецедентные для англоязычного читателя имена (*This is Dickens for grown-ups*). Такими средствами у инокультурных читателей формируются фоновые знания, необходимые для понимания произведения, принадлежащего к другой культуре и другому времени.

Доклад Г.В. Овчинниковой (Московская полицейская академия; МГОУ) «Межкультурная адаптация лингвокультурем в переводных французских текстах Л.Н. Толстого» также посвящен вопросу восприятия классических литературных произведений в инокультурной среде. Переводной текст рассматривается автором как межкультурное взаимодействие между несколькими субъектами – автором, переводчиком и читателем. С использованием понятия лингвокультуремы, в которое автор включает не только слова, но также и фразеологизмы, пословицы и поговорки, Г.В. Овчинникова анализирует частотные способы межкультурной адаптации переводов текстов Л.Н. Толстого на французский язык, а именно приемы калькирования, транслитерации и описательного перевода.

С.А. Шелудько (Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя образовательная школа № 34», г.о. Подольск) в докладе «Ошибочное восприятие мигрантами культурной составляющей неродного для них языка» анализирует уровни адаптации, по которым происходит встраивание иммигрантов в социальную и культурную жизнь принимающего сообщества. Начальная адаптация происходит на уровне функциональной интеграции, что предполагает овладение информацией и практическими навыками, в том числе языковыми и коммуникативными,

необходимыми для реализации важнейших жизненных потребностей и обеспечения работой. Более высокий уровень структурной интеграции определяется вовлеченностью иммигрантов в образовательные и культурные инициативы, их конкурентоспособностью на рынке труда, предполагает полноправное участие в разных формах общественной жизни новой для них страны, а также обеспечение им равных с жителями страны социальных гарантий.

В секции 4 – «Культура через призму языка» (модератор Т.В. Холстинина, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой теории языка, англистики и прикладной лингвистики МГОУ) на материале разных языков исследовались многочисленные аспекты взаимодействия культуры и языка в устной и письменной речи.

М.В. Акинина в докладе (Национальный исследовательский университет «МЭИ») «Вербализация эмоций во французской лингвокультуре» рассматривает вопрос о роли эмоциональной вербализации в межкультурной коммуникации на французском языке. Иллюстративные примеры представлены образцами из художественной литературы и разговорной речи французов.

Л.Ю. Губочкина (МГОУ) в докладе «Классификация образов поэтического антропоморфизма в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах (на материале текстов художественного перевода)» исследует расхождения в представлении антропоморфных образов разными языками. Несходства проявляются в переводах, т.е. при перенесении образов в иноязычную культуру. В переводах художественных текстов антропоморфные образы видоизменяются, и в таких случаях создаются образы, характеристики которых могут сильно отличаться от их смысла в оригинальных текстах. В частности, диссонанс возникает из-за гендерных несовпадений. Противоположные свойства в этом плане демонстрируют англоязычная и русскоязычная лингвокультуры.

А.В. Величко (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «К вопросу о богатстве и самобытности русского языка» подчеркивает, что в условиях интенсивных межъязыковых и межкультурных контактов необходимо беречь русский язык от явлений, которые воздействуют на него негативно. Богатство русского языка проявляется на разных его уровнях, в том числе на уровне синтаксиса в явлении синтаксической синонимии. Данное явление анализируется на примере синонимических структур, выражающих звуковое

действие. А.В. Величко считает синонимичными структуры, акцентирующие разные грани звучания: 1) субъект – издаваемый им звук (*Мальчик кричит; Лес шумит*); 2) звук и его существование. В подобных случаях субъект обычно не выражен, но выражены обстоятельства (*Из соседней комнаты доносились голоса*); 3) воспринимающий субъект – воспринимаемый звук (*Мы слышали гул самолета*). Варианты дают говорящим и пишущим возможность избежать однообразных средств выражения.

Е.В. Ковш (МГОУ) в докладе «Стратегии делегитимизации в политическом дискурсе Д. Байдена в феврале – августе 2022 г.» анализирует элементы стратегии делегитимизации в публичных выступлениях президента США. Устанавливается, что американский президент использует как эксплицитные, так и имплицитные средства выражения негативного отношения к оппоненту. В структурном плане среди слов с отрицательной коннотацией в выступлениях Д. Байдена преобладают существительные.

И.Л. Сапранова (МГОУ) в докладе «Семантическое поле и межкультурная коммуникация (на материале немецкого языка)» исследует связь понятия «семантическое поле» с понятием «лингвокультурологическое поле». Семантическое поле, интерпретируемое современной лингвистикой как система парадигматических, синтагматических и эпидигматических характеристик его элементов, является основой для выбора единиц в коммуникации. Лингвокультурологическое поле включает в семантику компоненты, связанные с культурой народа – носителя языка и компоненты, обусловленные другими экстралингвистическими причинами. Особенности элементов семантического поля каждого языка выявляются в сравнении с другими его элементами, а при сопоставлении языков – в сравнении с единицами соответствующего поля в другом языке. Лингвокультурологические различия явно выступают при их анализе именно в составе полей.

О.А. Червякова (Военный университет им. кн. Александра Невского Министерства обороны РФ) в докладе «Военно-политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на материале испанского языка)» подчеркивает, что в ряду манипулятивных средств речевого воздействия, активно используемых СМИ в условиях информационного противостояния, значительное место занимают эвфемистические номинации.

Цель эвфемизации может быть позитивной: политкорректность в действительности частично обусловлена стремлением минимизировать моральный ущерб, который способна нанести прямая номинация. Однако военно-политический дискурс, как правило, применяет эвфемистические номинации с целью скрыть суть происходящего от гражданского населения или для введения противника в заблуждение. Например, в испанском языке используются словосочетания *conflictos justos* – «справедливые конфликты» вместо прямого названия войны; *material de doble uso* – «материалы двойного назначения» вместо обозначения настоящего денотата, т.е. оружия. Читателю требуются определенный уровень лингвистической компетенции и фоновых знаний, чтобы не дать ввести себя в заблуждение и адекватно понять суть ситуации.

В докладе Р.И. Зарипова (Военный университет им. кн. Александра Невского Министерства обороны РФ) «Речевое и информационно-психологическое воздействие на реципиента в условиях технического прогресса» рассматривается специфика воздействия на психологическое состояние и поведение реципиента через современные средства массовой информации и коммуникации. До появления массовой печати такое воздействие осуществлялось путем непосредственно обращенной к собеседнику речи и через паралингвистические способы. Современное информационно-психологическое воздействие включает невербальные элементы, в первую очередь аудиовизуальные (видеофрагменты, изображения, мелодии и другие звуки). В настоящее время недостаточно исследованным остается комплексное информационно-психологическое воздействие, которое в действительности образует целостную многоуровневую матрицу и позволяет СМИ конструировать автономную гиперреальность в целях манипуляции сознанием людей.

О.И. Максименко (МГОУ) и М.В. Беляков (МГИМО МИД) в докладе «ИмPLICITная эмотивность дипломатических клише» отмечают, что сейчас в открытом дипломатическом дискурсе допускается и имPLICITный, и эксплицитный эмотивно-оценочный компонент. ИмPLICITное выражение эмоций реализуется в дипломатическом дискурсе в позитивных и негативных клише. К средствам формирования имPLICITных эмотивных клише негативной направленности принадлежит существительное *озабоченность*, обычно квалифицируемая как *серьезная / глубокая*. Употреб-

ление этого субстантива в дипломатическом дискурсе имеет ряд особенностей по сравнению с общим языком. Существительное *озабоченность*, активно применяемое в дипломатическом дискурсе, в большинстве словарей русского языка отсутствует. Синонимическое существительное *обеспокоенность* в дипломатических клише стало активно использоваться во множественном числе, что несвойственно абстрактным существительным русского языка: *соглашение не снимает всех обеспокоенностей*. Кроме того, в дипломатическом дискурсе становятся более явными различия между двумя словами, чего также нет в общенародном языке. Эти различия подтверждаются переводами слов: *concern* – «озабоченность» (характеризует уже сложившуюся ситуацию) и *anxiety* – «обеспокоенность» (тревога по поводу возможных будущих событий). Отмечается, что в целом имплицитные оценочные маркеры в большей степени характерны для официального дипломатического дискурса, в то время как в открытом профессиональном дискурсе более употребительны эксплицитные маркеры.

Н.Е. Медведева (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Особенности применения речевых стратегий в предвыборной кампании партии зеленых в Великобритании» анализирует предвыборный дискурс как особое явление, сочетающее в себе институциональные и неинституциональные свойства. Устанавливается, что в предвыборной кампании партии зеленых в Великобритании в период 2019–2022 гг. на разных уровнях языка и текста обнаруживаются особенности, обусловленные коммуникативной стратегией: лексико-семантические, грамматико-синтаксические, а также специфика композиционной организации.

П.А. Щербо (МГИМО МИД) в докладе «Национальный характер в английских фразеологизмах с топонимами» исследует роль топонимов в составе фразеологических единиц как трансляторов культурного фонда носителей английского языка. Автор полагает, что фразеологизмы с топонимами можно рассматривать как свидетельства качеств, присущих англичанам. Так, оборот *Middle Engand* со значением «обычные люди, люди традиционных взглядов» актуализирует склонность англичан к консерватизму, стабильности; *to send somebody to Coventry* со значением «игнорировать кого-либо» (букв. «послать кого-либо в Ковентри») говорит о сдержанности, граничащей с равнодушием; фразеологизмы с

названием престижных учебных заведений, как *Oxford mixture* (букв. «Оксфордский меланж») символизируют уважение к престижному образованию; *Merry England* («Добрая старая Англия») отражает теплые чувства англичан к своей стране. Таким образом, фразеологизмы с топонимами «своего» географического локуса связаны с мировоззрением и традициями народа.

Т.Ж. Токтарова (Международный ун-т информационных технологий) в докладе «Коммуникативные табу в казахской лингвокультуре» показывает, что в казахской культуре табу на определенные действия связаны с архетипическими и мифологическими представлениями о космических объектах, о стихиях, с сакрализацией дома и продуктов питания. Так, нельзя было переступать через огонь, лить воду без необходимости, бегать вокруг дома, класть нож лезвием вверх. Многие табу касались поведения женщины. Например, считалось, что женщине нельзя переходить дорогу мужчине, распускать волосы, присутствовать при погребении. В современном казахском обществе происходит детабуизация, что связано с развитием высоких технологий и участием страны в процессах глобализации. Вместе с тем коммуникативные табу на обсуждение определенных тем, таких как смерть, бездетность, тяжелые заболевания, продолжают действовать. Их необходимо знать, чтобы избежать коммуникативных неудач и конфликтов.

В докладе Ю.С. Сорокиной (МГОУ) «Опыт описания когерентных функций фразеологических единиц в текстах современных песен поп-жанра» на материале текстов современных англоязычных песен проводится анализ фразеологических единиц. Под когерентными функциями фразеологических единиц понимается их участие в создании структурной, смысловой и коммуникативной целостности текста. Ю.С. Сорокина анализирует роль устойчивых комплексов фразеологического типа в формировании следующих категорий текста: локальности, темпоральности, персональности и модальности. Сделаны выводы об участии фразеологических единиц в создании модальной тональности текста, о функциях анафоричности и катафоричности ряда фразеологических единиц.

С.В. Герасимова (Российский гос. ун-т им. А.Н. Косыгина) в докладе «Место концепта “пьянство” в семиотической системе романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» выявляет

связь между концептом пьянства и богословской основой русской культуры, а также общность между системой персонажей Ф.М. Достоевского и ролями, которые выделяет Э. Берн в игре «Алкоголик».

О.В. Дубкова (Сианьский ун-т иностранных языков, КНР) в докладе «Концепт “文明 / цивилизация” в китайской лингвокультуре» анализирует исторические изменения в формировании современного концепта, аксиологически важного в системе китайского мировоззрения. Слово, обозначающее в китайском языке данное понятие, состоит из двух иероглифов, которые впервые встречаются на бронзовых сосудах периода династий Инь и Шан (XVI–XI вв. до н.э.). Первый из иероглифов является символическим изображением человека, связанного с культурой (стоящего человека с вырезанным на груди знаком); второй иероглиф – отверстие под крышей, через которое проникает свет в помещение. Через соединение двух иероглифов концепт цивилизации оказывается связанным с наследованием лучших традиций и созданием нового на основе существующего, при этом одновременно указывает на гражданское управление и традиционные нравы народа. Вместе с тем через первый из иероглифов концепт ‘цивилизация’ тесно связан с отдельным концептом ‘культура’, воплощающим идеи очеловечивания и владения этикетом. В целом в системе ценностей китайской культуры цивилизация связывается с традиционной культурой, возможностью ее передачи последующим поколениям и одновременно с возможностью инноваций.

28 октября 2023 г. в рамках конференции в режиме офлайн прошла секция 5 – «Языковые контакты и конфликты: исследования молодых ученых» (модераторы Н.Г. Сахарова, доцент кафедры индоевропейских языков МГОУ, И.В. Бондаренко, доцент кафедры индоевропейских языков МГОУ), на которой студенты и аспиранты российских вузов самостоятельно или в соавторстве с их научными руководителями представили свои работы.

Ратхи Риширадж (МГОУ) в докладе «Культура через призму языка» рассматривает язык и культуру как взаимообусловленные явления, формирующие индивидуальность человека и идентичность конкретного общества в мире.

Е.Г. Шовкович (МГОУ) в докладе «Полилингвальное образование в Казахстане: проблемы языкового обучения» отмечает,

что полилингвальное обучение занимает одну из лидирующих ролей в обществе, так как для многих государств характерно культурное и языковое разнообразие.

В совместном докладе «Военные песни времен Гражданской войны в США» Т.Н. Вавиловой и А.Ю. Назаровой (МГОУ) анализируются тексты военных песен времен Гражданской войны между Севером и Югом, ставшие основным стимулом для поднятия боевого духа у солдат.

В докладе «Аудиовизуальные средства поддержания метафоры в кинодискурсе» О.Р. Михайловой (МГЛУ) и Л.Р. Комаловой (ИНИОН РАН) отмечается, что метафора в кинодискурсе характеризуется как синтетическая. В результате эмпирического исследования было выявлено, что для поддержания метафоры в кинопроизведении необходимы и аудиальные, и визуальные средства, при этом визуальные средства при восприятии метафоры имеют больший вес.

В докладе «Восприятие речевого жанра угрозы в интернет-коммуникации (экспериментальное исследование)» Л.Р. Комаловой (ИНИОН РАН) и Л.В. Калюжной (ИНИОН РАН) представлены результаты экспериментального исследования вербализации угроз в интернет-коммуникации.

В докладе «Особенности интеграции фразеологизмов в процесс преподавания РКИ в корейской аудитории (на примере фразеологизмов, содержащих слова “земля”, “небо”, “звезда”, “солнце”))» В.А. Князева (МГПУ) описывает особенности интеграции фразеологизмов русского языка в корейской аудитории и приходит к выводу о том, что большинство фразеологических оборотов корейского языка с теми же лексическими компонентами не являются полностью эквивалентными выражениям русского языка.

Е.И. Борисова (МГОУ) в докладе «Звукоподражания в прозе М.М. Пришвина как отражение идиостиля писателя» рассматривает роль звукоподражаний в художественном тексте М. Пришвина как одной из характерных черт идиостиля писателя. Отмечаются функции и специфика формы и содержания звукоподражаний.

Н.Г. Сахарова (МГОУ) и В.И. Когут (МГОУ) в докладе «Декодирование темы расовой дискриминации в США (на примере поэзии ВЛМ-движения)» исследуют проблему расовой дискриминации в США на материале современной поэзии представителей

протестного движения Black Lives Matter как части деятельности всего протестного движения против расизма.

И.В. Бондаренко (МГОУ) и Р.Д. Кулаков (МГОУ) представили доклад на тему «Рекламный слоган в английском, испанском и русском языках: сопоставительный анализ», в котором озвучили результаты проведенного ими анализа использования стилистических приемов, а также собственного перевода и интерпретации рекламных слоганов на английский, русский и испанский языки.

Ю.Е. Шаньгина (РГГУ) в докладе «Реклама и ее место в лингвистическом знании» рассматривает рекламу как объект лингвистического знания, обобщает и анализирует опыт отечественных и зарубежных исследователей рекламы.

О.А. Елисеева (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Особенности применения речевых стратегий в предвыборной кампании партии Зеленых в Великобритании» рассматривает композиционную организацию, лексико-семантические особенности и грамматико-синтаксические структуры, реализующие коммуникативные стратегии, применяемые партией Зеленых в предвыборной кампании в Великобритании в период 2019–2022 гг.

Е.И. Потапова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Языковая репрезентация миграционной политики Евросоюза» рассматривает миграционный дискурс как институциональный дискурс, формирующий определенную позицию и отношение общества к миграции и мигрантам, обращаясь к лексическому составу правовых и нормативных документов Евросоюза, и делает вывод о ценностных ориентациях ЕС и основных принципах «управления» миграцией в соответствии с имеющимися потребностями.

Е.В. Казакевич (МГПУ) в докладе «Языковая репрезентация индивида вне рамок бинарной гендерной системы и ее социальные импликации» указывает на нарастающее стремление членов общества, относящихся к молодым поколениям (англ. Generation Y and Z), оказывать номинальное сопротивление социальному императиву, в том числе путем ускорения процесса культурных метаморфоз посредством искусственной трансформации языковой нормы.

Е.Г. Борисова (МГПУ) и Д.В. Лабынцева (МГПУ) в совместном докладе «Переключение кода в семейном общении в условиях неравновесного билингвизма (на примере городских семей

Восточной Украины)» отмечают, что в независимой Украинской Республике возможности для использования русского постепенно стали ограничивать, в частности, в официальном общении и образовании, однако межличностное общение в неофициальной обстановке на Левобережной Украине оставалось на русском. Тем не менее и в это общение вкраплялись украинские слова, выражения и отдельные речения. Обращение к украинскому языку осуществляется в следующих случаях: 1) при воспоминании более подходящего средства номинации (пословицы, слова); 2) при желании придать речи шуточный характер (часть цитат); 3) при цитировании любимых строк (всерьез); 4) при использовании обиходных слов: еда, одежда.

Болянос Арсе Ильда Эунисе (МГОУ) в докладе «Языковая интерференция в переводах стихотворений русских символистов Серебряного века на испанский язык» анализирует причины языковой интерференции поэтических текстов и приходит к выводу о том, что интерференция может проявлять себя на разных языковых уровнях.

Е.Р. Ботин (МГОУ) в докладе «Функции онимов в романе Эдуарда Лимонова “Это я – Эдичка”» рассматривает особенности идиостиля Эдуарда Лимонова на основе анализа описания города. Основное внимание уделяется онимам как структурообразующим единицам современного литературного городского пейзажа, а также экзотизмам и варваризмам.

Гупта Прачи (РУДН) рассматривает язык как источник мультикультурализма в докладе «Язык как ресурс мультикультурализма». Отмечается, что язык составляет важную роль в мультикультурализме, который, в свою очередь, является основой плюрализма во всех смыслах, а также является обязательным условием социального разнообразия, его появления и признания.

Также на заседании секции были представлены доклады: «Важность разработки комплексного междисциплинарного подхода к изучению феномена полилингвизма в нейро- и социолингвистическом аспекте» Т.В. Холстиной (МГОУ) и А.Н. Холстиной (Первый МГМУ им. И.М. Сеченова); «Употребление сослагательного наклонения в европейских языках» Хамада Зияд (МГОУ); «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» Е.В. Голиковой (МГОУ); «Влияние панк-движения на панк-

поэзию» И.В. Бондарко (МГОУ) и Т.В. Корниловой (МГОУ); «Эколингвистика и проблемы сохранения национальных языков и традиций» Е.А. Чвилевой (МГОУ), В.В. Никишиной (МГОУ) и А.А. Козловой (МГОУ); «Символика оранжевого цвета и ее представленность в публицистических текстах посредством английских и немецких прилагательных» А.А. Бояркиной (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева); «Реклама ресторанов азиатской кухни в Лондоне и Москве» Л.Г. Поповой (МГПУ) и Д.В. Грязевой (МГПУ); «Языковой конфликт в понятиях пространства и времени (на примере англоязычной и испаноязычной художественной литературы» Н.Г. Сахаровой (МГОУ) и А.Д. Гусевой (МГОУ); Н.И. Чирковой (Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского «О формировании культуры математической речи у будущих учителей начальных классов»; И.С. Харитоновой (МГПУ) «Использование вербального оформления в представлении немецких продвигающих текстов для детей»; П.В. Ефремцевой и И.О. Габдулиной (Калужский гос. ун-т им. К.Э. Циолковского) «Пути развития языковой культуры младших школьников через народное творчество».

Крюкова О.С.¹, Раренко М.Б.²

**Круглый стол
«ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ»
(28 октября 2022 г., Москва)
[сообщение о научном событии]**

Аннотация. Освещаются доклады, сделанные на круглом столе «Проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах», состоявшемся в рамках Международной научно-практической конференции «Язык как инструмент контактов и конфликтов: причины и следствия» (27–28 октября 2022 г.; Москва; МГОУ, ИНИОН РАН). В фокусе внимания исследователей оказались актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; языковые контакты; языковые конфликты; преподавание; дистанционное образование; российские вузы.

Для цитирования: Крюкова О.С., Раренко М.Б. Круглый стол «Проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах» (28 октября 2022 г., Москва) [сообщение о научном событии] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 138–147. – Москва, 2022. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.08

---

¹ Крюкова Ольга Сергеевна – д-р филол. наук, заведующая кафедрой истории словесности факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: florin@mail.ru

² Раренко Мария Борисовна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН, e-mail: rarenco@rambler.ru

KRYUKOVA O.S.¹, RARENKO M.B.²

**Round table “PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE IN RUSSIAN UNIVERSITIES”:
(October 28, 2022, Moscow)
[report on scientific event]**

Abstract. The reports made at the round table “Problems of teaching Russian as a foreign language in Russian universities”, held within the framework of the International Scientific and Practical Conference “Language as an instrument of contacts and conflicts: causes and consequences” (October 27–28, 2022, Moscow, Moscow State University, INION RAN) are highlighted. The researchers focused on the actual problems of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian as a foreign language; language contacts; language conflicts; teaching; distance education; Russian universities.

For citation: Kryukova O.S., Rarenko M.B. Round table “Problems of teaching Russian as a foreign language in Russian universities”: (October 28, 2022, Moscow) [Report on scientific event] // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – N 2. – Pp. 138–147. – Moscow, 2022. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.08

28 октября 2022 г. в рамках Международной научно-практической конференции «Язык как инструмент контактов и конфликтов» (ИНИОН РАН, отдел языкознания; МГОУ, лингвистический факультет) состоялся круглый стол «Проблемы преподавания русского языка как иностранного в российских вузах» (онлайн), модераторами которого выступили О.С. Крюкова, заведующая кафедрой истории словесности факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р филол. наук; М.Б. Раренко, вед. науч. сотр. отдела языкознания ИНИОН РАН, доцент кафедры истории словесности факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филол. наук; Е.П. Савченко, заместитель декана

---

¹ *Kryukova Olga Sergeevna* – Doctor of Philology, Head of the Department of History of Literature, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, e-mail: florin@mail.ru

² *Rarenko Maria Borisovna* – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: rarenco@rambler.ru

лингвистического факультета МГОУ, канд. филол. наук, доцент. В ходе работы круглого стола после краткого приветствия Елены Павловны Савченко было заслушано семь докладов.

Несколько докладов были посвящены проблемам дистанционного преподавания РКИ, которые актуализировались в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Так, в докладе *Ольги Сергеевны Крюковой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Преподавание русского языка как иностранного дистанционно: проблемы, наработки и перспективы»* было подчеркнуто, что пандемия коронавируса ускорила процессы перехода на дистанционное преподавание ряда дисциплин, в том числе и русского языка как иностранного. Мера была и остается вынужденной, тем не менее вузы сегодня учитывают новый формат учебного процесса.

Дистанционный формат обучения вносит определенные коррективы в структуру занятия: письменные упражнения выполняются устно, преподаватели больше внимания вынуждены уделять чтению и обсуждению текстов, выведенных на экран компьютера. Существенным дополнением к упражнениям подобного рода могут служить учебные фильмы, дублирующие и иллюстрирующие учебные тексты. Удачным примером служат серии учебных материалов, разработанных З.Н. Потапурченко с соавторами («Золотые имена России», «Путешествуем по России» и др.) [Потапурченко, Жданов, 2018].

Преподаватели кафедры словесных искусств факультета искусств МГУ им. М.В. Ломоносова в 2021 г. разработали учебное пособие (Крюкова О.С., Раренко М.Б. «Великие имена русской культуры: писатели, художники, композиторы») [Крюкова, Раренко, 2021], структура которого позволяет использовать его как на очных занятиях, так и при дистанционном обучении. В пособии даны адаптированные для иностранных студентов биографии А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.К. Саврасова, В.Д. Поленова, И.И. Шишкина, И.Е. Репина, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, М.И. Глинки, А.Н. Скрябина. После изучения биографии того или иного деятеля культуры студент должен ответить на вопросы к этому тексту, а также соотнести определенные даты с событиями из жизни героя. Несколько упражнений к биографическим текстам нацелено на расширение словарного запаса обучающихся («Дополните предложения», «Замените

выделенные слова синонимами в правильной форме» и т.п.) и на закрепление ранее изученной грамматической информации. К биографическим текстам, посвященным писателям, прилагаются небольшие адаптированные отрывки из их произведений малых жанров. Эти отрывки также сопровождаются вопросами и заданиями лексического и грамматического плана.

Дистанционный формат обучения побуждает преподавателей разрабатывать различные учебные презентации, дополняющие и иллюстрирующие содержание учебников по РКИ. Это, например, такие презентации, как «Национальные праздники», «Русская кухня», «Московский Кремль» и т.п.

По мнению О.С. Крюковой, дистанционное изучение русского языка как иностранного – это один из вызовов времени, предъявляющий достаточно высокие требования и к методике преподавания РКИ, и к технической оснащенности рабочего места преподавателя, и к компетенциям преподавателя в сфере информационных технологий. Дистанционное преподавание русского языка позволяет, с одной стороны, вовлечь большее количество обучающихся в учебный процесс, но, с другой стороны, оно не в состоянии обеспечить такой важный элемент в изучении языка, как письмо. Возникает также потребность в интерактивных учебниках нового поколения со встроенными учебными тренажерами.

Тему дистанционного преподавания РКИ продолжила Диана Александровна Хромова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе «*Пост-онлайн: проблема мотивации студентов неязыковых факультетов вузов при изучении русского языка как иностранного*». Д.А. Хромова обратила внимание присутствующих на то, что мотивация при изучении иностранного языка (в данном случае русского языка как иностранного) представляет собой систему стимулов, поощрений, оказывающих влияние на процесс усвоения учащимися языкового материала, формирование коммуникативных навыков. Поэтому правильное мотивирование обучающегося, подразумевающее пробуждение интереса к осваиваемому языку с последующим поддержанием интереса в течение продолжительного периода, считается одной из приоритетных задач преподавателя русского языка как иностранного.

Несмотря на активное развитие различных интернет-платформ для онлайн-обучения в последние десятилетия, до 2020 г.

предпочтение отдавалось «живому» обучению, которое подразумевало овладение языком не только на занятиях, но и вне «класса», поскольку обучающийся так или иначе оказывался в языковой среде (например, решая бытовые проблемы или правовые вопросы). Эпидемиологическая ситуация вынудила как преподавателей, так и обучающихся обратиться к безальтернативному формату обучения онлайн, который представлял собой довольно затянутый и сложный процесс, условно завершившийся к осени 2020 г., т.е. почти полгода спустя.

Безусловно, на многих обучающихся онлайн-обучение оказало «расслабляющий эффект», поскольку в домашней обстановке было сложно воссоздать рабочую атмосферу, техника не отвечала требованиям нового формата, но главное – был ослаблен контроль за усвоением и отработкой коммуникативных навыков на русском языке. Повсеместное онлайн-обучение создало иллюзию получения высшего образования как легкой деятельности, не требующей больших энергозатрат. Новый учебный год был ознаменован возвращением в учебные аудитории, но с поддержанием смешанного формата, так что многие иностранные обучающиеся оказались не мотивированы ни к физическому присутствию в России, ни к изучению русского языка как средства коммуникации с носителями русского языка. Для повышения мотивации к изучению русского языка, по мнению Д.А. Хромовой, будут эффективны специальные установочные занятия с элементами психологических тренингов.

Мария Борисовна Раренко (ИНИОН РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе затронула весьма актуальную методологическую тему, связанную с отбором учебной литературы при обучении русскому языку студентов неязыковых специальностей. М.Б. Раренко познакомила присутствующих с особенностями учебного процесса на факультете, где она преподает РКИ, отметив, что на факультете искусств МГУ им. М.В. Ломоносова в настоящее время проходят обучение в рамках направлений подготовки бакалавров и магистров «Изящные искусства» наряду с российскими учащимися китайские студенты, обучающиеся на русском языке. На факультет они поступают по результатам вступительных экзаменов, проходя творческий конкурс и проверку на знание русского языка. К сожалению, у многих китайских студентов уровень знания русского языка оказывается недостаточно высоким, чтобы осваи-

вать спецдисциплины на том же уровне, что российские студенты. Как правило, обучению на факультете предшествует годовой курс обучения русскому языку в Институте русского языка и культуры МГУ, в течение которого будущие студенты интенсивно осваивают основы русского языка, при этом основной упор делается на овладение общедоступной разговорной лексикой, т.е. обучение не носит специализированный характер, который бы позволил им овладеть, например, терминологией в определенной области, подготовил бы к обучению на творческом факультете. В настоящее время для иностранных учащихся проводятся занятия по русскому языку как иностранному (от четырех до восьми академических часов в зависимости от курса и направления подготовки), которые ведут преподаватели кафедры словесных искусств, однако эти занятия имеют, скорее, «поддерживающий» характер и изначально не нацелены на поэтапное изучение русского языка. В связи с этим у преподавателей кафедры словесных искусств (все они имеют дипломы и сертификаты преподавателей РКИ), среди которых есть читающие и такие филологические дисциплины, как «История словесности», «Стилистика публицистической речи» и пр., остро стоит вопрос о том, как все же помочь студентам повысить уровень владения русским языком в кратчайшие сроки. К сожалению, геополитическая ситуация сегодня также не способствует изучению русского языка иностранными студентами: с 2019 г. из-за пандемии коронавируса многие из них вынуждены обучаться онлайн, т.е. у них нет сейчас возможности «погрузиться в среду» русского языка, как это было ранее, когда преподаватели словесности, чтобы мотивировать студентов на изучение русского языка, проводили очные конкурсы чтецов на русском языке, организовывали экскурсии в музеи, художественные галереи, устраивали чаепития и пр. Одним из основных направлений стала разработка факультетских пособий по русскому языку, учитывающих специфику обучения студентов творческих профилей обучения.

В докладе *Евгении Евгеньевны Матвеевой* и *Елены Александровны Морозовой* «*Специфика методического сопровождения проектной деятельности обучающихся при обучении РКИ*» (Московский городской педагогический университет) были затронуты актуальные методические и дидактические аспекты междисциплинарного подхода к преподаванию РКИ.

Докладчики напомнили присутствующим о том, что система уровней владения русским языком как иностранным (РКИ) (с учетом новых требований 2010 г.) по аналогии с общеевропейской системой уровней владения иностранным языком основывается на методической категории «уровень владения языком», т.е. достигнутой обучающимися способности пользоваться языком как средством общения.

Предметное содержание в контексте уровней владения РКИ – речевые образцы, темы, ситуации общения, сферы общения, отражающие различные сферы жизни человека (от бытовой до профессиональной), а также тексты. Отбор предметного содержания происходит с учетом принципов необходимости и достаточности для достижения определенного уровня на определенном этапе; доступности содержания обучения для его усвоения. На каждом уровне выделяются необходимый объем лексического минимума, грамматические средства общения.

Докладчики акцентировали внимание на том, что сегодня существуют различные классификации проектов, предложенные как зарубежными методистами (У.Х. Килпатрик, Т. Блур и М.Дж. Сент-Джон, Ф.Л. Столлер), так и отечественными учеными, прежде всего Е.С. Полат и М.Ю. Бухаркиной. Особое внимание в докладе уделялось классификации Е.С. Полат, основанной на типологических признаках, к которым можно отнести следующие: 1) доминирующий метод или вид деятельности (исследовательский, творческий, ролево-игровой, информационный, практико-ориентированный проекты); 2) предметно-содержательная область (монопроект и межпредметный проект); 3) характер координации (проекты с открытой или скрытой координацией); 4) характер контактов (внутренний, региональный, международный проекты); 5) количество участников (личностные, парные, групповые проекты); 6) продолжительность (краткосрочный, средней продолжительности, долгосрочный проекты).

Наряду с традиционными типами проектов в рамках обучения РКИ, как отметили докладчики, могут применяться виды проектов, выделяемые ими вслед за Е.М. Зотовой: 1) междисциплинарный; 2) страноведческий и лингвострановедческий; 3) филологический; 4) по лингвистике и межкультурной коммуникации (при этом по-

следний может быть моновязычным или сопоставительным); 5) творческий.

В докладе эти проекты подробным образом были описаны. Так, междисциплинарный проект служит для развития языковой и речевой компетенции, позволяет интегрировать учебные дисциплины, учит работать с аутентичными источниками. При выполнении междисциплинарного проекта следует помнить, отмечают докладчики, что обучающемуся может быть рекомендовано пользоваться иноязычными (русскоязычными) источниками информации, материалами на иностранном (русском) языке. Лингвострановедческий и страноведческий проекты развивают лингвосоциокультурную компетенцию обучающегося, позволяют выполнять яркие, красочные работы, предоставляют широкие возможности для формулирования проблемной темы, для сравнения особенностей культур страны изучаемого языка и своей страны. Страноведческий проект может выполняться как на родном, так и на иностранном (русском) языках, поэтому выполнение не предполагает зависимости от уровня владения РКИ. Филологический проект подразумевает хорошую языковую подготовку обучающегося, определенный опыт чтения иностранной (русской) художественной литературы и, как правило, опыт выполнения филологических проектов на материале родного языка, поэтому предполагает достаточный уровень владения РКИ (B2), а также опыт создания подобных проектов на родном языке. Проект по лингвистике и межкультурной коммуникации исследует языковые и речевые явления иностранного (русского) языка (вопросы различных аспектов теории языка, переводоведения) в моновязычном (в рамках одного языка) или сопоставительном планах (иностранный (русский) язык и родной язык, первый иностранный язык и второй иностранный язык, феномены взаимодействия языков и культур). В данном случае требуется достаточно высокий уровень владения иностранным (русским) языком, умение работать со словарно-справочной литературой. Творческий проект может выполняться учащимися с различными уровнями владения РКИ, в особенности он подходит для детей младшего школьного возраста, если предполагает театрализацию или изготовление чего-либо своими руками.

Главной целью доклада *Марии Александровны Молчановой и Татьяны Сергеевны Макаровой (Московский городской педагоги-*

ческий университет) «Инструменты цифровизации самостоятельной работы студентов (русский язык как иностранный, уровень А1)» стало описание определенного практического методического опыта, накопленного преподавателями кафедры англистики и межкультурной коммуникации ГАОУ ВО МГПУ в области приемов цифровизации самостоятельной работы студентов, изучающих русский язык как иностранный на уровне А1. Докладчики рассмотрели также содержание понятия самостоятельной работы в условиях цифровой среды. Участники круглого стола были ознакомлены с алгоритмом действий, позволяющих преобразовать отдельные элементы используемого учебника или учебного пособия по русскому языку как иностранному в формат, который окажется эффективным как для организации аудиторных занятий в онлайн или смешанном режиме, так и в организации самостоятельной работы изучающих русский язык как иностранный на уровне А1. В докладе также были приведены доступные инструменты, позволяющие перевести самостоятельную внеаудиторную работу изучающих русский язык как иностранный в цифровой формат (платформа Google класс; Google формы для тестов, LearningApps для создания интерактивных упражнений по разным шаблонам), и примеры перевода обучающих материалов в цифровой формат.

В ходе работы круглого стола были заслушаны также сообщения Анны Григорьевны Биба «К проблеме обучения детей-инофонов младшего школьного возраста» и Веры Владимировны Калмыковой «Русский язык как друг и враг в современной культурной ситуации».

Список литературы

- Крюкова О.С., Раренко М.Б. Великие имена русской культуры: писатели, художники, композиторы : учеб. пособие по чтению и развитию речи для студентов, изучающих русский язык как иностранный. – Москва : Издательство Московского университета, 2021. – 86 с.
- Потапурченко З.Н., Жданов В.Н. Москва – столица России : комплексное учеб. пособие для изучающих русский язык как иностранный. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык. Курсы, 2018. – 72 с. – (Путешествуем по России).

References

- Krjukova O.S., Rarenko M.B. *Velikie imena russkoj kul'tury: pisateli, hudozhniki, kompozitory: uchebnoe posobie po chteniju i razvitiju rechi dlja studentov, izuchajuschih russkij jazyk kak inostrannyj* [Great names of Russian culture: writers, artists, composers: a textbook on reading and speech development for students studying Russian as a foreign language]. – Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021. – 86 p. (In Russian)
- Potapurchenko Z.N., Zhdanov V.N. *Moskva – stolica Rossii: Kompleksnoe uchebnoe posobie dlja izuchajushchih russkij jazyk kak inostrannyj* [Moscow – the capital of Russia: A comprehensive textbook for students of Russian as a foreign language]. – 4-e izd., stereotip. – Moscow : Russkij jazyk. Kursy, 2018. – 72 p. – (Serija “Puteshestvuiem po Rossii”) (In Russian)

**Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал**

Серия 6
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023 – № 2

Компьютерная верстка И.П. Леонтьева
Корректор И.П. Леонтьева

Подписано к печати 2 / VI – 2023 г.
Формат 60 х 84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,25 Уч.-изд. л. 7,7
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел. : +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У